

ФОМА

ПРАВОСЛАВНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ СОМНЕВАЮЩИХСЯ

ПОДПИСКА
в любом
почтовом
отделении
по каталогам:
Почта России,
24180
Роспечать,
46335

Читайте в следующих номерах:

■ Настоящее прошлое:
День святого Патрика

■ Позитив:
Православное Косово –
люди и святыни

■ Вопрос номер один:
Монархия и вера

■ Кострома:
Церковь и молодежь
в русской провинции

■ **Георгий ГРЕЧКО:**
Космонавтика веры

Фото PhotoPress

Фото из архива «Фома»

■ **Ярослав СКВОРЦОВ:**
О журналистах и журналистике

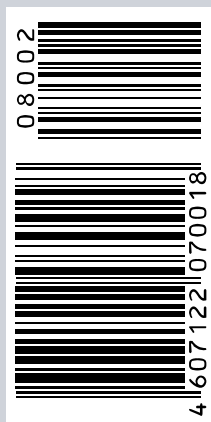

Фото ИТАР-ТАСС

■ **Тутта ЛАРСЕН:**
Храм – идти или нет

«Фома» — журнал для тех, кто искренне хочет разобраться и получить ответ на вопросы о смысле жизни, о необходимости и месте в ней веры, но не уверен или не понимает, зачем для этого нужно идти в Церковь. Наш журнал адресован тем, кому не все равно, зачем мы живем и умираем, кто хочет понять смысл двухтысячелетней церковной традиции. «Фома» не ставит своей целью просвещение «темных» и обращение «заблудших» — мы просто хотим искренне и открыто говорить о вере, любви, радости и боли. И может быть, если все мы сохраним эту искренность и жажду понять, истина явится нам... Как когда-то давно Сам Христос явился измученному Фоме. Чтобы тот, наконец, поверил...

www.foma.ru

www.foma.ru

православный журнал «ФОМА»

№2 (58) февраль 2008

ПРАВОСЛАВНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ СОМНЕВАЮЩИХСЯ

ФОМА

■ памяти
Геннадия
Бачинского

■ бессмыслица,
или
гражданский брак

■ иосифляне,
нестяжатели
и ИНН

Юрий
Вяземский
Писатель и Писание

ФЕВРАЛЬ 2008

Мост

*Между Временем и Вечностью,
Как над брызнувшей водой,
К нам заброшен бесконечностью
Мост воздушно-золотой, —
Разноцветностью играющий,
Видный только для того,
Кто душою ожидающей
Любит Бога своего, —
Кто, забыв свое порочное,
Победил громаду зол
И, как радуга неплочная,
Воссиял — и отошел.*

*Константин Бальмонт
1889 год*

Анатолий ЗЕЛИНСКИЙ,
председатель совета директоров
Балтийского банка, Москва

Судьба «ФОМЫ» — разделиться

Фото Владимира Ештокина

Само появление в современной России такого журнала, как «Фома», — это признак начала возобновления культурной традиции. Издание, которое интеллигенты делают для широких масс — это классическая модель народного просвещения. И мне нравится, как аккуратно и естественно «Фома» развивает этот подход к работе, как бережно редакторы сохраняют первоначальный замысел — рассказать людям о красоте Православия. Никакого насилия над читателем, уважение к авторам, побуждение к полемике, живая реакция читателей на материалы — все это очень впечатляет.

На «Вопрос номер один» февральского номера «**Бывает ли ложь во спасение?**» могу дать однозначный ответ: безусловно, не бывает. Это такой же грех, как и все остальные, и спасительным он быть не может просто по определению. В моей жизни никогда не бывало так, чтобы ложь приводила к чему-то хорошему. Да, в нашей жизни очень много такого, что совершенно не нужно перегружать на близких. На вопрос в дверях: как сегодня прошел день? — автоматически отвечаешь — все нормально, хотя там, скорее всего, хватало всякого. Но на самом деле всегда чувствуешь — что ерунда, а что и нет. Хорошо в этом случае переложить проблему на Господа и все сомнения изложить на исповеди.

Замечательно, что в рубрике «**Числа**» появились рассказы о новомучениках, ведь это уникальный шанс прикоснуться к подлинной духовности, которая здесь, рядом с нами — в документах, в воспоминаниях очевидцев. Это близкая для меня тема, волнующая душу... Я как-то слышал историю сорока мучеников, которых в годы гонений вывели для казни на берег реки. Когда первого поставили на доску над водой и спросили: «Веруешь в Бога?», он ответил просто: «Верую». И был расстрелян. Тогда оставшиеся священники, поняв, что происходит, запели хором молитву на отход души. Так и шли на смерть, славя Бога...

Интересной получилась рубрика «**Смысловая география**», посвященная церковным бабушкам. Признаться, вы меня удивили! С такого необычного ракурса на Ярославль еще никто не смотрел. Недаром каждая

«Смысловая география» начинается с социологического опроса, цель которого — узнать, с чем у людей ассоциируется тот или иной город. Как правило, диапазон ответов, к сожалению, — от банальности до нелепости... «Фома» разрушает стереотипы о регионе — и делает это увлекательно! Рассказывая о привычном и, казалось бы, хорошо известном каждому путешественнику месте, журналист берет на себя очень сложную задачу. Конечно, информацию можно получить отовсюду, но заслуга «Фомы» — в цельности и избирательной подаче фактов.

Современное отношение жителей мегаполисов к «провинциальным» городам — это, в какой-то мере, продукт глобализации и коммерциализации. На рынок попадает только тот продукт, который можно потреблять толпой. Если толпа идет по одной улице — маршрут быстро становится прибыльным. Последствия известны: строительство бесконечных сувенирных лавочек со штампованными буклетами и брелоками... Наверное, журналистов «Фомы» стоит посылать в недельные или даже двухнедельные командировки, чтобы они могли узнать регион глубже, выявить нечто уникальное, неизвестное людям или просто забытое.

Главное для «Фомы» теперь — не останавливаться на достигнутом. Естественно, у меня, как у любого внимательного читателя, есть свои опасения по поводу развития журнала. Он все более усложняется — это видно и по разнообразию материалов, и по глубине проникновения в актуальные проблемы и исторический материал. Порой мне кажется, что «Фома» сводит под одну обложку практически несводимое... Надо четко сегментировать аудиторию, ведь невозможно быть интересными абсолютно всем!

Мне кажется, судьба «Фомы» — разделиться. Редакция может выпускать целый блок изданий: детский журнал; журнал для пожилых людей, которые всю жизнь прожили при советской власти и нуждаются в особом подходе; для молодежи, с которой надо общаться на ее языке и никак иначе. Думаю, «Фома» справится с этой сложной, но необыкновенно важной задачей, ведь цена ее решения — сердца читателей. ■

Анатолий ТОРКУНОВ

/ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА /
Ректор МГИМО(У), МИД России, член-корреспондент РАН

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Юрий ВЯЗЕМСКИЙ

автор и ведущий телепрограммы «Умники и умницы»

Иван ДЕМИДОВ

академик Академии телевидения России

Игорь МЕЩАН

член правления Фонда преп. Серафима Саровского

Ярослав СКВОРЦОВ

декан факультета международной журналистики МГИМО (У)

священник Игорь ФОМИН

настоятель храма св. блгв. кн. Александра Невского при МГИМО (У)

Алексей ШЕСТОПАЛ

зав. кафедрой философии МГИМО (У)

РЕДАКЦИЯ:

Владимир ЛЕГОЙДА

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР / lvr@foma.ru

Владимир ГУРБОЛИКОВ

ПЕРВЫЙ ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА / gurbol@foma.ru

Арсений РУСАК

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА / otvetsek@foma.ru

Анастасия ПАССОВА

АРТ-ДИРЕКТОР / passova@foma.ru

Виталий КАПЛАН

РЕДАКТОР РАЗДЕЛА «ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ» / kapvit@foma.ru

Алла МИТРОФАНОВА

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ / amitrofanova@foma.ru

Алексей СОКОЛОВ

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ / sokolov@foma.ru

Елизавета КИКТЕНКО

КОРРЕСПОНДЕНТ / ekiktenko@foma.ru

Светлана ГАДЖИНСКАЯ / КОРРЕСПОНДЕНТ

Владимир ЕШТОКИН / ФОТОКОРРЕСПОНДЕНТ

Марина КОРОВКИНА / ФОТОРЕДАКТОР / bid@foma.ru

Юрий ЗЕЛЕНЦОВ / ВЕРСТКА, ПРЕ-ПРЕСС

Алла СТЕЦУН / ЦВЕТКОРРЕКЦИЯ

Людмила МАКАРКИНА / КОРРЕКТОР

Наталья НИКОЛАЕВА / КОРРЕКТОР

ДИРЕКЦИЯ:

Игорь МЕЩАН

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР / meshan@foma.ru

Татьяна ПЛАХОТНИК

ГЛАВНЫЙ БУХГАЛТЕР / books1@foma.ru

Мария КИТАЕВА

КОММЕРЧЕСКИЙ ДИРЕКТОР

Дарья ЗАТУЛИНА

СПЕЦПРОЕКТЫ / [dztatulina@foma.ru](mailto:dzatulina@foma.ru)

Эдуард ВАЙНШТЕЙН

ПОДПИСКА / podpiska@foma.ru

Сергей СЕМЕНОВ

РАСПРОСТРАНЕНИЕ / semenov@foma.ru

Ксения САПРЫКИНА

РЕКЛАМА / reklama@foma.ru

Александр ПРИСЯЖНОК

ВОДИТЕЛЬ

Александр ГУРБОЛИКОВ

РАСПРОСТРАНЕНИЕ В ПРАВОСЛАВНЫХ СЕТЯХ
sales@foma.ru (495) 246-74-92

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

105318, г. Москва, а/я 99. Тел.: (495) 369-5636

Телефон «горячей линии» подписки: **8-800-200-08-99**

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА:

Санкт-Петербург: 199034, наб. Лейтенанта Шмидта, д.27. Подворье монастыря Оптиной пустыни. Директор: Денис МАХАНЬКО / makhanko@foma.ru. Редактор: Анна ЕРШОВА / ershova@foma.ru. Зам. директора по развитию: Надежда ОБРЯДИНА / prspb@foma.ru. Тел. (812) 328-5110.

Нижний Новгород: ул. Мануфактурная, д. 14. Ольга СИДОРОВА, Тел.: (8312) 46-73-87.

Екатеринбург: Маргарита ЯКУНИНА / тел.: 8(904) 980-4225;

sitdikova@sgtrk.ru

Томь, Тобольск: «Сибирь Православная». 625032,

ул. Республики, 60. Тел.: (3452) 317-699, (3452) 317-539.

Челябинск: ул. Кыштымская, д. 34, каб. 3. Ольга КРЮКОВА, тел.: 8 (351) 727-1050.

Республика Беларусь

Минск: Минское духовное училище Минской епархии Белорусской Православной Церкви. к/г: 8 (1017) 255-5519, www.mindu.orthodoxy.ru.

e-mail: mindu@tut.by

Бобруйск: 213800, пр. Строителей, 20-81. Татьяна СИВАКОВА,

Тел.: (0225) 55-96-99.

Литва: Liepkalnio g. 19; LT-02105, Vilnius; Lietuva /Lithuania

священник Константин ЛАЗУКИН.

Приглашаем к сотрудничеству региональных представителей: gf@foma.ru. По вопросам рекламы обращайтесь: reklama@foma.ru

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редакция в переписку не вступает. Тираж номера 30000

Отпечатано в УПК ЗАО «Алмаз-Пресс». тел.: (495) 781-19-99

Редакция журнала «Фома» чрезвычайно признательна за поддержку:

Архиепископу Нижегородскому и Арзамасскому Георгию, протоиерею Владимиру Силовьеву, иерею Николаю Емельянову, протоиерею Алексею Семкину, Нине Николаевне Китаевой, Сергею Владиленичичу Габестро, Дмитрию Петровичу Зайцеву, Леониду Александровичу Казинцу, Алексею Николаевичу Захарову, Дмитрию Павловичу Андреевскому. Также просим помолиться о рабах Божиих Дмитрие, Игоре, Феодоре, Андрее, Алевтине, Марии, Дмитрие, Александре, Алексее и Дмитрие за их безвозмездную помощь редакции нашего журнала.

1-я страница обложки — фото Владимира Ештокина

Содержание:

- 4 Владимир ЛЕГОЙДА. **Лицо с обложки**
[Вопрос номер один](#)
- 5 **Бывает ли ложь во спасение?**
[Грани](#)
- 12 Алексей СОКОЛОВ. **Трудно быть батюшкой**
[Телецитата](#)
- 14 Игумен СЕРГИЙ (Рыбко). **Антикварная лавка**

ТЕМА НОМЕРА: Писатель и Писание

- 18 Юрий ВЯЗЕМСКИЙ. **Художник и тайна**
- 32 Владимир ГУРБОЛИКОВ. **Не по Воланду**
- 34 **Открытое письмо**

ЦЕРКОВЬ ХРИСТОВА

- [Ортодоксия](#)
- 39 Александр ТКАЧЕНКО. **Рога и копыта**
[Вопрос — ответ](#)
- 45 Протоиерей Александр МЯКИНИН. **Бог не забудет о нас**
[Мир Библии](#)
- 46 Андрей ДЕСНИЦКИЙ. **Почему у православных «не всё по Библии»?**
[Читаем Писание](#)
- 51 Марина ЖУРИНСКАЯ. **О чуде Божиим**
[Числа](#)
- 52 Даты февраля
- 54 Игумен ДАМАСКИН (Орловский). **Памяти священномученика Петра (Зверева), архиепископа Воронежского**

ПЛАНЕТА ЛЮДЕЙ

- [Большая семья](#)
- 57 Дарья РОЩЕНЯ. **Многолетняя живопись**
Татьяны Чувашевой
[Современники](#)
- 66 **Памяти Геннадия БАЧИНСКОГО. «Надеюсь, я служу добру...»**
[Личное](#)
- 72 Вера ЖИДКОВА. **Господи, сделай так!**
[Позитив](#)
- 74 Священник Игорь ПАЛКИН. **Одушевленная фотография**
[Отношения](#)
- 82 Марина ЖУРИНСКАЯ. **Бессмыслица, или Гражданский брак**
[Личное](#)
- 88 Дмитрий СЛАДКОВ. **Зачем вы делали бомбу?**

СМЫСЛОВАЯ ГЕОГРАФИЯ Ярославль: Бабушки Церкви

- 92 Архиепископ Ярославский и Ростовский КИРИЛЛ
- 93 Губернатор Ярославской области Сергей ВАХРУКОВ
- 94 Денис МАХАНЬКО. **Старость как радость**

ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

- [Настоящее прошлое](#)
- 105 Николай ЛИСОВОЙ. **Иосифляне, нестяжатели и ИНН**
- 113 Блез ПАСКАЛЬ. **Самая хрупкая вещь на свете**
[Галерея](#)
- 114 Любовь ЕВСТРАТОВА. **Картини Любви**
[Чтение](#)
- 120 Протоиерей Николай АГАФОНОВ. **История одного колокола**
[Что читать](#)
- 128 **ПУТЕВОДИТЕЛЬ**
Отклики
ЭПИЛОГ

Фото Владимира Ештокина

Владимир ЛЕГОЙДА,
главный редактор
журнала «Фома»

Лицо с обложки, или Еще раз о глянце и гламуре

В последнее время в дискуссии, которую условно можно назвать «новое лицо православных СМИ», все чаще звучит тема *глянца и гламура*. Не буду определять термины содержательно: на уровне бытовых обсуждений все и так понимают, о чем идет речь. И глянец, и гламур характеризуются прежде всего **сознательно поверхностной** подачей материалов и основной установкой на **развлечение** читателя. «Фома» такого никогда не делал и делать не намерен. Мы всегда старались писать в рамках того подхода к жизни, который сформулировал Блаженный Августин, заявив, что лишь две вещи достойны познания: Бог и душа.

Другое дело, что, как точно заметил в свое время Сергей Довлатов, любая литературная материя состоит из того, что автор, во-первых, хотел сказать, во-вторых, сумел сказать, и, в-третьих, говорить не хотел, но само «сказалось», точнее, помимо воли автора «прочиталось» глазами читателя. Ничего не подделаешь: читатель — это хозяин любого текста, который, как известно, всегда существует лишь в интерпретации. По этой, третьей, причине, мы и не любим спорить с теми, кто говорит: «Вот, вы написали, что...» Ну, что говорить, что не писали, если так прочиталось? Хозяин — барин...

Где-то в интернете сейчас ведут разговор о том, должен ли миссионерский журнал лишь подводить к Церкви или делать что-то большее? А мне, честно говоря, непонятна сама дискуссия. Мы же не спорим о том, должен ли автомобиль только перевозить людей или еще немного стирать и гладить? Журнал а) должен оставаться журналом и б) делать его нужно профессионально и красиво. А приведет ли Господь к себе душу с помощью нашего журнала или без него — нам знать не дано. И еще я не совсем могу согласиться с разговорами о том, что-де, мол, «Фома» — это неплохо, но для тех, кто еще нетверд,

неуверен и проч. «Фома» — это журнал, а любой журнал, конечно, не для всех. «Фома» — не богословский журнал, и предьявлять легковой машине претензии, что она не трактор, — бессмысленно. Наш журнал — о **православном взгляде на жизнь**, и такое издание, конечно же, имеет право на свой взгляд. И когда я слышу что-то вроде: «Тем, кто еще ничего не знает и не нашел, может, и нужен «Фома», а мне (нам) уже нет, мы читаем святых Отцов и беседуем со священниками», мне всегда хочется сказать: да мы же не альтернатива священнику или текстам Отцов! Мы — журнал. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Нас вполне можно любить или не любить, но именно *как журнал*, а не как богословский текст по пневматологии или патристике.

Кстати сказать, меньше всего нареканий подобного рода мы слышим именно от наших читателей-священников и монахов. Может быть, они тоже сомневающиеся? Или просто понимают, в чем задачи журналов и в чем их ценность, и не пытаются убить одним выстрелом зайца и утку?

О наболевшем, точнее, о больном. О лицах с обложки. Суммировать конструктивную критику можно примерно так: лицо известного человека на обложке как бы настраивает читателя на рекламную волну: «Вы еще не православные? Тогда мы идем к вам!» (почти как в ролике известного стирального порошка). Опасность видится в том, что человек с обложки — нередко не авторитет в богословии и не образец в вопросах нравственности. А читатель может начать рассуждать примерно так: известный Имьярек носит крестик, вот и я начну носить крестик и спокойно буду чувствовать себя православным. Получается, «Фома» пропагандирует такое вот «Православие-лайт»?

Да, опасность есть, как есть она в любом случае, когда говорят о вере. Как ее избежать в случае с «верующими

и знаменитыми» — пока непонятно. Понятно то, что не стоит делать вид, будто таких людей нет или отказывать им в праве верить и о своей вере говорить. Другое дело, что для нас лицо на обложке (а главное — материал с «лицом» внутри) не дидактический или агиографический опус, который должен осветить всем сомневающимся путь в Царствие Небесное подобно тому, как факел франко-американской статуи Свободы освещает дорогу к радостям демократии... Для нас лицо с обложки прямо соотносится с темой «Бог и человек». Человек, который ищет Бога, не всегда находит, многого не понимает, падает, но готов вновь вставать. Человек, с которым мы можем быть несогласны (зачастую так и есть), но который нам интересен, потому что он не тепл: *Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих* (Откр 3: 15-16). Иными словами, для нас смысл лица на обложке вовсе не рекламнопорошковый («тогда мы идем к вам»), но — «я думаю о том, что и вы, хожу в Церковь, сомневаюсь, переживаю, снимаюсь в кино, а потом плачу ночью». То есть человек в «Фоме» — **это про душу, а не про стиральный порошок**. Просто надо прочитать текст с уважением и с вниманием. Иначе как любить ближнего, которого видишь? (Ср.: *Кто говорит: «я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец: ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит?* (1 Ин 4:20))

И еще честно — о том, что не удается. Один наш друг как-то сказал: главная проблема обложек журнала в том, что поиск Фомы — это всегда поиск, нерв, драма, иногда трагедия. А у вас обложки часто спокойные, без драмы. Что тут возразить? Мне нечего. Можем лишь пообещать: будем искать. Давайте вместе? ■

Фото Марины Антоновой

Вопрос номер один

Бывает ли ложь во спасение

**Протоиерей
Георгий ГОРБАЧУК,**

ректор Владимирской духовной семинарии, настоятель Спасо-Преображенского храма у Золотых Ворот, Владимир

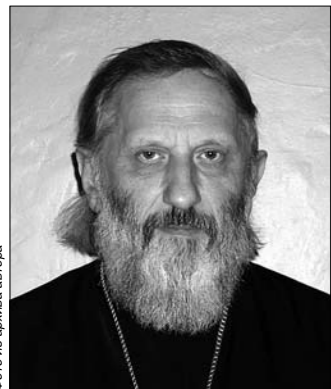

Фото из архива автора

Всегда ли спасительна правда?

Ответ, казалось бы, очевиден. Ложь — это грех, следовательно, она не может быть спасительна.

Но всё ли так однозначно? Всегда ли спасительна правда?

Давайте обратимся к Евангелию. Иуда не солгал. Он не Петра поцеловал, сказав, что это Иисус, и не Фому... Но правда, сказанная не вовремя, не для пользы, не для добра, является предательством и считается тягчайшим грехом. Такая правда — прямой путь в ад и она не может быть спасительна.

А если правда не всегда спасительна, логично предположить, что иногда лучше солгать, чем сказать правду.

Чтобы пояснить это утверждение, приведу следующий пример.

В советское время меня неоднократно вызывали в Комитет государственной безопасности для «проработки» (он располагался в здании, где теперь находится Владимирская духовная семинария). Как-то раз мне показали список фамилий и спросили, крестил ли я названных там людей.

Если бы я сказал правду и признался в совершении таинства, людей, зане-

сённых в список, стали бы прорабатывать на партийных собраниях, лишили бы премий, сняли бы с очереди на квартиры и т. д. Поэтому я ответил сотруднику КГБ, что не крестил названных в списке, и объяснил суть проблемы следующим образом: «Мимо меня бежит человек в большом страхе, я вижу, как он прячется в кустах. Вскоре прибегает другой, с дубиной в руках, и спрашивает: «Не пробегал ли здесь кто-либо?» Если я покажу неверное направление, спрятавшийся будет спасён. Поэтому я отвечаю: не крестил никого из указанных Вами лиц». Он негодовал, но дело на том и закончилось.

Итак, Иудина правда погибельна, а ложь иногда необходима. Вынужденно необходима. Сказать, что она спасительна, было бы неверно. Ведь в ситуации, когда к Вам подбегает человек с дубиной, есть ещё один вариант поведения — быть мучеником правды и ответить: «Здесь был человек, я знаю, где он, но не скажу, даже если мне придётся умереть». Вопрос только в том, все ли способны на это?

**Протоиерей
Александр СОРОКИН,**

настоятель храма Феодоровской иконы Божией Матери, председатель Издательского отдела Санкт-Петербургской епархии, Санкт-Петербург

**Определить
«наименьшее зло»**

Если кто думает, что «ложь во спасение» — цитата из Библии, то он ошибается. Это искаженная цитата из 32 псалма: *Не спасается царь многою силою, и исполнен не спасется множеством крепости своя. Ложь конь во спасение, во множестве же силы своя не спасется* (Пс 32:16–17), по-русски: *Ненадежен конь для спасения. Ложь — в данном случае славянское краткое прилагательное мужского рода*

Фото Дениса Маханько

(в русском Синодальном переводе оно и переведено как «ненадежен»). Речь идет, как мы видим, о коне, однако в пословицу вошел совсем другой смысл. Другой пример употребления того же слова (и снова в Псалтири) — это псалом 115: *Аз же рех во изступлении моем: всяк человек ложь* (Пс 115:2), то есть опять-таки «ненадежен». Мне кажется, когда мы стоим перед вопросом «лгать или не лгать» и при этом в пользу «лгать» нас склоняют различные соображения о благе или преодолении какого-то вреда, мы сталкиваемся с классической ситуацией выбора «наименьшего зла». Мы-то знаем, что в принципе, лгать — плохо, это грех, за это так или иначе если не угрызает, то укалывает совесть. Но бывают ситуации, когда на противоположной чаше весов («не лгать») оказываются перспективы еще худших последствий. Главный вопрос здесь, как всегда, в том, чтобы определить, что есть в той или иной ситуации «наименьшее зло». В самом ли деле данное конкретное вранье будет меньшим грехом и принесет меньше вреда, чем «правда-матка», которую человек готов «резать» по полной программе при любом раскладе? Не говоря уже о том, что совестливому человеку лгать даже «во спасение», даже в какой-то небольшой мелочи трудно и дискомфортно, так что обманывает он зачастую довольно неумело, и в конечном итоге от этого может выйти еще большее зло.

Если конкретизировать проблему, то нужно сказать, что ложь «в свою пользу» запретна, и прежде всего потому, что чаще всего «применяется», чтобы избежать неприятных последствий, наказания за преступление или расплаты за какую-либо ошибку. Допустимо солгать ради спасения жизни ближнего, укрывая его от преследования; иногда допустимо уклониться от истины, говоря о диагнозе смертельно больному человеку (подчеркиваю — иногда, так как очень многое зависит от самых разнообразных дополнительных обстоятельств). В целом же, если «ложь во спасение» и можно в каких-то конкретных редких ситуациях оправдать любовью к ближнему, то вообще она является весьма опасным инструментом, «замыливающим» глаз между любовью к ближним и неким «благом» по собственному разумению.

**Священник
Иоанн ОХЛОБЫСТИН,**

сценарист, писатель, Москва

Фото Дениса Маханько

В черном белого быть не может

Мне кажется, говоря о лжи, надо четко разграничивать два понятия — «ложь» и «утаивание». Ложь во спасение невозможно, а вот утаивание — да, в некоторых случаях оно, действительно, спасительно. Предположим, человек смертельно болен — это форс-мажорная ситуация, в которой сокрытие страшной правды — иногда един-

ственный способ не дать ему пасть духом.

Но все-таки очень непорочно самостоятельно, полагаясь лишь на свое представление о благе, решать, будет ли ложь в конкретном случае спасением. Мир существует по определенным законам, и событийный ряд — проявление этих законов, соответственно, он находится под патронажем Бога. Так или иначе, если ситуация произошла, значит она угодна Господу, либо спровоцирована нашими же поступками по поущению Божьему. Говоря неправду, мы коверкаем истину: в черном белого быть не может.

**Протоиерей
Георгий БЛАТИНСКИЙ,**

настоятель храма Рождества Христова и святителя Николая Чудотворца, Флоренция, Константинопольский Патриархат

Фото из архива автора

Ложная правда

Нет, я считаю, что ложь, под каким бы соусом она ни подавалась, недопустима. В Евангелии написано, что *отец лжи — дьявол* (Ин 8:44). Если мы творим ложь, думая, что спасаем кого-то или что-то — это обман. Ложь, а другими словами лукавство, к добру приведет никого и никаким образом не может. Лукавство Духом Святым не совершается. Поэтому нужно стараться не допускать лжи в наших речах или поступках.

Но, конечно, бывают в жизни ситуации, когда правда, сказанная в лицо, может сильно задеть чело-

века, причинить боль. В таком случае, я предпочитаю просто не говорить ничего, отложить правдивый разговор до другого раза. Думаю, что не сказать — это, в редких случаях, все же возможный путь. Я бы очень хотел и этого не делать, но в жизни не все получается так, как хочешь. Поэтому я оставляю для себя эту возможность на крайний случай.

**Протоиерей
Игорь ПЧЕЛИНЦЕВ,**

пресс-секретарь епархии, Нижегородской епархии, Нижний Новгород

Фото из архива журнала «Фома»

**Истлевшие
лохмотья
глянцевой лжи**

Я понимаю, что люди, употребляющие выражение «ложь во спасение», чаще всего имеют в виду сокрытие или искажение настоящего положения дел ради душевного покоя, например, людей тяжело больных или еще в каких-либо критических ситуациях. В делах, когда невыгодно открывать правду, но от неведения никто не пострадает. То есть не имеется в виду какое-то сознательное предательство, служение «отцу лжи и главному лжецу».

Подобное, увы, возможно в нашем падшем мире, и от этого очень печально. Например, дипломатия (как дипломатия человеческих отношений, так и международная) тоже часто является «ложью во спасение». Применение этого приема и

есть одно из свидетельств невыносимой разделенности нашего мира. Как смертная казнь — «необходимое, неизбежное зло», убийство во имя «счастья» оставшихся в живых. И душе остается только скорбеть и плакать о том счастливом времени, когда не надо будет прятать правду в истлевшие лохмотья глянцевого неправды.

При этом «ложь во избавление» — это и есть зло. Ложь есть ложь, и отвечать за нее надо как за грех. Например, Великая княгиня и преподобномученица Елисавета Феодорова в своей Марфо-Мариинской обители старалась приложить усилия сердца, чтобы приготовить безнадежно больного человека к христианской кончине, нежели оставлять его в неведении о своем трагическом положении.

**Священник
Евгений ЛИХОТА,**

настоятель Свято-Христорождественской церкви, Брест

Фото из архива автора

Нельзя врать Богу

Мы живём в мире, который лежит во зле. В нём часто действуют законы греховных сплетений, где ложь порождает ложь. Христианство предлагает вариант разорвать цепь лжи — покаяние. Другой вопрос — говорить ребёнку о том, что он скоро умрёт? Является ли ложью сокрытие правды или умолчание о правде? Это дело совести каждого.

Авва Дорофей в своих поучениях писал, что «когда случится такая великая необходимость уклониться от слова правды, то и тогда человек не должен оставаться беспечальным, а должен каяться и плакать перед Богом и считать такой случай временем искушения».

Мне кажется, проблема современных людей — разорвать круг лжи в их собственной жизни. Человек надевает одну маску в общении с близкими, другую — на работе, ещё одну — в кругу друзей, и, самое страшное, он надевает маску, когда начинает читать молитвенное правило или идёт в церковь. Он начинает врать Богу и теряет себя. В этой лжи распадается его собственная душа. Насколько человек духовно развивается, настолько же он освобождается от всякой лжи.

**Священник
Александр РЯБКОВ,**

клирик храма святого великомученика Димитрия Солунского, Санкт-Петербург

С какой целью произнесена неправда?

Сказанная один раз неправда — это еще не сама ложь. Всякий может споткнуться, испугаться, попасть под давление более сильного. Ложь — это внутренняя установка, сложившееся мировоззрение или даже намеренное служение «отцу лжи». В основе лжи лежит неправ-

Фото из архива автора

вильный жизненный ориентир. Поэтому нужно различать — с какой целью проинесена неправда?

Если я скрываю местоположение человека от людей, которые хотят подвергнуть его насилию, будет ли это ложью? Нет, потому что в основе есть желание послужить правде. Разве служили лжи герои-подпольщики, не выдавая своих товарищей? А будем ли мы служить лжи, если будем беречь своих детей от разлагающей информации? Конечно, нет. Но если мы в процессе их воспитания не будем исправлять свои недостатки, а просто всеми средствами скрывать их, — это будет ложью. Будем ли мы служить лжи, сберегая человека, ставшего на путь исправления, от прежних развращающих его связей? Нет, мы, например, вправе сказать старым друзьям, что того, за кого мы боремся, нет дома или он уехал.

Но можем ли мы не говорить человеку, что он смертельно болен? Если человек болен нравственно, нельзя от него это скрывать. Если человек болен физически и дни его сочтены, он тоже должен быть об этом извещен. Ему надо примириться с Богом, ближними, осознать реальность встречи с иным миром и быть готовым к ней. И часто в этой ситуации близкие выбирают путь «заговаривания

зубов». «Мы его обманываем ради него». Но здесь есть лукавство. Создать человеку покойную атмосферу осмысления пройденного пути и расположить его к покаянию — большая и серьезная работа. И мы не хотим взваливать на себя еще и этот психологический груз.

Архимандрит АЛЕКСИЙ (Шинкевич),

ответственный сотрудник Белорусского экзархата по связям со СМИ, Минск

фото из архива автора

Промолчать ради любви

К сожалению, в пастырской жизни бывают такие ситуации, когда приходится не говорить истинную правду, но только в тех случаях, когда она опаснее и губительнее лжи. Но не менее ответственна ситуация, когда приходится открывать истину, как бы нелю-

приятна она ни была. Решение об умолчании требует особых нравственных борений и переживаний. Вспоминаются слова отца Павла Флоренского, который заметил, что даже истина, даже правда — антиномична, противоречива.

Ибо не может быть у Бога неправда (Иов 34:10).

Здесь нужно иметь особое духовное рассуждение, содействующий истине и правде особый внутренний голос Божий, или, как говорит апостол Иоанн, *здесь нужен ум, имеющий мудрость* (Откр 17:9).

Иеромонах НИКОН (Бачманов),

преподаватель Ставропольской православной духовной семинарии, Ставрополь

Ложь — то, чего нет

Для человека размышляющего ответ очевиден, никакой грех (а ложь — это грех) не может нас сделать ближе к Богу, т. к. ложь есть злой вымысел сатаны, ложь — это, по сути, то, чего нет. Священное Писание осуждает ложь в любой форме: *всякая неправда есть грех* (1 Ин 5:17). Но вот когда приходится спускаться из области размышлений к реалиям жизни, то наша падшая природа подводит. *Всякий человек лжив* (Рим 3:4), говорит нам апо-

фото из архива автора

стол Павел о нашей природе. Здесь, однако, нет противоречия. Если мы обратимся к Священному Писанию и житиям святых, то увидим, что в них ложь и хитрость либо однозначно осуждаются, либо имеют плачевные последствия. Например, ветхозаветному Иакову за обман отца пришлось долго терпеть скитание вдали от родного дома и ненависть брата. Да и сами каноны церковные не освобождают от ответственности тех, кто хотя и по нужде, но согрешил обманом (Последование о исповеди. Требник). Сказать, безусловно, возможна ли ложь во спасение, — нельзя. А вот на вопрос, приведет ли ложь к спасению нашей души, ответ однозначный — нет! «Ложь закрывает двери к молитве. Ложь изгоняет веру из сердца человека. Господь удаляется от человека, творящего ложь» (свт. Феофан Затворник). ■

«Церковные ткани»

товары для венчания и крещения: плащаницы и хоругви для облачения храмов
 облачения архиерейские, иерейские, русские и греческие, схиры, манты, газсы и др.
 спектр товаров для священнослужителей и монашествующих: хитоны, хитоны, хитоны
 платки, шарфы, косынки, палантинны, шали, крестильные рубашки
 великопеленный набор товаров для рукодельниц: бисер, пайетки, стразы, ленты, бахрама, тесьма и многое другое
 исторической реконструкции, хозяйкам на постельное и столовое бельё: лён, хлопок, шелк, шерсть, парча (Турция, Франция Испания и др.), бархат, замша

Наши адреса:

Москва, улица Большая Ордынка, дом 60/2 (на территории храма св. вми. Екатерины)
 телефон: +7 (495) 953 47 53, тел./факс: +7 (495) 959 12 90

Санкт-Петербург, Московский проспект, дом 104
 телефон: +7 (812) 388 30 27, +7 (812) 387 58 33

Интернет-магазин: www.riznitca.ru/shop/

ипотека * покупка * продажа * обмен

СВЕТЛИЦА Работаем на рынке недвижимости с 1991 года. Москва и ближайшее Подмосковье

<http://svetliza.ru;> ☎ (495)(499)124-57-09, 124-79-04

...МЕЦЕНАТСТВА ■

Российский клуб православных меценатов (РКПМ) провел акцию «Все по-честному», главной задачей которой было не только собрать деньги на благотворительные цели, но и наглядно продемонстрировать людям, как именно эти деньги распределяются.

Средства собирались в нескольких московских супермаркетах в специальные прозрачные шары-копилки, которые затем привозились в студию телевизионного ток-

шоу «Все по-честному» телеканала «Столица», где собранные средства подсчитывали независимые аудиторы.

— Стратегическая цель нашей программы — популяризация традиций меценатства и благотворительности, — рассказал «Фоме» заместитель председателя РКПМ Роман ЗИМИН. — Мы никого не учим, никого не призываем, никого не приводим за руку, а просто надеемся, что люди, имеющие финансовые ресурсы, увидят эту программу. Пускай они помогут не в рамках нашей программы, а где-то в другом месте. Главное, чтобы они были благотворительно активны.

Всего акция помогла собрать более 180 тысяч рублей. В новом году Российский клуб православных меценатов намерен с учетом имеющегося опыта продолжить проект.

...МИССИИ ■

В московском храме апостола Фомы на Кантемировской улице начала работу школа «уличных проповедников». Это совершенно новый опыт для Церкви, результаты которого оценивать пока рано.

Ее создатель и руководитель — священник Даниил СЫСОЕВ известен своей миссионерской работой среди гастарбайтеров и националь-

фото Максима Праздника

ных диаспор столицы. По его словам, проповедь на улицах города долгое время была уделом сектантов, но сегодня пришло время сломать этот стереотип.

— Православный миссионер, идущий на улицу, говорящий с неверующими людьми, должен в первую очередь помнить, что главное в его проповеди — рассказ о Христе, и именно на это направлена вся его миссия, — рассказал «Фоме» отец Даниил. — Конечно, миссионер должен быть образованным, уметь отвечать на вопросы неверующих людей о Церкви, знать Священное Писание и отличать настоящее Православие от «подделок» под него. Но также миссионер должен являть собой пример истинной христианской любви к людям, проповедовать не только словами, но и личным примером.

...ОБЩЕСТВА ■

Около полутора миллионов человек собрал прошедший в Мадриде митинг в поддержку традиционной христианской семьи. Активисты общественных католических организаций прибыли в столицу из разных концов Испании на сотнях автобусов. На площади Колумба для них было установлено несколько экранов, с которых к собравшимся обратился Папа Римский БЕНЕДИКТ XVI.

Изначально митинг носил сугубо религиозный характер, но на нем не обошлось и без политических заявлений.

— Семье как освященному церковью союзу мужчины и женщины грозит страшная опасность со стороны богоборческих, атеистических правительств, воцарившихся в некоторых странах Европы, — заявил на митинге известный общественный деятель Хосе Гомес АРГУЭЛЬО, основатель католической организации «Новый путь к катехизису».

Критику в адрес политики правительства высказал и архиепископ Мадрида кардинал Роука ВАРЕЛА, который выступил против новых законов, легализующих аборт и однополые браки.

...ПОДДЕРЖКИ ■

Грант в размере 12 миллионов рублей выделил в этом году Благотворительный Фонд преподобного Серафима Саровского победителям конкурса «Православная инициатива», который проводится по благословению Патриарха Московского и всея Руси АЛЕКСИЯ. Главной задачей конкурса является оказание поддержки социальных и культурных инициатив православных организаций со всей страны, а также из ближнего зарубежья.

Среди победителей этого года Екатеринбургский «Социально-педагогический центр реабилитации детей-инвалидов», украинское Культурно-просветительское товарищество имени Кирилла и Мефодия, петербургский Фонд имени академика Лихачева и многие другие.

Награждение победителей с вручением им дипломов и подарков традиционно прошло в Троицком Соборе Свято-Троицкого Серафимово-Дивеевского женского монастыря. Награды вручали полномочный представитель Президента в Приволжском Федеральном округе Александр КОНОВАЛОВ и архиепископ Нижегородский и Арзамасский ГЕОРГИЙ.

фото Бориса Певарова

Также победители приняли участие в конференции «Социальное

посредничество: поддержка гражданских инициатив по достойному устройению жизни», в рамках которой под руководством пресекретаря нижегородской епархии протоиерея Игоря ПЧЕЛИНЦЕВА и главного редактора журнала «Фоме» Владимира ЛЕГОЙДЫ прошел круглый стол, посвященный проблеме положения Церкви в современном медиумном пространстве.

Участие в нем приняли международный корреспондент журнала «Русский Newsweek» Илья АРХИПОВ, начальник департамента межнациональных отношений министерства регионального развития Александр ЖУРАВСКИЙ, исполнительный директор юбилейных торжеств в честь 600-летия представления преподобного Саввы Сторожевского Павел ИЛЛАРИОНОВ, член Общественной палаты Дмитрий СЛАДКОВ и другие.

— Важным итогом нашей встречи стало признание того факта, что Церковь сегодня существует в условиях открытого информационного общества, и потому необходимо учитывать существующие в нем законы, — рассказал «Фоме» Дмитрий Сладков. — В первую очередь для этого необходимо сформулировать церковно-богословское отношение к самому феномену современных СМИ. Коммерческий подход к масс-медиа и современный взгляд на этику СМИ далеко не всегда отвечают христианским представлениям о морали. Зачастую православный человек, работающий журналистом попадает в двойственные ситуации, которые не знает, как следует разрешить. В подобных случаях ему необходима поддержка со стороны православной антропологии.

...ПРОСВЕЩЕНИЯ ■

«Услышать Бога» — так называлась в этом году тема православного миссионерского лагеря, который регулярно открывается летом на японском острове Хоккайдо при поддержке духовенства Японской Православной Церкви.

Главная задача организаторов лагеря — рассказать людям о сути христианской веры и ее традициях. Ежегодно ими выбирается какая-то одна тема, которая становится основной. В 2004 году его участники смогли узнать все об устройстве православного храма и богослужении, в 2005-м лагерь был посвящен подробному рассказу о Священном

Писании, а в 2006-м — учению о сотворении мира.

В 2007 году все три дня были построены так, чтобы научить детей, как христианин должен жить по воле Божьей.

Впрочем, несмотря на то, что программа лагеря ориентирована в первую очередь на детей, участвуют в нем люди самых разных возрастов. Кроме миссионерской задачи, лагерю удается выполнять еще одну — помогать людям находить друзей и единомышленников.

— Встретившись во время православного лагеря с верующими Хоккайдо, я почувствовала, что действительно вернулась в свой родной дом, — рассказала «Фоме» прихожанка Хакодате Пелагия Отиай, заканчивающая сейчас магистерскую программу в области религиоведения в университете Досия города Киото. — Еще со времени моей учебы в воскресной школе летние встречи с православными друзьями стали для меня одним из самых радостных событий в приходской жизни.

...КИНЕМАТОГРАФА ■

Фильм Павла Лунгина «Остров» вышел в прокат во Франции. Примечательно, что в распространяемой к выходу фильма подборке для прессы среди рекомендованной литера-

туры указаны православный катехизис, «Пути русского богословия» протоиерея Георгия Флоровского, «Столп и утверждение истины» священника Павла Флоренского.

В подборке помещены интервью режиссера, резюме фильма и выходные данные, справочные тексты о Православии, о русском монашестве, об иконописи, а также краткий словарь непонятных для западного человека богословских, бытовых и церковных терминов, ряд изречений отцов-пустынников.

...МУЗЫКИ ■

7 января в Большом зале Московской консерватории им. П. И. Чайковского состоялась российская премьера «Рождественской оратории». Ее автор — епископ Венский и Австрийский ИЛАРИОН.

фото Максима Праздника

Зал, вмещающий почти 1800 зрителей, был полон. Оратория состояла из 28 номеров общей продолжительностью около 1 часа 10 минут. Речитатив Евангелиста чередовался с пением хора и чисто инструментальными номерами.

Мировая премьера «Рождественской оратории» состоялась 17 декабря прошлого года в Национальной кафедральной базилике столицы США. Первое монументальное произведение епископа Илариона для хора и оркестра — «Страсти по Матфею» — было впервые исполнено 27 марта 2007 года в Московской консерватории. ■

Алексей СОКОЛОВ,
Кристина ИВАНОВА,
Ксения РЫНДАЧ,
Галина БЕССТРЕМЯННАЯ.
При подготовке рубрики использованы материалы информационного агентства «Интерфакс-религия», «РИА-Новости» и пресс-службы Московской Патриархии.

Фото Константина Шапкина

Трудно быть батюшкой

К вопросу о церковной самокритике

На ежегодном собрании Московской епархии председатель епархиального совета архиепископ Истринский АРСЕНИЙ выступил с критикой тех священников, которые небрежно относятся к своим обязанностям. Это далеко не первый случай, когда авторитетные в церковной среде люди осуждают «нерадивых» клириков.

По словам **архиепископа АРСЕНИЯ**, некоторые молодые священники пренебрегают уставом, сокращают для собственного удобства службу. Нередко они закрывают глаза и на nepотpeбное поведение тех богатых людей, которые превращают свои крещения и венчания в шоу со смехом, фотовспышками и кутежом в стенах храма.

— Священник при этом не пытается призвать присутствующих к молитве, — заметил владыка. — Нужно выявить лиц, пренебрегающих уставом, и ходатайствовать перед Святейшим Патриархом об освобождении их от непосильных обязанностей священнослужения.

Почти одновременно на ту же тему высказался и **епископ Саратовский ЛОНГИН**. Говоря об итогах прошлого года, он назвал одной из основных проблем епархиальной жизни нехватку духовенства:

— Строительные и реставрационные работы сегодня опережают процесс подготовки священников.

Нам не хватает тех, кто был бы способен организовать приходскую жизнь, заботясь одновременно и о духовной, и о хозяйственной составляющей. Когда у клирика нет подобающего сану внутреннего содержания, то нет и полноценной проповеди, нет слова назидания, идущего не просто от ума, но и от опыта.

Подобная ситуация начала обнаруживаться еще в перестройку, когда возрождение храмов и рост интереса к религии пошли в СССР большими темпами. За несколько лет число приходов в некоторых епархиях выросло в десять раз, всюду начали открывать монастыри. Но церковным строительством занялись в первую очередь новообращенные неофиты без должного духовного опыта и образования. Отсюда и вырос основной комплекс проблем современной Церкви.

Древние монастыри, чьи традиции, порядки и опыт монашеской жизни формировались веками, в 90-е годы воссоздавались в течение года-двух. Почти сразу в них

возникла братия, порой из числа людей, не прошедших даже положенной будущим монахам подготовки.

Потом эти монашеские общины некоторых обителей были на грани ухода в раскол, переставали признавать церковную иерархию.

Аналогичным образом формировалось и приходское духовенство. Случалось, что крестившийся в десятом классе школьник через два года после выпуска получал сан, учась на заочном отделении духовной семинарии. Неудивительно, что Патриарху уже не раз приходилось выступать против так называемого «младостарчества» — превращения начинающих, неопытных священников в харизматических лидеров, чье руководство губило судьбы людей и превращало церковные приходы чуть ли не в сектантские образования.

При этом, осознавая всю глубину проблемы, Церковь не всегда может оперативно переменить ситуацию. Новое духовенство сегодня необходимо хотя бы потому, что

там, где нет православного храма, моментально возникают деструктивные секты. Как раз по этому сценарию развивались события со знаменитой сектой «пензенских сидельцев». Человек, не имевший к духовенству никакого отношения, облачился в рясу, назвал себя «схимонахом Максимом» и увел за собой немало людей. Остановить же его оказалось некому...

В современной Греции исповедовать людей имеют право только священники с большим стажем и получившие на то особое благословение. В современной России, после гонений и планомерного уничтожения религии, такое, разумеется, не возможно — опытных священников катастрофически не хватает.

А потому Церкви приходится двигаться между Сциллой и Харибдой, с одной стороны, выдвигая к будущим клирикам жесткие требования, а с другой — всеми силами пытаюсь увеличить их число.

Семинарии не могут похвастаться высоким конкурсом, однако лишь немногие из них рискуют сегодня снижать требования к абитуриентам. Не только в центральных, но и в провинциальных духовных школах от студентов требуют не только знаний, но и высокого морального поведения. Да и то, далеко не все семинаристы принимают сан после учебы.

Некоторые архиереи говорят при этом прямо: если речь идет о выборе между плохим священником и никаким, то уж лучше тогда никакой.

Однако не стоит списывать все беды Церкви исключительно на «плохих батюшек». Сегодня, когда один священник может быть настоятелем сразу пяти разоренных и бедных сельских церквей, многие священники несут свое служение буквально из последних сил. И порой они просто не успевают уделить время и внимание всем, кто в этом нуждается.

Такая неоднозначность ситуации требует от церковных иерархов быть крайне осторожными и не устраивать жестких «кадровых чисток». А в результате возникает замкнутый круг, из которого сегодня, казалось бы, не видно выхода.

И потому остается надеяться, что подобная ситуация — это, скорее всего, болезнь роста, которую все-таки удастся преодолеть со временем. ■

Алексей СОКОЛОВ

Владимир ВИГИЛЯНСКИЙ,

руководитель пресс-службы
Московской Патриархии,
священник

Фото Сергея Тегерина

Священник — не значит безгрешный

— Автором аналитической заметки поднят очень серьезный вопрос, который имеет несколько аспектов. **Во-первых**, это проблема духовного образования и подготовки церковных кадров. За трагический период советской власти были прерваны многие традиции, в том числе образования и воспитания пастырей. Для того чтобы восстановить их, требуются десятилетия. **Количество храмов в России растет быстрее, чем количество священнослужителей.** Кроме того, даже при самом жестком отборе не каждый выпускник семинарии может стать достойным и благоговейным пастырем.

Во-вторых, священник на приходе всегда у всех на виду — даже малейший промах, кривизна в поведении, неосторожное слово, небрежность и невнимательность священнослужителя становится слишком заметной для прихожан. Степень доверия к Церкви и священникам в последние 20 лет остается очень высокой, и потому людям иного призвания и профессии мелкие этические отклонения могли бы простить, но не пастырю, чей авторитет в глазах прихожан должен быть незыблемым. Однако нет человека без греха, кроме Самого Господа. Даже великие подвижники и прославленные святые плакали о своих грехах. Священники, также как и все люди, не могут не рассчитывать на снисхождение и понимание со стороны членов общины, если, конечно, сам пастырь ведет пасомых к Богу, а не к себе любимому. В подавляющем большинстве своем священники у нас очень достойные и самоотверженные люди, но есть среди них такие, которые не могут нести того груза ответственности, который на них возложен. Вспомним, что среди двенадцати апостолов, окружавших Иисуса Христа, был один предатель. О церковном обществе нельзя судить, обращая свое внимание только на «иуд».

И наконец, **третий аспект** — это очистительный самокритичный взгляд на самих себя, который демонстрируют и Святейший Патриарх, и цитируемые в аналитической заметке архипастыри. В Москве, например, существует дисциплинарная комиссия при Епархиальном совете, которая разбирает всевозможные конфликтные ситуации на приходах, следит за поведением священнослужителей, проводит в храмах финансовые проверки и т. д. Святейший Патриарх как-то высказался в связи с критическими в отношении Церкви выступлениями СМИ: «У нас нет „табу“ — запретов — ни для каких выступлений, если они продиктованы заботами о благе нашей Церкви». В опубликованных докладах Патриарха на епархиальных собраниях за последние 17 лет заинтересованный читатель найдет множество примеров жесткой критики московского духовенства. В антирелигиозной публицистике мы не найдем такой концентрации примеров неподобающего поведения священнослужителей, какую демонстрирует в своих выступлениях Святейший Патриарх, заботящийся в первую очередь о благе Церкви. Цифры отправленных за штат священнослужителей в ежегодных отчетах говорят сами за себя. Ничего подобного мы не найдем в выступлениях лидеров других религиозных групп. Что-то я никогда не слышал, чтобы, например, журналисты или правозащитники отправляли своих коллег «за штат», скажем, за нарушение профессиональных этических норм, чтобы у них вообще существовала «дисциплинарная комиссия».

Корпорация духовенства Русской Православной Церкви на сегодняшний день остается одной из самых открытых и самокритичных структур в нашем российском обществе. При таком строгом отношении к самим себе никакие конфликты и временные кризисы не страшны. ■

СОВМЕСТНЫЙ ПРОЕКТ

ФОМА

РУССКИЙ
ВЗГЛЯД

Совместный проект журнала «Фома» и передачи «Русский взгляд» (3 канал). В рубрике «Телецитата» мы публикуем особенно интересные и важные высказывания гостей телеэфира. С полными стенограммами передачи можно ознакомиться на сайте «Фомы» www.foma.ru.

**Игумен
СЕРГИЙ (Рыбко),**

настоятель храма
Сошествия Святого Духа
на бывшем Лазаревском кладбище
в Москве

Фото из архива автора

Антикварная
лавка

«Назначение настоящего искусства — чему-то учить, просвещать людей, вести их к доброму, высокому. И это может делать не только классическая музыка, но и современная талантливая эстрада и, конечно, рок. В период «совка» рок заставил нас задуматься о жизни, зарекомендовал себя в качестве мудрой, философской музыки. Но парадокс сегодняшнего времени: как раз то, что действительно глубоко, что несет в себе искру вечности и способно изменить мир вокруг, почему-то не приветствуется... Почему? Потому что это трудней продать! Как в антикварной лавке, понимаете? Есть отличная вещь высокого качества, но покупателей на нее немного. Поэтому она пылится на полке годами, пока не найдется тот, кто захочет ее приобрести. А какую-то дешевку, подделку — пожалуйста, идите, покупайте и размножайте!».

Эфир от 30 декабря 2007 года. Тема: «Попса».

■ Смотрите телепередачу «РУССКИЙ ВЗГЛЯД» каждое воскресенье, в 15:25 на «3-м канале».

Писатель и Писание,

или Зачем люди пишут о Христе

Мировая литература неоднократно пыталась переосмыслить евангельские события. На эту тему писали многие известные авторы, и каждый из них приносил в сюжет Писания свой взгляд, свои субъективные ощущения.

Но зачем писать книгу о Книге, ведь все равно лучше, чем в Евангелии не получится? Чтобы дополнить? Чтобы осмыслить по-новому? Или просто пересказать своим языком?

В XX веке популярность этой темы в литературе легко объяснить историческими причинами. Почти все столетие наш читатель находился в особом положении. Не имея возможности свободно читать Библию, он по крупицам собирал все, что когда-либо было сказано о Христе. Интеллигенция страстно штудировала Достоевского, зачитывалась текстом булгаковского Мастера, заслушивались рок-оперой «Иисус Христос — суперзвезда»...

Сегодня ситуация изменилась — прочесть Новый Завет может каждый. Но фильмы и книги продолжают появляться, а споры не утихают. Почему? Давайте признаем правду — многие из нас так и не читают Евангелие. Кого-то останавливают предубеждения, кому-то хочется чего-то «попроще», а кто-то ищет «альтернативную» точку зрения. В результате — между человеком и Писанием сохраняется толстый слой искусства. И именно через это субъективное творчество, многие воспринимают само христианство.

И проблема здесь в том, куда ведет искусство человека. Приводит ли оно к Евангелию или отталкивает от него? Потому так много споров идет вокруг «Мастера и Маргариты», ведь действительно получилось так, что кого-то эта книга оттолкнула от Христа, а кого-то, напротив, заставила прочесть Первоисточник.

Разумеется, серьезный разговор о феномене «евангельской» литературы можно построить, лишь говоря о серьезных произведениях. В феврале в издательстве «Рипол-классик» выходит книга известного писателя и телеведущего Юрия Вяземского «Сладкие весенние бабуроты. Великий понедельник». И мы дали прочесть текст романа людям, чей взгляд на проблему кажется нам знаковым. Мнения получились разные, подчас диаметрально противоположные, но каждое интересно и значимо, каждое раскрывает какие-то грани этой сложнейшей темы.

Впрочем, аргументы «за» и «против» тут не уничтожают друг друга, а лишь углубляют понимание темы. Встраивать евангельские события в ткань художественного произведения — это серьезный риск, на этом пути можно претерпеть не только творческую, но и духовную катастрофу. Но такие произведения порой могут принести немалую пользу тем читателям, для которых они окажутся лестницей, возводящей к Евангелию.

Редакция

Юрий ВЯЗЕМСКИЙ

Художник и тайна

«Я не могу быть уверен даже, нужна ли эта череда новых романов о Евангелии. Но мне хочется надеяться, что если этот труд — роковая ошибка, то Бог не даст мне ее совершить».

Юрий Павлович, Ваш роман «Сладкие весенние баккуроты» в любом случае будут сравнивать со знаменитым булгаковским «Мастером и Маргаритой». Как вообще складывались Ваши отношения с Булгаковым?

— В 1966 году, когда я был еще маловерующим человеком, то есть верующим, но неопределенно, я увидел в журнале «Москва» роман Булгакова «Мастер и Маргарита». Я его моментально прочел, но мне кто-то сказал тогда, что у Булгакова есть такой роман, посвященный именно и только евангельской теме, но якобы в журнале из-за цензурных соображений дают отрывки. И что если уже появился «Мастер и Маргарита», то, возможно, роман про Понтия Пилата также скоро будет опубликован целиком. Потому я очень огорчился, узнав, что такого произведения нет и что он никогда опубликован не будет.

С тех пор прошло много времени, и я понял, что и не надо, чтоб такой роман был у Булгакова. Прошло еще больше времени, мне надо было креститься, надо было стать христианином, в общем, думающим и знающим нечто о Церкви, для того чтобы понять: «Мастер и Маргарита» — это, конечно, сочинение чудовищно анти-евангельское. Хотя мой учитель по-прежнему именно Булгаков. В каком-то смысле он меня учил, как писать сам текст, я даже его неоднократно перепечатывал, переписывал для себя и пытался проникнуть в ткань его повествования, как создавался этот (я даже придумал название для него) «соляренный стиль». Но я понимаю, что, конечно, Иешуа — это Иешуа, а не Христос. И что Иешуа — от Воланда. А Христос... Его не надо трогать, Его невозможно описать. Великий Леонардо да Винчи, когда творил свою фреску «Тайная вечеря», в Милане испытал один момент, когда он был в ужасе.

Он очень хорошо поработал над образами апостолов, но с ужасом себе признавался: «Как же я буду писать Христа, ведь я не могу написать лучше, чем уже написал учеников!..» Конечно же, ему было необходимо написать Христа, потому что это закон живописи. А в литературе, в кино — зачем туда, на Христа, наводить фокус?

— А почему Вы убеждены, что роман Булгакова — именно анти-евангельский?

— Да там буквально каждая строчка анти-евангельская: Мастер так задумывал — все, что есть в Евангелии там прямо отрицается контекстом. Иуда — не ученик, Иешуа входит через иные ворота, и Голгофа расположена вовсе не там. И самая страшная фраза: что ходит тут один, с козлиным пергаментом, пишет-пишет, я посмотрел, что он там записывает — и никогда я такого не говорил; я попросил его: сожги это... То есть вы представляете: Христос предлагает Левию Матфею сжечь Евангелие! При том что рукописи не горят, как утверждает в романе...

Но несмотря на все это (еще и время такое было совершенно антихристианское, воинствующее, языческое), все равно в этом романе от Иешуа Га-Ноцри шла какая-то удивительная сила любви, добра, справедливости; именно *сила*, перед которой сгибался и Понтий Пилат, и голова у него проходила. И все сгибались перед этой великой силой. И я ощутил эту силу христианства, силу пришедшего Христа — вопреки всему. Получилось, что даже Воланд тогда «работал» против атеистов...

Евангелие и художественная литература

— А сколь часто литература вообще обращается к евангельской теме? И зачем?

— По моему убеждению, с тех пор как появилось Евангелие и с тех пор как оно вошло в плоть и кровь народов Европы, любое крупное произведение в литературе так или иначе обращено к евангельской основе. И все яркие образы, которые существуют в европейской литературе (к ней я отношу и русскую литературу), в каком-то смысле апостольские и предапостольские.

Это и Михаил Булгаков с его «Мастером» — романом, которым я восхищен и который вдохновляет и одновременно заставляет писать о евангельской истории *не так*. Писать иначе, чем написал герой Булгакова, Мастер.

Это, конечно же, Достоевский — «Легенда о великом инквизиторе». Христос, Которому великий инквизитор начинает исповедоваться и выплескивать всю ту ересь, накопившуюся в Нем, весь тот ужас и боль, которые в Нем кричат. Христос там молчит, не говорит ни одного слова. И это на меня произвело впечатление: вот этот молчащий Иисус, который заставляет человека говорить, выворачивает его на кровоточащую изнанку.

Это «Иуда Искариот» Леонида Андреева, мерзкое, рвотное сочинение. Тем более рвотное, что я понимаю: написал его мастер, мастер слова, одаренный, талантливый человек. Но сочинение его — большое, бредовое. Поэма «Двенадцать» Александра Блока и непременно рядом с этой великой поэзией — его запись из записной книжки: «Страшная мысль этих дней: не в том дело, что красногвардейцы „не достойны“ Иисуса, который идет с ними сейчас, а в том, что именно Он идет с ними, а надо, чтобы шел *Другой*». Запись эту оставляет уже почти раненный безумием Блок в своей записной книжке, причем «другой» написано с большой буквы. «В белом венчике из роз, впереди Иисус Христос», — пишет поэт и чуть ли не на следующий день

Фото Владимира Ештокина

оставляет в дневнике: «Это *Другой*, я знаю».

Это рок-опера «Jesus Christ Superstar», которая, конечно, сейчас уже довольно смешно звучит (я имею в виду, в первую очередь, не музыку, а либретто). Но дело в том, что в то время, когда отец приехал из поездки в Америку, в конце шестидесятых (я в школу еще ходил), она тоже на меня очень повлияла. Понимаете, тогда был тотальный голод на слова о Евангелии, слова о Христе, апостолах и о том, что происходило в Иерусалиме. И это тоже был некий, так сказать, популярный, музыкальный, но — свет.

Из кино мне, пожалуй, ближе всего фильм Дзефирелли. И был еще такой американский фильм, достаточно давний, «The Greatest Story Ever Told», где Макс фон Сюдов играл Христа. Там меня особенно поразила сцена хождения по водам. Мне показалось, что там был найден прием, которым я очень рассчитываю далее пользоваться. Как Иисус идет по воде, прямо не показано: камера «уезжает» на толпу, которая стоит на берегу и показывает то, что в кино называется отраженной реакцией. Как толпа приходит в изумление, и по глазам, и по вздрагиванию людей, по тому, как они кидаются друг к другу, видно, что Он — идет. А само чудо не показывается. Потому что снять идущего по воде Христа даже сейчас, при кинематографической супертехнике невозможно, это будет профанация, это не будет чудо; а чудо художник, по-моему, должен искать именно в глазах людей, которые чудо видят.

Как рождается Замысел

— А как у Вас возникла идея написать роман на евангельскую тему?

— Однажды, перечитывая «Мастера и Маргариту» Булгакова, я обратил внимание на простую, но странную фразу, вычитанную Пилатом в записях Левия Матвея: «Смерти нет... вчера мы ели сладкие весенние баккуроты». Я очень заинтересовался, а что же они ели. Нашел ответ в комментариях, не помню сейчас уже точно у кого, кажется, у Фаррара в «Жизни Иисуса Христа». В пояснении к евангельской сцене с прокляти-

ем смоковницы, разъясняется, что на некоторых смоковницах, иначе говоря, фигах, появляются беленькие, маленькие фиги-скороспелки, которые люди весной срывают и употребляют в пищу. Вот эти скороспелки, которые еще не стали собственными фигами, не стали смоквами, — они-то как раз баккуротами и называются. Это действительно сладкие, весенние баккуроты. Но на той, проклятой смоковнице не было даже этих плодов.

И отсюда, из этого поиска, родилось название моего романного цикла — «Сладкие весенние баккуроты». Впрочем, это лишь часть названия, поскольку каждый роман должен быть посвящен одному из дней Страстной седмицы, и потому на первой книге значится: «Сладкие весенние баккуроты. Великий Понедельник».

— А для какого читателя Вы этот роман писали?

— В тот момент, когда у меня появился замысел, я не особенно думал (да и сейчас не особенно думаю) о читателе, о какой-то миссии, проповеди... Нет! Надеюсь, это не будет воспринято как чистый эгоизм, но я не могу думать об абстрактной аудитории. Конечно же, мне нужен читатель, но и читателя я представляю не как некоторую социологическую группу и тем более толпу — но как нескольких близких и важных для меня людей. Принципиально не сколько читателей и зрителей, но — *каких именно*, что они, выслушав меня, посмотрев, *Христос в пустыне*. 1872 г. Крамской И. И.

прочитавши, обнаружат во мне. Каким я увижу себя, отразившись в их «зеркале».

Евангелие и путь художника

— Для многих тут остается непонятным и спорным один принципиальный вопрос. Зачем при существовании Евангелия художнику пытаться делать то, что лучше, чем в Евангелии, сделать, наверное, нельзя?

— До конца я и сам этого не знаю. Я пытаюсь объяснить это тем, что существует, по моему мнению, три вида познания: религиозное, художественное и научное. Евангелие — это святая книга, книга словесно чрезвычайно скупая, потому что каждое слово там наполнено такой силой, что иногда мороз по коже.

Я помню, в одном из любимейших моих стихотворений Пастернака Гамлет говорит: «На меня наставлен сумрак ночи / Тысячью биноклей на оси»... И — слушайте дальше: «Если только можешь, Авва Отче, / Чашу эту мимо пронеси». Первая часть, про сумрак ночи и бинокли, это искусство, это, так сказать, выражение самого себя. А дальше вдруг начинает звучать евангельское слово, которое сильнее всех слов, прежде всего потому, что внутри себя оно скрывает Слово неизреченное. Поэтому, естественно, что же может лучше Евангелия свидетельствовать о Христе? Думаю, только сам Хри-

Протоиерей Николай ЕМЕЛЬЯНОВ,

заместитель декана богословского факультета ПСТГУ

Фото священника Андрея Близюка

Евангелие — ВЫЗОВ ДЛЯ КАЖДОГО

Современная культура находится в неизбежной зависимости от своего христианского евангельского контекста. Эта зависимость по-разному проявляется: от религиозного преемства в живой продолжающейся христианской традиции церковной жизни — до непрекращающихся и уже всем наскучивших постоянных нападков на христианство. Чего стоят хотя бы появляющиеся каждый год к Рождеству «шокирующие, скандальные, разоблачающие» Евангелие фильмы или книги, которые давно никого не интересуют дольше, чем на время хорошо организованной и оплаченной рекламной кампании. В каком-то смысле ни одна серьезная современная литературная работа не может быть не связанной хоть с какой-то реакцией на вечную Истину Евангелия.

Другое дело, что евангельская тема может быть не только явным образом вплетена в ткань литературного произведения, как у Михаила Булгакова («Мастер и Маргарита»), в пьесах на евангельские сюжеты Константина Романова и Дороти Сэйерз или в новом романе Юрия Вяземского. Эта же тема может быть просто затронута, как в произведениях Льюиса Уоллеса («Бен Гур»), Генрика Сенкевича («Камо грядеши?») или Мишеля Турнье («Каспар, Мельхиор и Бальтасар»). Наконец, есть примеры аллегорического осмысления Евангелия, как у Клайва Льюиса («Лев, Колдунья и платяной шкаф»), или еще более тонкие смысловые аллюзии, как в замечательной повести ирландского писателя Уолтера Мэкина «Бог создал воскресенье», в которой действие соотносено по смыслу с днями недели так, как происходили события Страстной седмицы, причем об этом ни разу в самой повести не говорится! Это многообразие закономерно и не удивительно. Евангелие навсегда останется главной книгой и будет вызывать все новые попытки прочтения, в частности и литературного.

Другой вопрос кажется более сложным: какова цель этих интерпретаций? Подлинник всегда лучше перевода, а интерпретация не заменит внимательной работы с текстом. В этом смысле все литературные интерпретации Евангелия находятся под угрозой превращения в адаптированный с той или иной целью текст. С одной стороны, такие интерпретации нужны и даже необходимы, потому что каждая новая эпоха позволяет высветить по-новому и особо выделить какие-то детали евангельского текста, а другие, напротив, требует объяснить и попытаться заново истолковать. С другой стороны, прямые евангельские

заимствования в литературной интерпретации всегда вызывают некоторое недоумение. Читатель, для которого Евангелие не литературный памятник, а часть его личного духовного опыта, не нуждается в этих заимствованиях, они, скорее, не помогают, а мешают ему анализировать проблему современного прочтения Евангелия. Напротив, для читателя, знакомого с Евангелием лишь поверхностно, тонкие аллюзии на евангельский текст — просто непонятны.

Роман Юрия Вяземского «Сладкие весенние баккуроты» в этом смысле не исключение. Жанр этого произведения особенный — «роман-искушение», и автор сразу об этом заявляет. Уже в этом видна его позиция, которая выделяет евангельскую тему как уникальную. Действительно, **Евангелие — это вызов, на который приходится отвечать буквально каждому человеку, и ответ, данный автором, — это «искушение», то есть испытание самого себя на прочность, которое вынесено на всеобщий суд.**

Безусловное уважение вызывает как отношение к евангельскому тексту, который автор ни в коем случае не собирается «переписывать», так и к читателю, которого он не собирается ни эпатировать, ни учить. Напротив, читатель невольно становится судьей, призванным решить, выдержал ли автор испытание, «искус», на который сам себя обрек. Также обращает на себя внимание тщательная проработка темы, исторических деталей, контекста — труд, который, как иногда кажется, современные литераторы считают совершенно излишним, демонстрируя свое полное пренебрежение к читателям — мол, все равно не заметят. В этом смысле роман Юрия Вяземского выгодным образом отличается от всего, что появилось в последнее время.

Кроме того, роман ярко демонстрирует все сложности и проблемы, которые грозят автору, взявшемуся за евангельскую тему. Пересказы евангельского текста для читателя, хорошо его знающего, становятся утомительными. Дополнительные детали: литературные образы апостолов, жен-мироносиц и других лиц евангельской истории, — не всегда кажутся убедительными. Наконец, когда автор пытается вложить в уста апостола какие-то интерпретации евангельских событий или текста, то невозможно отделаться от ощущения, что это говорит не современник Христа, а хорошо образованный гуманист, знакомый с философией экзистенциализма, персонализма и другими достижениями западноевропейской мысли XX века.

стос, но тут мне трудно рассуждать, об этом могут свидетельствовать только те святые люди, которым Он являлся, с которыми Он разговаривал. Но, помимо этого, есть все же и художественный путь познания, там свидетельствуешь только о себе, о своем, о своих ближних; это — попытка понять себя, заглянуть в себя. И увидеть, каким путем ты идешь: Петра, Фомы или Иоанна; где в тебе и насколько в тебе сидит Иуда, и какого цвета у твоего Иуды глаза, какие волосы, и как часто ты на дню бываешь Иудой, и не страшно ли тебе им быть... У искусства просто совершенно другой путь.

— Но как этот путь соотносится с главным в жизни христианина — с познанием Бога, со стяжанием Духа Святого? И не видите ли Вы тут для себя как для христианина каких-то духовных опасностей?

— По моему убеждению, существует три пути к Истине, к Тайне и Правде. Это, в принципе, все одно и то же: скажем, наука идет к Истине; художник — к Правде, ну а мистик, молитвенник, аскет, человек, не уходящий от религии, идет, конечно же, к Тайне, и если мы будем читать великих отцов Церкви, то мы можем встретить у них описание именно этого движения к тайне. И главного ощущения, что по мере того, как к ней приближаешься, она не перестает быть Тайной.

Я иду именно художественным путем; это дорога, которая не ведет

к храму, потому что к храму может вести, на мой взгляд, только один путь — религиозный, мистический. И тут не до художеств, не до искушений, потому что и жизнь сама по себе часто трудная, да и лукавый не дремлет... И достаточно для людей тех искушений, которые они получают с его стороны. Но как художнику, мне бы все же хотелось, конечно, идти дорогой, по меньшей мере, параллельной; мне хотелось бы, чтоб на этом пути поиска себя и разгадывания тайны человека (ни в коем случае не Бога (!), потому что разгадывание тайны Бога на другом пути делается) я хотя бы не очернил тот великий святой путь, который ведет к храму, не отверг его и не зашел бы слишком далеко в сторону.

При этом, когда люди говорят о том, что искусство произошло от слова «искушать», я с ними абсолютно согласен, потому что искусство вообще для этого существует. Это — искушение, потому и мой роман называется прямо: роман-искушение. Искушение не только своего читателя, но прежде всего, самого себя, потому что если ты не искушаешься, ты не художник, ты не писатель. Но вот в вопросе о цели этого искушения среди художников нет единства. Для меня она в том, чтобы пройдя через искушения, познать себя и, по возможности, очистить душу. Сейчас со мной, вероятно, не согласится подавляющее большинство моих коллег по художественному цеху, но я убежден, что

искусство по-прежнему существует для той цели, которую сформулировал еще Данте: для того чтобы через ад и чистилище провести людей к свету, к Раю, к Богу. Об этом писал и Достоевский, считавший творчество попыткой, разгадывая тайну человека, прийти к истинной Красоте — Красоте Христовой. Разгадывать тайну человека и обрести рай — этот путь я считаю истинным.

Ключевое время человечества

— Многие Ваши читатели, возможно, будут шокированы тем, как Вы позволили себе домысливать образы апостолов. Ведь для христианина апостолы — это прежде всего святые, с которыми мы находимся в молитвенном общении. А тут вдруг такие вольности...

— Несомненно, когда пространством художественного произведения становится Евангелие, возникает масса вопросов. Не только вопросов читателей к художнику — но прежде всего, вопросов художника к самому себе. Отчего я смею домысливать образы апостолов, почему так важны для писателя или режиссера Мария Магдалина, Пилат, Иуда? У меня нет однозначных ответов на эти вопросы. И думаю, человек, который говорит: я точно знаю, что хотел изобразить в произведении, либо лукавит, либо недостаточно умен. Я этого

Фото Сергея Агудевского

Сергей ЛУКЬЯНЕНКО,

писатель

Неимоверно сложная задача...

Не могу сказать, что хорошо знаком с художественной литературой на евангельскую тему. Конечно, как и многие, я в молодости читал Ренана — «Жизнь Иисуса Христа» — но ведь это не роман, а научно-популярная публицистика (оставляю за скобками ее атеистическое, по сути, содержание). Читал я, разумеется, и «Мастера и Маргариту» Булгакова — книгу, которая мало кого оставила равнодушным. Меня она тоже в свое время потрясла — тем, как сказано. Это, без сомнения, великая литература. Сейчас, будучи православным христианином, я уже иначе воспринимаю то, что там сказано. Но великая литература все равно остается великой, сколько бы в ней ни было догматических ошибок.

В конце 90-х годов я и сам, как писатель-фантаст, взялся за схожую тему. У меня вышло два романа — «Холодные берега» и «Близится утро», составляющие вместе диологию «Искатель небес». Там описывается мир, каким он мог бы стать, если бы вместо Христа пришел некто другой — не Богочеловек, а всего лишь человек с сильными магическими способностями. На тот момент я, хотя и относился к религии с некоторым вежливым интересом, верующим человеком назвать себя не мог, и главным в этой дилогии для меня была вовсе не ее религиозная составляющая, а человеческие взаимоотношения. Я знаю, что некоторых христиан моя книга шокировала, в самом ее фантастическом допущении — что Христос не пришел — они увидели оскорбление своих религиозных чувств. Но я не считаю, что зря написал «Искателя небес». Художественную литературу нельзя воспринимать как учебник догматического богословия. Более того, я думаю, что для меня самого эта книга стала ступенькой к обретению веры. Работая над ней, я много читал о христианстве, спорил с верующими друзьями, пропуская все это через себя. И, наверное, что-то во мне тогда изменилось... Следующим шагом стало уже обретение веры и крещение.

Возможно, именно поэтому сейчас я понимаю, что писать художественный текст о религии — вообще трудно, писать же о Христе, о Страстной неделе — задача для писателя неимоверно сложная. Браться за нее рискуют либо убежденные атеисты, для которых история Христа — не более чем социальный и культурологический феномен (далеко не всегда при этом они пишут атеистические вещи, порой могут позволить себе и «поверить» в Бога-Сына, но именно в рамках

своей художественной задачи), либо люди искренне и глубоко верующие.

Ни для кого не секрет, что Юрий Вяземский относится именно ко второй категории. И, полагаю, что для него работа над книгой «Сладкие весенние бакуроты» именно поэтому была очень трудной.

Вяземский — человек глубоко эрудированный. И тут как раз тот случай, когда многие знания приносят многие печали. Как описывать то или иное событие? С точки зрения исторических данных? С точки зрения Евангелия? И даже выбрав те или иные факты — где можно провести границу между ними и литературным вымыслом, неизбежным, когда пишется не какая-нибудь «популярная Библия в литературном переосказе», не научное или религиозное исследование, а художественная книга.

На мой взгляд, с большинством задач Вяземский справился. Нашел те приемы, которые позволяют говорить с читателем о Христе, не впадая ни в догматизм, ни в легковесное фантазирование. Назову лишь несколько. Многовекторность описания каждого события, когда мы слышим трактовку и от одного очевидца, и от другого — причем как раз эта разногласица, несоответствие взглядов, воспоминаний в мелочах при совпадении фактов в целом как раз и создает сильный эффект доверия, оставаясь при этом именно в русле евангельской традиции. Слегка хулиганское описание фарисеев, изъясняющихся между собой языком замшелых советских партработников — именно «слегка хулиганское», потому что при внешней пародийности, сдается мне, попадает в самую точку. Очень хорошо, на мой взгляд, автор решил труднейшую проблему — как описать Спасителя, как показать Его.

Из относительных неудач, на мой взгляд, можно отметить изобилие диалогов и монологов. Конечно, взявшись за такую задачу — описать в каждом романе всего лишь один день Страстной недели, автор неизбежно попадает в эту ловушку. Тексту требуются многочисленные отступления в прошлое, а проще всего их дать именно через рассказы персонажей. И все же порой создается ощущение, что перед нами не персонажи книги, а актеры, вышедшие на подмостки для произнесения своих реплик перед публикой. Чуть больше действия, раскрывающего события, роману бы не помешало.

Но в общем и целом — плюсов ощутимо больше, чем минусов. Будем ждать следующих романов. Задачу перед собой Вяземский поставил огромную — удачу ему в ее воплощении.

Христос и грешница (Кто без греха?). 1888 г. Поленов В. Д.

не знаю. Но я понимаю проблему, и у меня есть свой ответ на нее.

Сначала я определил бы тот предел, дальше которого я не смею двигаться в своем художественном поиске. Моя позиция заключается в том, что святые апостолы, какими мы их воспринимаем, молясь, — это те апостолы, на которых снизошел Святой Дух в день Пятидесятницы. Это как бы первая стадия, начиная от конца. Вторая стадия — те же святые уже люди, которым после Воскресения является Христос. Если же мы сдвигаемся еще на два дня от конца к началу, оказываясь в пятничной ночи рядом с ними, то увидим страшное: за исключением апостола Иоанна, все остальные бежали, Петр отрекся, никто из апостолов не помнит даже об обетовании Христа воскреснуть на третий день, никто не верит...

Вообще, семь дней Страстной седмицы, мне кажется, ключевое

Увенчание терновым венцом. 1508-1509 г. Босх Иероним.

время. Ключевое для всего человечества: даже не просто время — это сгусток времен, которые сошлись в этой единственной неделе. Потому что тогда все было сказано и о прошлом, и о настоящем, и о будущем, и такого сгущения времени, как на Страстную неделю в Иерусалиме, думаю, никогда не было. И Страстная неделя для меня, как для верующего человека, творится каждую неделю: Воскресенье, когда Он вошел в город, дальше — через Понедельник и Вторник к Среде предательства Иуды, потом — Четвергом Тайной Вечери к Пятнице Распятия, и далее — от тихой Субботы к радости Воскресения Христова, к Пасхе, и одновременно, вновь тот же Вход в Иерусалим... Эти семь дней заключают в себе все. И пытаюсь понять путь человека к Богу, я позволил себе написать так, что мои герои несут в себе также все догадки и заблуждения о Боге, все возможные ереси в хри-

стианстве, и даже вообще все главные религиозные традиции. Ведь Христос притянул к себе совершенно различных людей, верующих, безусловно, и уже идущих за Ним в течение нескольких лет, но людей еще совершенно иных, нежели те святые, каким молится наша Церковь. И художественный путь познания тут мне кажется возможным и не кощунственным.

Хотя остаются три апостола, которых я с самого начала не держу ставить в этот художественный ряд. Те, которые восходили со Христом на гору Ермон (или на Фавор, как традиционно считается) и видели преображенного Христа в блеске света, названного Фаворским, — Петр, Иаков и, конечно же, Иоанн.

По моему глубокому ощущению, Иоанн изначально преклонялся перед той Тайной, с которой он соприкоснулся. Во всяком случае, я таким его вижу. Именно он был любимым учеником Христа. Иоанн был самым молодым, и он ближе всех к тому ребенку, который поставлен был Христом перед апостолом. Он в детской чистоте своей боялся ответить на вопрос, кто же такой Христос, зачем Он пришел, и поэтому Иоанн был так близок к Иисусу. Как древний Сократ, древний уже даже для апостолов, знал лишь то, что ничего не знает. Все же остальные, по-моему, были убеждены, что понимают, зачем Иисус пришел, имели какую-то свою концепцию. И страшную концепцию, видимо, имел Иуда, и я хочу в образе Иуды рассказать о страшной трагедии, которую пережил этот человек.

Иуда: проклятые вопросы

— Вы тут явно не первый — по-своему понять Иуду пытались многие писатели и мыслители. Чем отличается Ваш подход?

— Как мне представляется, Иуда — это не примитивный ублюдок Андреева, не корыстный красавец-подлец булгаковского Мастера.

Вообще весь этот «сериал» родился из-за Иуды, у меня замысел этот появился, когда я однажды себе задал вопрос: почему Иуда поцеловал Христа — там, на месте ареста? Это совершенно загадочная вещь. В Гефсиманский сад

Фото Андрея Васильева

Ирина РОДНЯНСКАЯ,

литературный критик,
член редколлегии журнала «Новый мир»

«Вечно новая» Книга: стимулы к пересочинению

Знаковым произведением на евангельскую тему для меня с самого начала приобщения к христианству и по сию пору было и остается Четвероангелие. Это, с моей стороны, не претенциозный парадокс, а, действительно, неизгладимое впечатление от четырех канонических Евангелий как от произведений (а не только как от сосуда Благой Вести). Не стану приводить всем известный пассаж Пушкина о «вечно новой прелести» этой Книги, но процитирую Юрия Домбровского, который удачно, на мой взгляд, воспользовался темой «Суда над Христом» в «Факультете ненужных вещей»: «Все уже есть у евангелистов. Образы, характеры, обстоятельства, бессмертные диалоги, где одной строчкой сказано все».

Много лет спустя на меня произвел сильное впечатление — присутствия там и тогда — труд епископа Кассиана (Безобразова) «Христос и первое христианское поколение» (Париж, 1950; есть репринт); но это не художественное творение, а скрупулезное исследование верующего ученого (хотя, как мне заметил С. С. Аверинцев, к настоящему времени несколько устаревшее).

В том, что касается первых духовных поисков и духовного просвещения (если уж говорить о художественной прозе), на меня гораздо больше, чем обращения писателей к евангельским сюжетам, воздействовали вещи иной тематики, но проникнутые христианским мироощущением, — ранние романы Генриха Белля, «Сила и слава» Грэма Грина, апологетическая эссеистика Честертона.

Мне никогда не хотелось смотреть на экранные воплощения Иисуса Христа, будь то «Евангелие от Матфея» Пазолини, фильмы Дзефирелли или экранизация знаменитой рок-оперы «Иисус Христос — суперзвезда» (слушать-то я ее люблю). Из-за бурной дискуссии я принудила себя посмотреть фильм Мела Гибсона «Страсти Христовы», но чтение «Двенадцати Евангелий» в храме потрясает мое воображение куда больше, чем этот американский блокбастер, сделанный, конечно, с лучшими намерениями.

Для ареала христианской (пусть и «постхристианской») культуры «схема» евангельской истории: радикальная проповедь добра, предательство и одиночество Учителя, неправый политико-идеологический суд, ярость толпы («...снова Голгофнику оплеванному предпочитают Варавву»), жертва во имя истины, победа идеи над смертью — играет и еще долгое время будет играть ту же роль привлекательной парадигмы, какую выполняют античные мифологические сюжеты (Эдип, Антигона), — независимо от степени укорененности художника в христианской вере. Так, в «Притче» (1954) Фолкнера эта схема перенесена во времена Первой мировой войны, с соответствующими персонажами, а в малоизвестной поэме Владимира Корнилова «Пасха

61-го года» — в советскую провинциальную действительность. Столь же отстраненно — эстетически и этически, а не религиозно — я отношусь к «Мастеру и Маргарите» Булгакова, что позволяет мне восхищаться этим романом наряду с более любимыми «Белой гвардией» и «Записками покойника». (Кстати, не помню, было ли примечено: Булгаков в своей недообработанной вещи, видимо, хотел воспользоваться мотивом выкраденного Тела, поэтому у него каждого из трех казненных, сброшенных в общую яму, Афраний, чтобы не перепутать, наделяет отличным кольцом; но что-то — или Кто-то? — писателя остановило, и мотив повис без завершения.)

Конечно, существует еще одно побуждение обращать евангельский сюжет в тему литературного творчества. Это желание — как правило, «ортодоксальных» авторов — преобразовать лаконичное повествование евангелистов в объемную и живописную картину, давая волю воображению и попутно внося свою интерпретацию в скупую прописанную в исходном тексте лица и эпизоды. Обычно такой автор стремится соединить художественную задачу с катехизаторской, дидактической и даже богословской. Вот к таким сочинениям я отношусь с некоторой опаской.

К ним, по-моему, принадлежит и новейшая инициатива — «роман-искушение» Юрия Вяземского «Сладкие весенние баккуроты». Роман посвящен началу Страстной недели и в своей основе придерживается буквы евангельского повествования с привлечением исторических и археологических данных (причем, следуя примеру мистерии К. Р. «Царь Иудейский», автор тактично изображает самого Иисуса только как «далевой» образ). Но дух, боюсь, куда-то отлетел.

Я не понимаю, например, зачем автор делает тех из апостолов, о которых сохранилось мало сведений, и значит, открыт простор для фантазии, — носителями, даже теоретиками «параллельных» учению Христа религиозных доктрин: Филипп — гностик, Нафанаил — буддист, Фаддей — зороастриец. Хочет ли писатель сказать, что в каждом из этих учений было зерно вопрошания, на которое ответила воплощенная Истина, или тут замыслено что-то другое, не менее почтенное, — для меня не так уж и важно. Для меня существенно то, что воспитанные в Законе галилейские простецы, которым Господь пожелал открыться, «утаив от мудрых и разумных», превращены в много-речивых адептов «лжеименного знания». Да еще со странными биографиями (Фаддей, например, когда-то в припадке беснования убил своего ребенка!).

Не понимаю и того, почему злокозненное собрание фарисеев переодето в тайное заседание ЦК партии большевиков, где все именуют друг друга «товарищ» и придерживаются протокола. Это какой-то Лео Таксиль навыворот...

за Христом пришла толпа людей. Стояла лунная ночь, горели факелы, все было прекрасно видно, и, возможно, половина из пришедших точно знала, кто именно здесь Иисус. Он был как на ладони, и достаточно было просто привести их. Зачем надо было подходить, целовать Его? Причем, как мне объяснили знающие толковники, в одном из евангелий употреблен греческий глагол, который означает не просто поцелуй, но поцелуй громкий, чмокание. Он Его, простите, чмокнул, и сразу Христос задает Свой вопрос Иуде: «Поцелуем ли предаешь Меня?»

Тут, на полях разговора об Иуде, я хотел бы задаться и еще одним вопросом: а зачем Иуда нужен был фарисеям и книжникам? Почему они просто не могли убить Христа? Отчего им пришлось доводить дело до военно-факельного похода в Гефсиманию и суда у самого Пилата? Ведь многие из них Его ненавидели, они множество раз угрожали Христу смертью. Но проблема в том, что с какого-то момента они начали понимать, что просто так, насколько убить Его не получится. Они пытались. Но либо с народом что-то происходило, в том числе и с храмовыми стражниками, либо Он проходил сквозь их толпу как сквозь дым. Это было неоднократно, и многих уже одолевал страх. Потому что если, как написано в пророчествах, это Илия Пророк (а некоторые про Него говорили, что это Илия пришел), то фарисеи, хорошо знавшие Ветхий Завет могли не просто опасаться, а прямо бояться Его.

Это особенно будет видно в той же самой Гефсимании, когда они приходят арестовывать Иисуса в Гефсиманский сад — громадной толпой, освещая себе дорогу, а не было никакой необходимости освещать дорогу факелами, хотя было полнолуние, при оружии: и римляне, и храмовые стражники, и какой-то сброд, видимо, с рогатинами. И эта многочисленная и вооруженная толпа, согласно одному из евангельских свидетельств, бросается на землю, когда Он заговаривает с ними. «Как на зверя вышли вы на Меня», — говорит им Христос. Но их страх вызван тем, что они боятся мести пророка — мести самого Илии.

Но вернемся к Иуде. Когда я задумался о нем, как-то потянулась ниточка, вместе с ней побежали другие вопросы, вопросов

было много, и некоторые из них удивительно страшные: почему, если это Твой ученик, Ты доводишь его до края, почему Ты почти приказываешь ему на Тайной вечере: «Иди и делай, что задумал»? Ведь можно и так посмотреть на происшедшее: Иисус берет, обмакивает хлеб, дает Иуде, как бы напутствуя его, посылая предать, и что такое Иисус, что такое христианство без крестной жертвы?.. И в пророчествах записано, что из учеников кто-то должен предать, еще в древних текстах библейских...

Отсюда, из этих вопросов, напрашивается художественное решение, которым соблазнились некоторые писатели: версия о том, что Иуда был специально послан Христом и предавал Его с благословения самого Иисуса. Это какое-то, простите за резкость, и все же, — импотентное решение. Это и слишком примитивно просто и примитивно подло. И принимая такое решение, они, на самом деле, уходят от существа вопроса. Потому что тот, кто встает в их представлении на место Христа, это *Другой*. Все тот же парадокс Блока — подставление *другого* на место Христа. И все сразу ясно: этот *Другой*, конечно, нехороший, он Иуду погубил, он Иуду подставил... Но только это уже не Христос! Тут только чуть поскреби — сразу увидишь: революционный матрос, великий инквизитор или нарядившийся под Христа Сергей Безруков, замечательный актер, но не Христос!..

Каждый художник, задумываясь над образом Иуды, пытается найти решение. Это трудно. И не знаю, будет ли принята читателем моя попытка найти ответы. Но вопросы существуют, в той или иной мере они обращены к каждому из нас. Они будут волновать. Пусть это Промысел, и вот, Крестная Жертва принесена — но почему Господь Милосердный не останавливает самоубийство Иуды?.. Ведь как только Христос испустил дух на Кресте, «мертвые вышли из гробов» и их, согласно Евангелию, встречали и видели в городе. Раз они воскресали, почему этого ученика, уже раскаявшегося, швырнувшего деньги за предательство прочь, нельзя было спасти?.. Почему, когда Бог распят на Кресте, Иуда обязательно должен погибнуть на другом дереве, по одному из преданий, на той самой проклятой Иисусом смоковнице, на которой вовремя не

созрели те самые сладкие весенние баккуроты, давшие заглавие моим романам?.. Я думаю об этом в себе и для себя. Но я остаюсь уверен в одном: в безграничном милосердии Бога ко всем, без исключения.

Пилат: отчего болит голова

— А зачем романистам нужен Понтий Пилат?

— Мне кажется, на это есть две причины. Но прежде, чем поговорить об этом, хочу сделать одну существенную ремарку. Пилата принято представлять человеком старым. Очень характерно, что в последней экранизации «Мастера и Маргариты» любимым мною Владимиром Владимировичем Бортко его играет ныне покойный замечательный актер Кирилл Лавров. Но в такой должности седой и преклонных лет человек оказаться не мог, эта должность не для него. Префект (именно префект, а не прокуратор: прокуратор не совсем точное наименование для этого поста) Иудеи — и по статусу, и по ситуации (теперь сказали бы о «взрывоопасной обстановке в регионе») — человек тридцати-сорока лет, по тем меркам, также человек уже очень и очень зрелый, но пока что не старец. Энергичный, способный быстро реагировать на ситуацию.

Это, мне кажется, замечание важное. Но вернемся к вопросу — почему он так интересен художнику. Мне видится тому две причины.

Первая: Пилат — образ *несостоявшегося апостола*. Впрочем, путешествуя по Египту я слышал от тамошних христиан-коптов о том, что правитель Иудеи принял-таки христианство вместе со своей женой Клавдией Прокулой (в одном из Евангелий есть рассказ о страшном сне, который она видела накануне суда над Христом и о ее попытке остановить казнь). Это коптское предание не входит в основное русло основной церковной традиции. Но тут без сомнений есть важный и серьезный вопрос. Ведь Пилат стоял со Христом лицом к лицу, он безусловно нечто почувствовал, он умывал руки и обращался к народу, пытаясь освободить своего Пленника. Что ему помешало пойти за Христом?

Ответ для меня кроется в той особенности эпохи, о которой большинство романистов и режиссеров,

У Томаса Манна с «Иосифом и его братьями» — получилось: на основании популярного библейского рассказа он создал сагу, полную современных аллюзий, иронии, но и высоких мыслей и правдоподобнейших картин. Но проделать тот же опыт со Страстями Христовыми — предприятие куда более рискованное и, как говорится, «чреватое». Многие ходы Ю. Вяземского и впрямь способствуют «романизации» Евангелия: так, Варавва (тезка Иисуса по первому своему имени) представлен учеником Иоанна Крестителя и благородным мстителем иродианам за убиенного

(из чего, понимаю, многое воспоследует ближе к развязке). Или интригующие отношения между тремя женщинами, приближенными к Иисусу: Марфой, которую автор выдал замуж за Симона Прокаженного, Марией Клеоповой, какую он отождествил с сестрой Марфы и Лазаря, и Марией Магдалиной. Или пышные, а-ля флорентинская «Саламбо», декорации (драгоценные камни, изысканные блюда и пр.), какими снабжены «римские» и некоторые другие главы.

Но нужно ли все это?..

Алексей ВАРЛАМОВ,

писатель,
доктор филологических наук

Мимо Евангелия невозможно пройти, не исповедавшись

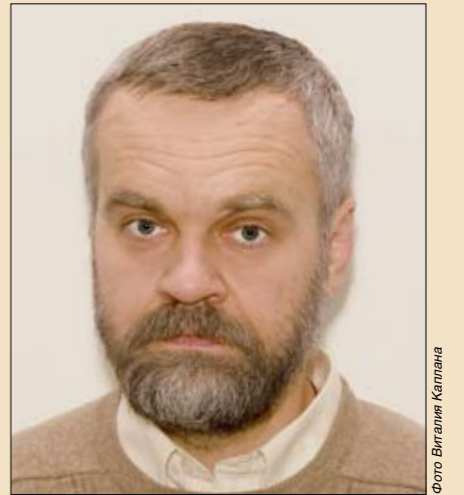

Фото Виталия Капмана

К евангельской теме русская литература обращалась не раз. Это прежде всего Достоевский с «Преступлением и наказанием», «Бесами» и «Идиотом», где евангельская тема очевидна, и чеховский «Студент» — рассказ поразительный тем, что автор его, человек в общем-то нерелигиозный, с удивительным тактом сумел высказать то, что не удается многим, называющим себя православными писателями. Кроме того, я очень люблю роман Юрия Домбровского «Факультет ненужных вещей», где есть и эстетически, и нравственно безупречный фрагмент, связанный с евангельскими событиями и догадками автора о том, что помимо Иуды у Христа должен быть какой-то иной предатель — мысль, может быть, и спорная, с точки зрения библеистики, но очень точно отражающая время создания романа.

Вообще, в этом смысле обращение писателей к евангельскому сюжету передает прежде всего современную им эпоху и ее болевые точки. То же самое относится и к рассказу Леонида Андреева «Иуда Искариот» с его пронизанностью духом провокации — аллюзиями на Гапона и Азефа. И то же самое, кстати, можно сказать и про «Мастера и Маргариту». Уже стало общим местом упрекать Булгакова в искажении Евангелия, образа Христа и чуть ли не в прославлении дьявола, но легко говорить об этом людям, живущим теперь, все знающим и уверенным в своей правоте, а представить себе писателя, то есть, по определению, человека очень чуткого, впечатлительного, зараженного своим временем и больного им, на глазах у которого произошло обезбоживание его страны. Каким еще он мог избразить своего героя, оставаясь при этом предельно искренним?

На экзамене по богословию сыну профессора богословия несомненно поставили бы (и ставят, кажется, все кроме диакона Андрея Кураева) двойку, но это честная

двойка. Без шпаргалок и заглядывания в чужие тетрадки. Может быть, поэтому по литературе у него пять.

Еще раз подчеркну: для любого писателя Евангелие — это особенная книга. И по содержанию, и по форме. Она не только несет в себе Истину, но в зависимости от нашего духовного и душевного состояния и жизненного опыта поражает, раздражает, умиротворяет, тревожит, вдохновляет, мучает, утешает, бросает вызов, наконец. Это удивительное по своему совершенству, полноте и лаконизму творение. Мимо него невозможно пройти, не исповедавшись. И, по сути, каждое подлинное литературное произведение, затрагивающее евангельский сюжет, такой исповедью и становится. Я добавил бы еще к числу романов на евангельскую тему «Доктора Живаго» — книгу не самую ортодоксальную и художественно не вполне совершенную, но несомненно очень искреннюю и предельно исповедальную, что искупает все ее недостатки.

Теперь о романе Юрия Вяземского «Сладкие весенние баккуроты». Как некогда говорила в университете моя научная руководительница, если работа понравилась, надо начинать с критических замечаний, если не понравилась — найти хотя бы какие-нибудь достоинства. В романе Юрия Вяземского довольно интересно преподана фигура Пилата, образ его мышления, психология, сны. Очень забавно, гротескно изображены фарисеи с их пародией на партию большевиков либо меньшевиков (что, кстати, верно: нетерпеливые фарисеи были пронизаны революционным духом и поэтому не воспринимали, были разочарованы в Спасителе и Его проповедях).

Что касается изображения апостолов, они показаны, на мой взгляд, не столь убедительно. Роман изобилует диалогами и спорами. Это с одной стороны очень понятно, очень по-русски, но иногда возникает ощущение многословия, затянута, потоки фраз, с которым автор не справляется и не попадает точно в цель.

пишущих и снимающих на евангельскую тему, почти забывают. Но Иисус родился в момент величия и расцвета Рима. Это помнил и очень хорошо ощущал Данте, который даже считал, что «Мариинский корень», то есть предки-основатели рода Пресвятой Девы Марии, зародился именно в год основания Рима. Два корня, духовный и политический, проросли одновременно, и оба, по Данте, были человечеству необходимы — чтобы в одно и то же время из него как бы засветило два солнца и сверкнули два меча: римский и христианский. Это, быть может, мысль спорная, она тесно связана вообще с католическим сознанием, но задумавшись о другом: что такое Иерусалим времен Христа (несмотря на то, что это был большой город, а небольшой народ Иудеи не раз оказывался серьезным борцом)? Иерусалим воспринимался все же лишь как задворки величайшей Римской империи. Империи, опиравшейся на уникальное римское право, имевшей мощную государственную систему, покрытую сетью дорог, некоторые из которых служат и поныне. С «живым богом», обожаемым императором Тиберием во главе; с величайшим «богом» Августом, «который сияет на небесах», и

Распятие Иисуса Христа. Вторая половина XIX века. Гольинский В.А.

божественным Юлием. Рим — это была величайшая культура, величайшая квинтэссенция власти. Огромная империя родилась незадолго до Рождества Христова, и почти сразу в мир шагнул Спаситель. И одновременно появились на земле: «бог» Рима — и Бог в образе неимущего Сына Человеческого.

И в этот момент в Иудее власть Рима олицетворял сравнительно по нашим меркам молодой человек. И звали его Понтий Пилат. В романе я вынужден дать ему имя Луций, потому что евангельское имя Понтий Пилат — не фамилия даже, а еще шире — клановое прозвище. Точно так же как имя «Юлий Цезарь», которое носили потом многие императоры. Этот человек был послан в Иудею в особенно сложный и опасный для империи момент. И занимал он чрезвычайно важный и по тем временам очень опасный пост. В литературе и кино практически все занято только противостоянием Христа и Пилата, но когда Булгаков пишет, что у Пилата очень болела голова, я ему вполне верю. У него голова могла болеть безумно, но от причин политических. Потому что именно тогда Тиберий (тогдашний Иосиф Виссарионович Сталин) начинает подзревать в измене своего ближай-

шего соратника Элия Сеяна. Проще всего было бы сравнить Сеяна с Лаврентием Берия, но Лаврентий Павлович не мог себе и представить той власти, которой обладал его «предшественник». И Понтий Пилат оказывается на своем посту в момент, когда начинается схватка между этими двумя политическими китами. Которые могли сожрать и уничтожить даже всех высоких римских сенаторов, не говоря уже о каком-то префекте провинциальной Иудеи. Здесь у читателей может возникнуть вопрос, ведь Сеян был Тиберием низложен и казнен в 31 году после Рождества Христова, а смерть и Воскресение Христа относят к 33 году. Однако сейчас хорошо известно, что в Средние века при исчислении года Рождества была допущена ошибка, и современная библейская археология относит Рождество на 5–4 год до Р. Х. И потому казнь Спасителя в Иерусалиме происходила в кульминационный момент колоссальной политической интриги.

Этим мог быть занят и озабочен Пилат и в ту Великую пятницу, когда вдруг привели к нему Христа, и он ощутил этот импульс, идущий к нему от Бога. Понимаете, надо было бросить все к чертовой матери, именно к чертовой, и про-

Но главное даже не эти, отчасти технические просчеты, которые можно было бы устранить. Прочитав роман, я так и не увидел в нем той психологической мотивации, личностной исповедальной ноты, о которой говорил выше. Дело не в том, что встраиваться в ряд, в котором стоят Достоевский, Гоголь, Чехов, Булгаков, Домбровский, Пастернак

— значит заведомо обречь свою книгу на очень трудную судьбу. Писать можно о чем угодно, но евангельская тема требует призвания и внутреннего оправдания. Сюжет, за который взялся Юрий Вяземский, имеет право на существование лишь при условии, что он будет написан тою полнотой сердца, от избытка которой глаголют уста.

Фото Владимира Ештокина

Наталья ТРАУБЕРГ,
переводчик

Вход в евангельское пространство

Наверное, неслучайно писатели во все времена пытались сделать предметом своего творчества евангельские события. На мой взгляд, причина довольно проста. Евангелие само по себе — это огромная сила, и если человек его прочел — он не может не ощутить хотя бы отзвук этой силы. Даже если и не поверил, то что-то же в нем сдвинулось. А если речь идет о человеке творческом, то он, скорее всего, захочет свои ощущения как-то выразить, воспроизвести. Особенно если это человек верующий.

Но, признаюсь, я не слишком знакома с художественной литературой о Христе. В детстве читала «Фабиолу» Уайзмана, «Камо грядеши» Сенкевича — хотя это все-таки не напрямую о евангельских событиях, это о мучениках ранней Церкви. Я читала эти книги запоем, не особенно задумываясь об их литературном качестве. Гораздо позднее, уже взрослым человеком, я прочитала «Вечного человека» Честертона, и он меня потряс. Там есть часть, посвященная Евангелию, — но это все-таки другое, это публицистика.

Вообще, если говорить о книгах на евангельскую тему, то я очень боюсь «мыла». Есть такое выражение, применительно к литературе: «А много ли мыла в рассказе такого-то?». К сожалению, в православных книжках о Христе, особенно в детских, «мыла» в избытке. К примеру, недавно попало мне в руки творение одной барышни — умышленно не называю ее по имени, к чему обижать человека? Но там была сплошь мыльная пена.

А вот что мне действительно нравится — это английская писательница Дороти Сэйерс (1893–1957). У нее есть цикл из двенадцати пьес о Христе, под общим названием «Человек, рожденный на Царство». Написаны они были в годы войны, в 1941–43 годах, и с тех пор постоянно звучат на Би-би-си, там это уже стало классикой. А я об этих пьесах узнала в 1980 году от Сергея Сергеевича Аверинцева, мы с ним плакали от счастья, читая их. В 1997 году я их перевела, они в России многократно издавались, в 2000 году был записан аудиоспектакль с участием знаменитых артистов. Увы, я даже не смогла его дослушать — акте-

ры мычат и рычат, Божия Мать говорит с надрывом. А ведь Дороти Сэйерс все время просила, чтобы играли без экзальтации.

Но хотя российский спектакль получился неудачным, сами-то пьесы — замечательны! Читая их, действительно переносишься в евангельское пространство. Так вышло, что впервые на Святой Земле я побывала в 1997 году, в Страстную седмицу. И как раз в это же время я закончила перевод пьес. Так вот, ощущение от пребывания на Святой Земле и ощущение от чтения пьес Дороти Сэйерс у меня были удивительно схожими.

Впрочем, говоря о художественных произведениях на евангельскую тему, нельзя не коснуться знаменитого «Мастера и Маргариты». Этот роман я читала глазами человека верующего и недоумевала: что заставило Михаила Афанасьевича его написать? Мне и в голову не пришло, что Булгаков всерьез воспринимал свою фантазию как перефраз Евангелия. Да, это отличная проза, это можно читать с удовольствием, но это вовсе не о Христе. Увы, довольно часто я сталкивалась с людьми, которые относились к булгаковскому роману как к истине в последней инстанции. Мне внушали: «Ты ничего не понимаешь, вот смотри, как на самом деле Христос говорил: все люди добрые». Я отвечала: «Ради Бога, да прочитайте же вы Евангелие!» — но меня с жаром убеждали, что в Евангелии неправда, а правда — у Булгакова.

...Конечно, можно было бы сказать: нет ничего лучше самого Евангелия, вот сиди и читай его. Но так уж устроены люди, что, войдя в евангельское пространство, они хотят вновь и вновь туда возвращаться. Одним из способов может стать художественная литература. В этом, видимо, мотивация и Дороти Сэйерс, и Юрия Вяземского.

Впрочем, его роман «Сладкие весенние баккуроты» дался мне непросто. Когда я взяла его в руки, то подумала: «Боже мой, сейчас будет какая-нибудь залепуха». И прочитала дважды. Первый раз — не прерываясь, от корки до корки. Ощущения были странные. Мне показалось, что текст перегружен, что это скучновато. «Боже

Вестники Воскресения. 1867 г. Ге Н. Н.

зреть, это был единственный шанс перестать предавать себя и других. Потому что для того, чтоб достичь при Тиберии такого уровня карьеры, надо было интриговать, предавать, переступить через кого-то... Ему был предоставлен тот шанс, надо было открыть глаза, очистить уши и увидеть. Кто перед ним предстал. Но он этого не сделал. В Риме остался центр его интересов и его страхов, перед угрозой Римом он забыл обо всем. А мимо него прошел на смерть Христос...

Он был занят, и здесь вот звучит эта, уже страшная булгаковская фраза о бессмертии. Какое бессмертие получил Пилат? Вопрос... Я недавно был в Швейцарии, там напротив Люцернского озера есть гора, похожая на дракона, и называется она Пилатус. Говорят, что там, в полнолуние, в определенные весенние дни бродит одинокая тень... Таких гор, я думаю, довольно много по всему земному шару.

Христос: прикосновение к Тайне

— Ну и самый сложный, быть может, вопрос. Вам пришлось в романе описывать и Христа. Какие барьеры у Вас при этом возникли?

— Мы уже говорили о некоторых произведениях, в которых присутствует Его фигура. И говорили, что иногда под Его именем на сцену выступает вовсе не Иисус Христос, а Другой. И не хотелось бы осознать это уже после, когда поэма написа-

на и остаются лишь записные книжки и поздние признания. И также совершенно для меня невысказано приписывать Спасителю какие-то сочиненные мысли или слова.

Я для себя сразу и категорически отверг возможность того, чтобы Христос говорил теми словами, которые я не могу прочесть в Евангелиях. Не в разговорах и воспоминаниях других людей, других героев. Потому что когда человек начинает о чем-то рассказывать, он уже имеет право на свою авторскую интерпретацию, он может приписывать разные слова тому, о ком говорит. Мы с вами беседуем за чаем — и потом я буду вас, моих собеседников, совсем иначе пересказывать. Потому что мне так послышалось, я так его понял, а запись я не вел.

Но когда идет авторский текст, когда на сцену текста выходит Христос — Он будет произносить только те слова, которые есть в Евангелии. За собой я могу оставить лишь некоторое право на уточнение перевода или выбор из вариантов цитирования одного из евангелистов. Когда Иисус говорит, то я даже выбором заглавного шрифта выделяю Его речь.

Для меня смысл и назначение всякой религии, сердцевина всякого религиозного чувства — это тайна. Греческий язык чрезвычайно многозвучен. «Я есть Путь, Истина и Жизнь» — так переводится на русский язык одно из свидетельств Христа о Себе. Если бы я имел возможность, я бы перевел эти слова немного иначе: Я есть Путь, Истина

и Тайна жизни, причем Истина и Тайна, как бы слившиеся в одно и то же. Но не в переводе дело. По сути, я не могу приближаться слишком близко и «фокусировать камеру» на Тайне Божества. Поэтому я договорился сам с собой, что, кинематографическим языком говоря, я не буду брать Христа крупным планом, что я не имею права это делать. Я не имею права разглядывать детали, потому что, слишком к Нему приблизившись, я ослепну. Причем это ослепление будет тем страшнее, что я не буду чувствовать, что слеп. Мне будет казаться, что я вижу все яснее и четче... Но это будет уже не Он, а все тот же Другой, о котором в страхе писал Блок, закончив поэму «Двенадцать». Вслед за любимым апостолом, за Иоанном, я боюсь строить в повествовании собственную концепцию Божества, я не чувствую за собой права на это.

— Но даже при таком благочестивом подходе — не боитесь ли Вы ошибиться?

— Я вообще не знаю, могу ли не ошибиться, пытаюсь пройти этот путь. Я молюсь, прошу Его быть со мной. Но все время готов к тому, что Он — если я заблужусь — меня оставит. Я не могу быть уверен даже, нужна ли эта череда новых романов о Евангелии. Но мне хочется надеяться, что если этот труд — роковая ошибка, то Бог не даст мне ее совершить. ■

Беседовал
Владимир ГУРБОЛИКОВ

мой, кто станет это читать?» — думала я. А потом прочитала вновь, но уже делая паузы. И все встало на свои места — я действительно ощутила себя в евангельском пространстве, мне хотелось быть рядом с героями. Кто-то влюблен — а почему, собственно, нет? Люди молодые, они могут. Кто-то из апостолов некрасив — а почему нет? Все это очень живо, все это доставляет мне радость. Думаю, и автору тоже.

Но мне все равно непонятно, какому читателю предназначен роман? По-моему, это читатель не просто верующий, но еще и весьма начитанный. Такой будет то и дело испытывать радость узнавания. А вот если книга попадет к тому, кто и Евангелия толком не знает, — такой читатель может пройти в тексте мимо самого главного. То есть он, конечно, не останется разочарован — там есть интрига, есть чуть ли не детективная линия — но главное-то другое: живое присутствие Христа.

С точки зрения евангельского повествования, тут много смелости. Апостолы показаны кто гностиком, кто дуалистом, кто неоплатоником, кто буддистом. Многих это, видимо, покоробит, но думаю, автор имеет право на такое допущение. Ведь все эти идеи не с неба упали, они были естественны для той среды, для людей ищущих — вернее, еще не понявших, Кого они уже нашли.

Да ведь и по Евангелию видно, что Господь то и дело буквально стонет: ученики не поняли того, не поняли этого... а главное — упорно не понимают, Кто их учитель. Вспомните, как Он обрадовался, когда Петр Ему сказал: Ты — Христос, Сын Бога Живого (Мф 16:15-17). Так что Вяземский в этом ничем не противоречит Евангелию. И я вижу здесь параллель с пьесами Дороти Сэйерс. В конце одной из пьес ученики тоже спорят, тоже не понимают, Кто Он, и тут кто-то тихо произносит: Иоанн — знает. И сразу после этого «голос за кадром» цитирует Евангелие от Иоанна: В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог (Ин 1:1). А ведь доказать, что Иоанн знал уже тогда, до Воскресения, мы не можем.

Не знаю, можно ли вообще сформулировать какой-то свод правил, которых надо придерживаться, если пишешь на евангельскую тему. Ведь от избытка сердца глаголют уста. Но надо помнить, что писать такое — очень опасно.

Я приведу такой пример. Оскар Уайльд написал «Де профундис», где все время уподобляет себя Христу, считает себя таким страстотерпцем. Но надо же совесть

иметь! А он это делает искренне, а другие искренне этим восхищаются, говорят: «Боже мой, как глубоко!» Но никакой глубины там нет, там если что и искреннее, так только страдания, но и страдания его никоим образом не связаны со страданиями Христа.

А другой пример — это знаменитая рок-опера «Иисус Христос — суперзвезда». Если прорваться сквозь милейшую музыку к тексту, вслушаться в слова — то волосы встают дыбом. Если поверить, что этот, который пищит в Гефсиманском саду, этот истерический контркультурный персонаж — Христос, то просто худо станет.

Вообще, как говорил Честертон, кого только из Христа не лепят! И социалиста, и демократа... А Он же не умещается ни во что, Он бесконечно больше всей этой человеческой суеты.

Понимаете, что получается? Писатель, чей духовный опыт близок к нулю, чьи суждения о Христе почерпнуты из пары-тройки книжек, начинает писать на евангельскую тему. Ладно еще, если он как художник бездарен. Беда будет невелика. Но если он талантлив, если он умеет увлечь читателя, заставить его переживать героям — то выйдет скверно. Ведь опыт, который будет гениально донесен до читателя — весьма поверхностный. Но читатель-то поверит, что перед ним глубины, и это уведет его в сторону от настоящего Христа.

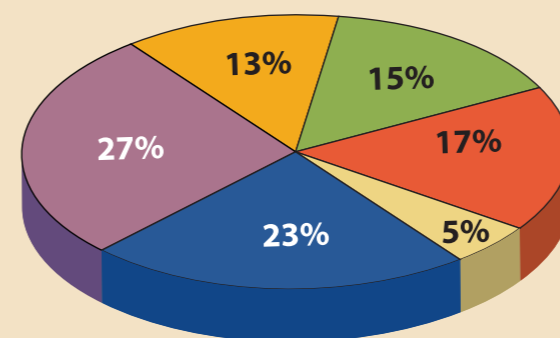
Другая опасность — это когда писатель, видя кажущуюся сухость Евангелия, хочет его «раскрасить» — как ребенок раскрашивает рисунки в книжках-раскрасках. При этом контуры ему уже не слишком интересны, ему интереснее нарисовать что-то яркое. То есть Евангелие оказывается лишь сырьем, исходным материалом для самовыражения. Между прочим, ничего нового тут нет, этим же путем шли авторы апокрифов. У них были те же самые искушения, что и у современных литераторов.

Ну и, наконец, не будем забывать, какой популярностью сейчас пользуется литература в жанре «фэнтези». Там вам и маги, и боги, и чудеса, и античный антураж... Всякий писатель, берущийся за евангельскую историю, рискует применить в своей работе стандарты этого жанра — а в итоге читатели воспримут роман о Христе в одном ряду с кучей фэнтезийных романов.

Вообще, писателям не худо бы помнить слова Аслана из Льюисовских «Хроник Нарнии»: «Я — не ручной лев». Писать о Христе — это рискованно. Но иногда этот риск бывает оправданным. ■

Можно ли и нужно ли, на Ваш взгляд, писать художественную прозу о Евангелии?

Опрос экономически активного населения России среди 1800 респондентов был проведен Исследовательским центром портала SuperJob.ru 10-11 декабря 2007 года по заказу журнала «Фома».

Владимир ГУРБОЛИКОВ,
первый заместитель главного редактора «Фомы»

Не по Воланду

Я прекрасно понимаю, что введение событий Евангелия в художественное произведение — дело рискованное и зачастую чреватое творческой неудачей. И лично мне до последнего времени не приходилось читать такие художественные произведения, которые, непосредственно затрагивая евангельскую тему, давали бы мне, читателю, нечто большее, чем чтение самого Нового Завета. Исключение составил «Сын Человеческий» отца Александра Меня, после которого передо мной будто в один миг распахнулись двери в мир Православной Церкви — но это все же книга историко-публицистическая и апологетическая, а не роман или игровое кино.

В искусстве такие попытки делались неоднократно. Я что-то читал, смотрел — но на первый взгляд, ничто меня не «зацепило» — за исключением, может быть, некоторых моментов из «Мастера и Маргариты». При всей неправде «романа о Понтии Пилате», при том, что Булгаков (или Мастер?) извратил евангельскую историю (и скорее всего, намеренно) — сильное и страшное впечатление осталось во мне от мастерски выписанной и трагичной грозы над горой распятия, в момент смерти Иешуа на кресте. В свое время я был просто потрясен этой сценой — в юности, еще до крещения. Но с тех пор произведения, где евангельские события включены в ткань повествования, не производили на меня впечатления. По крайней мере, так мне казалось. И на первый взгляд, всё сказанное — очевидная прелюдия к тому, чтобы признать: художник, делающий попытку обратиться к событиям земной жизни Христа — обречён. Но я не стану спешить с выводом.

Во-первых, потому, что трудно не заметить: именно в подходе к изображению новозаветных событий XX век и первое десятилетие XXI века стали временем великого противостояния. С одной стороны оказались фальсификаторы, авторы художественных апокрифов. С другой — художники, стремящиеся сквозь ткань произведения вернуться к духу и букве Евангелия. В обоих лагерях есть не только ничтожества и посредственности, но и большие мастера, даже гении. А вольными или невольными участниками разворачившейся борьбы стали не сотни и не тысячи — *сотни миллионов* читателей и зрителей!

Во-вторых, сколько бы ни было у меня сомнений относительно качества этих произведений, было бы ошибкой считать, что если только булгаковская гроза над Ершалаимом заставила меня забыть обо всем, то остальные романы и фильмы прошли мимо ума и сердца. Разве мог я равнодушно слушать рок-оперу «Иисус Христос — суперзвезда»? Неужели попытка Борхеса оправдать Иуду, обогнав Христа, не заставляла меня вступать в жаркие споры? Разве все равно мне было, какой фильм смотреть — «Код да Винчи» или «Страсти Христовы»?..

Как раз с момента появления фильма Мела Гибсона вопрос о мотивах обращения художников к Евангелию стал представляться уже более чем серьезным для понимания происходящего. Что происходит? Зачем и почему это делается? Почему попытка войти (иногда с верой во Христа, иногда безверная и воровская) в евангельскую «дверь» оказалась так востребована именно в последние века и десятилетия?

Роман Юрия Вяземского для меня стал неким окончательным подтверждением: **для нашей эпохи возвращение искусства к темам Евангелия — не просто неслучайно, но крайне важно.** И важно прежде всего для литературы, потому что, хотя в кино эта тенденция более заметна, в основе киноискусства по-прежнему лежит текст...

Вообще, вопреки распространенной точке зрения, я убежден, что роль чтения в наши дни только увеличивается. И не только чтения — любого искусства. Связано это с тем, что **в нашей жизни постоянно увеличивается доля «виртуального», мы все больше воспринимаем действительность сквозь призму интернета, телевидения, кинематографа, литературы — и все меньше сталкиваемся с «живой жизнью» непосредственно.** Не только искусство кино и телевидения, но и чтение (проблему качества читаемого пока оставим в стороне) стало занятием массовым, общенациональным, и это совершенно новый фактор в мировой истории. Множество людей живет погружением в мир вымысла, в пространство художественных произведений, очень разных: от компьютерных игр до серьезных романов. И здесь есть одновременно и угроза, и надежда. Причем надежда для нас заключается в том, что сами творцы «грёз» укажут людям на то, что виртуальность по-прежнему остается не более чем иллюзией, а жизнь — жизнью; что Истина — как бы ни изощрялись писатели и режиссеры — неизменна с начала времен. Но пока в виртуальном, в художественном пространстве слишком много, чудовищно

фото Владимира Елтыгина

много лжи. И литература, и кино создают все новые мифы и апокрифы, а людям крайне трудно отделить правду от вымысла. Как трудно нам в реальной жизни решать свои жизненные проблемы: создать семью, воспитывать детей, трудиться, строить отношения с окружающими — так же трудно человеку сквозь всю эту виртуальность прийти в живое пространство веры, вернуться из путешествия по «апокалиптической» чуши — к Евангелию.

Конечно, мы можем сказать: это же так просто — откройте Евангелие, прочитайте, и всё вам станет ясно. Увы, прежде, чем человек доходит до такой, казалось бы, простой и ясной мысли, его зачастую успевают увести в другую сторону. Он раньше узнает псевдонаучные или оккультные байки о Христе, чем откроет Книгу, которая повествует о Благой Вести и говорит о смерти и воскресении Спасителя.

Вновь вспомним «Мастера и Маргариту». Роман Мастера (а вернее сказать, роман Воланда) полностью искажает евангельскую весть, все ставит с ног на голову. И до сих пор ведутся споры, какую же позицию занимал сам Булгаков. На мой взгляд, споры эти ничем не разрешатся, потому что мы не знаем и вряд ли когда-либо узнаем, для *какого* читателя писал Михаил Афанасьевич. Сын профессора Киевской духовной академии прекрасно знал евангельский контекст. Современный человек, если он с Евангелием незнаком, воспринимает «Мастера и Маргариту» очевидно не так, как предполагаемый читатель, к которому обращался автор романа.

Вот так, все более виртуализируясь, люди не в состоянии отличить анти-евангелие от Евангелия, потому что они, к сожалению, прочтут анти-евангелие раньше. Они незнакомы с церковной традицией толкования Священного Писания. Они все больше и больше уходят в виртуальное восприятие тех событий. Это сделать проще, это и художнику легче, особенно художнику бесчестному. И мы видим, как на этой почве произрастают целые леса «кляквы»: все эти пресловутые коды и последние искушения.

Но на пути лжи начинает подниматься новая художественная волна. Все больше творческих людей осознают, что *евангельское пространство нуждается в девиртуализации*, и что это пространство, независимо от эпохи, по-прежнему невероятно плодотворно для взгляда на сегодняшний мир и на самих себя.

Первая такая попытка девиртуализации — «Страсти Христовы» Мела Гибсона. Фильм этот можно сколь угодно критиковать, но тем не менее это уникальный для кинематографа случай такого мощного, про-Евангельского влияния на десятки миллионов людей. Причина в том, что Гибсон, снимая художественный фильм, горячо веровал тому, о чем свидетельствовал, и стремился выйти из виртуального пространства к правде Евангелия. И вполне возможно, именно благодаря воздействию этого *фильма веры* спустя пару лет таким смехом была встречена экранизация «Кода да Винчи».

То же ощущение возникло у меня от романа «Сладкие весенние баккуроты. Великий понедельник» — первого романа из задуманного Юрием Вяземским цикла. В начале чтения многое меня шокировало и провоцировало — и нарочитый интеллектуализм, и насыщенность диалогами, и образы некоторых апостолов.

Но постепенно восприятие мое менялось. Во-первых, просто потому, что роман хорошо написан. Во-вторых, я вдруг ощутил, насколько же стыдно и глупо отречься от философского, интеллектуального романа — той самой традиции, которой следовали и Достоевский, и Лев Толстой, отчасти тот же Булгаков, и множество прекрасных зарубежных писателей. Должны ли мы отринуть

эту попытку выйти за привычные уже рамки «триллера», «боевика» в пространство философского романа (кстати, обладающего «пружинистым» и острым сюжетом)? Для меня оказалась ценной и дорогой сама возможность вернуться — через новую книгу — связь с этой самой важной, глубокой и *живой* литературной традицией.

И наконец, в-третьих, читая «Великий понедельник», я все больше ощущал себя причастным к этому кругу спорящих, сомневающихся и борющихся людей. Апостолов — и состоявшихся, и отвергнувших Христа, и «просмотревших» Его в суете сует. Должны ли мы отказаться от попытки понять апостолов? Вернее, можем ли мы через понимание апостолов — при всей очевидной невозможности понять их путь полностью, «стопроцентно» — соприкоснуться с Тайной, которой был для них Христос? Неужели мы сами, когда читаем Евангелие, не задаемся теми же вопросами, какими задаются герои этого романа?

Носителем вести о Христе в каком-то смысле является *каждый* человек. И каждый человек может принять Христа. Я вновь и вновь понимал это, читая. Зачем в романе Понтий Пилат? Зачем там иудеи, замышляющие против Христа? Да потому что каждый из них *мог* стать апостолом. И каждый из нас может стать — каждый, кто начинает веровать во Христа. **Каждый человек, обращающийся ко Христу, где бы и когда бы это ни случилось, в некотором роде повторяет апостольский путь. Каждый проходит через горнило сомнений — даже во время чтения Евангелия.**

Читая, я видел, как трудно и честно сердце и разум ищут ответы — и как благодаря этому происходит изучение самого себя, как происходит внутреннее покаяние. Ведь и во мне самом есть что-то от каждого из апостолов. Испугавшихся. Отрекшихся. Предавших — ведь есть в моей душе (увы, но это так!) и несчастный Иуда... Бывает, что эти мучительные вопросы еще долго живут в человеке, уже принявшем Христа. Просто чаще всего их не высказывают вслух. И в этом плане роман очень правдив.

Всякому читателю «Великий понедельник», как мне кажется, может дать пищу для размышлений. С одной стороны, повторюсь, он содержит в себе достоинства серьезного, классического романа (а такие произведения, вопреки распространенному предубеждению, по-прежнему нужны и востребованы). С другой — здесь найдена адекватная интонация, здесь выдержан такт по отношению к евангельским событиям, к образу Самого Христа.

Может быть, мое мнение кому-то покажется радикальным — но я и впрямь убежден, что роман Юрия Вяземского достоин булгаковского произведения, к которому апеллирует его название (ведь «Сладкие весенние баккуроты» неслучайно отсылают нас к роману «Мастер и Маргарита»). Однако, подчеркивая эту связь, **Юрий Вяземский вновь и вновь возвращает читателя, увлеченного «романом Мастера», к правде Евангелия.** Он словно говорит ему: «Ты читал Евангелие глазами Воланда. А вот так это видится не по Воланду». И в это автор верует. Не просто верит, но *верует*.

Читатель может, разумеется, не разделить веры автора — но он не может не почувствовать его искренности. Каков будет при этом духовный выбор — мы знать не можем, это всегда тайна. Но, на мой взгляд, здесь он может сделать очень немаловажный вывод: этот автор верит тому, что он говорит. И у него нет желания лгать. А значит — здесь, вероятно, есть дверь, ведущая из мира вымысла в подлинную Жизнь, к Истине, которая неизменна. И в эту дверь можно войти... ■

Постскриптим

Открытое письмо

Ивану Николаевичу ПОНЫРЕВУ

(в прошлом революционному поэту Ивану Бездомному),

а впоследствии профессору, сотруднику института истории и философии

от сочинителя нового романа об апостолах и префекте иудейском Понтии Пилате, заведующего кафедрой мировой литературы и культуры МГИМО Юрия ВЯЗЕМСКОГО

Глубокоуважаемый Иван Николаевич!

Обращаюсь именно к Вам, зная особенный интерес Ваш ко всему, что связано с историей, произошедшей Однажды в Иерусалиме, в годы правления незабвенного «прокуратора» (впрочем, вовсе не прокуратором он был, а префектом) Понтия Пилата. Представляю Ваше удивление, когда Вы увидите в печати это новое мое сочинение. Да, я совершенно иным собирался заниматься.

Но, видите ли, в последнее время так много появилось книг и кинофильмов на евангельские и, так сказать, околоевангельские темы... Достаточно вспомнить теперь, пожалуй, всемирно известного Дэна Брауна с его «Кодом да Винчи»!

Нет, Боже упаси, я никого не осуждаю; точнее сказать, всячески стараюсь подавить в себе это нарастающее оборонительное осуждение и тягостную тоску, смешанную сразу и с удивлением, и с раздражением, и даже с разочарованием и обидой...

Одним словом, отложил я в сторону все прежние свои литературные и философские замыслы и сел писать этот роман.

Но прежде, чем я напишу первую строчку, хотелось бы мне с Вами договориться, вернее, предупредить о тех принципах, которыми я собираюсь руководствоваться в своей работе. Собственно говоря, это даже не принципы, а некие предупредительные установки, которые мне хотелось бы дать и себе самому, и моему читателю, если таковой у меня окажется.

Этих самых принципов-установок во мне роится множество. Но постараюсь ограничить их числом «семь», которое древние египтяне, говорят, считали числом магическим.

Первое. Если вы не читали *Святых евангелий*, то сейчас же бросайте мой роман и сперва читайте Библию!.. Я, разумеется, не Вас имею в виду, Иван Николаевич. Вы не только евангелия

читали!.. Но вдруг мой роман попадет в руки человека, которого хорошо известный вам персонаж ласково называл «девственным». Я, знаете ли, об этих «девственных» крайне тревожусь. Может быть потому, что и сам я когда-то был таким «девственным» и свое знакомство с евангельской историей начинал с рок-оперы «Иисус Христос — суперзвезда» и с булгаковского «Мастера и Маргариты»... Одним словом, убедительно прошу сперва прочесть евангелия, а потом — милости просим, очень рад буду, если и мою книгу полистают.

Второе. *Всё, что написано в четырех евангелиях, — истинно, ибо написано при соавторстве Святого Духа.*

Тут, действительно, не надо никаких иных точек зрения! И доказательств никаких не требуется! И если вдруг мы встречаем в евангелиях противоречия, то прежде всего нужно сказать себе: это мне по недоумию моему, по недослышанию и по недомыслию представляется противоречием, а на самом деле тут загадка, тут глубина, тут тайна, если угодно, и если я попытаюсь загадку эту разрешить, в глубину заглянуть и в тайну старательно вслушаться, то противоречие исчезнет, и всё объяснится, всё встанет на свои места, и так встанет, что в новом свете откроются новые важные подробности, горизонт станет шире, и выше, и глубже; и яснее наступит более светлая, более прекрасная, более справедливая и добрая... Ибо, как известно, две параллельные прямые пересекаются так в бесконечности. А Святые евангелия как раз и есть бесконечные книги. И, пожалуй, более чем бесконечные!

Святой Дух участвовал в написании. И стало быть — истинно!

Но что значит истина?

Я не философствую собираюсь. Я вынужден поставить чисто практические для меня вопросы.

Да, Дух Святой соавторствовал с евангелистами и контролировал их.

Но кто поручится, что Он не разрешил им некоторые личностные человеческие неточности и заблуждения, без которых жизнь пресна и суха, предметы не отбрасывают тени и Тайне негде сокрыться? Кто возьмет на себя смелость утверждать, что Он не допустил некоторые важные умолчания по той простой причине, что человеку еще слишком рано было знать об этом?

Помните, у Достоевского в «Легенде о Великом инквизиторе»: дескать, Ты все уже сказал, и ничего к этому не можешь прибавить?... Лично мне трудно допустить, что Святой Дух действовал лишь в момент написания оригиналов евангелий. А потом действовать совершенно перестал. И даже в форме благодати не добавлял, не уточнял, не углублял для жаждущих, ищущих, любящих, не уяснял для них того, что почти две тысячи лет тому назад было написано.

И то, что было когда-то начертано в Свете и Благодати, потом сотни, тысячи раз переписывалось, иногда простыми переписчиками, при свете коптящей лампы, при тусклом мерцании свечи. Слишком часто во множестве богословских толкований мы встречаем ремарку: тут, дескать, явная ошибка переписчика... — Стало быть, ошибались, и разрешено было им ошибаться, а толкователям разрешено указывать на ошибки, которые — кто знает? — может быть, на самом деле были словами истины, записанные и освидетельствованные Святым Духом.

И сколько не то чтобы ошибок, а искажений, умалений, а может статья, углублений и уточнений было совершенно, когда переводили Его слова с арамейского на греческий, на латынь, на армянский и коптский языки. Ведь Он, Логос, на греческом едва ли говорил со Своими апостолами, когда жил с ними, путешествовал из города в город, ел, пил вино... Но именно на греческом языке дошли до нас все четыре евангелия, а все

списки на других языках — всего лишь переводы Его Слова.

Третье. *Каждый воспринимал и воспринимает по-своему.*

Сейчас есть канонизированные Церковью евангелия и объединяющие толкования к ним. И все же, по крайней мере, в деталях, православные утверждают одно, католики — другое, а протестанты третье. Мусульмане почитают Иисуса за великого пророка, но Богом, Сыном Божиим отказываются Его признать. Буддисты, талмудисты, разные гностики и манихеи полагают... Ну, да Бог с ними.

Я вот что хочу сказать: тогда, на Страстной неделе, которой посвящается мой роман, на апостолах не было еще Духа Святого, и, стало быть, каждый из них мог видеть, и слышать, и разуметь по-своему — каждый особым, ему присущим образом, не понимал Его, и понимал Его тоже по-своему. И ждал от Него своего. И путь человечества к спасению видел особенно, в соответствии со своими первоначальными ожиданиями и представлениями.

То есть двенадцать апостолов на Страстной неделе могли являть собой двенадцать различных точек зрения. И их точки зрения тогда могли довольно сильно отличаться от наших современных, евангельских и церковных. Как знать, может быть, уже тогда они прозревали те различные пути, по которым современное нам человечество движется к Богу, и кто-то из апостолов в своем предрасположении был более православный, кто-то — более католик, а кто-то — гностик, манихей и даже буддист! Святой Дух потом снизойдет на них, объединит и исцелит от заблуждений. Но это, во-первых, будет через пятьдесят дней после Воскресения. А во-вторых — коснется только святых апостолов, а их последователи вступят в Сад Расходящихся Троп; и Его Община, Его Церковь начнет разветвляться, разнаться и соревноваться; и те, которых называют гностиками, запюют свой особый хорал; затем со своей какофонической полифонией выступят различные манихеи; потом разбегутся православные и католики; затем в различных вероисповеданиях объявятся многочисленные протестанты... Да и буддизм, как сложившаяся система представлений, возникнет лишь через два столетия

после Христа. А ислам — через шесть веков после Него, и пророк Мохаммед будет долго сомневаться, не стать ли ему последователем сирийских христиан...

Четвертое. *Различные части своего романа я назвал «искушениями». Да и весь роман — не что иное, как искушение, в котором и меня искушают, и вместе со мной так или иначе будет искушаться мой читатель.*

Потому что слово «искусство» произошло от слова «искус». И как бы художники и писатели ни отрицали этого обстоятельства, как бы ни оборонялись от нападающих на них ревнителей веры, всякое искусство искушает и создано для того, чтобы искушать. И русским языком яснее, чем другие языки, это подчеркнул и укоренил. И чем выше искусство, чем совершеннее и многозначнее, тем более оно искушает. И «Гамлет», «Дон-Кихот», «Братья Карамазовы» искушают намного глубже, чем какой-нибудь «Иуда Искариот» Леонида Андреева. Потому что чем упорнее читаешь Андреева, тем сильнее и притягательнее хочется верить в истинного Иисуса Христа, а чем глубже проникаешь в «Гамлета», в «Дон-Кихота», в «Карамазовых», тем труднее бывает верить и тем больше возникает сомнений и искушений.

Но искушения тоже свидетельствуют. Вам, Иван Николаевич, насколько я понимаю, это должно быть хорошо известно.

И те три искушения от сатаны, которые претерпел Сам Иисус, свидетельствовали о Нем не менее, чем Нагорная проповедь, Его чудеса и Его исцеления. И, как знать, может быть, даже больше о Нем свидетельствовали и благоговевали!

Пятое. Я предлагаю Вашему вниманию именно *художественное толкование* событий Страстной недели.

В каком-то смысле вся европейская литература представляет собой не что иное, как художественное толкование Евангелия. А та, которая совершенно забывает о Нем, может быть, и не художественная литература вовсе, а так — некое пустопорожнее сочинительство, не рыба и не мясо, одним словом, тьма внешняя, которую и тьмой-то трудно назвать, так как всякая

Девять наиболее известных произведений XX века на евангельскую тему

К. Р. (великий князь Константин Романов) **Царь Иудейский (1913)**

Драма, ставившаяся только камерно. И сам Иисус находится за сценой, и даже Голгофу не видно из римских триклиний без окон, но речи Прокулы, супруги Пилата, преисполнены и состраданием, и скорбью.

Д. С. Мережковский **Иисус Неизвестный (1934)**

Иисус поступает, как велит не только канонические Евангелия, но и некоторые апокрифы, и преображается на Ермоне, а не на Фаворе, чтобы не смущать обитателей римского лагеря.

Франсуа Мориак **Жизнь Иисуса (1936)**

Всеведущий Иисус не знает сомнений, преисполненный состраданием ко всем людям, а эмоциональный рост юности растворяет в молитве.

М. А. Булгаков **Мастер и Маргарита (1940)**

Иешуа остается одинок, словно сирота, единственный его союзник — Левий Матфей, но и он все записывает неправильно.

Никос Казандзакис **Последнее искушение (1952)**

Вся жизнь Иисуса сведена к одной напряженной точке Гефсиманского моления, Иисус Казандзакиса беззащитен перед потоком образов из своей же жизни.

Венедикт Ерофеев **Благовествование (1961)**

От первого романа писателя сохранились только несколько страниц (а может быть, только они и были): обрывистая и вращающаяся на месте речь, пытающаяся артикулировать то слова Евангелия, то слова Ницше.

Генрик Панас **Евангелие от Иуды (1973)**

Роман пытается реконструировать идеи древних почитателей Каина и Иуды: Иуда в своем первом веке сумел стать эрудитом, равным Панасу, и потому может еще сосудиться с Иисусом в своей пространной «автобиографии».

Жозе Сарамого **Евангелие от Иисуса (1991)**

Иисус и Иуда играют в какие-то роковые поддавки; Иисус оказывается слишком любящим жизнь, и это язвит серьезного человека Иуду.

Норманн Мейлер **Евангелие от Сына Божия (1997)**

Иисус оказывается кем-то вроде популярного спортсмена, который рассказывает, какие задачи ставил и с какими трудностями сталкивался на пути к победе. ■

тьма предполагает Свет и без него неразличима.

Я, конечно же, не претендую...

Я отдаю себе отчет...

Я прошу Вас...

Я очень рассчитываю на то, что Вы прекрасно поняли то, что я хотел сказать, и что я побоялся сказать!

А тем, кто не понял, разъясню совсем другое:

Я не претендую на какую-то особую художественность, на которую претендовать у меня нет никаких оснований. Я тем менее претендую на нее, потому что, прежде чем сесть писать эти строки, я прочел довольно много различных богословских и исторических толкований, которые, конечно же, будут ограничивать мою художественную свободу.

Я отдаю себе отчет в том, что апостолы были святыми людьми, и какими они были на самом деле, я никогда не узнаю, потому что мне не дано это узнать. А изображать и описывать своих главных героев я буду таким образом, каким они мне представляются в моих искушениях.

Я прошу вас не удивляться тому, что в разных частях романа вы встретите различия, разночтения и даже противоречия. Просто так видели Его, мир и людей разные герои моих разных частей-искушений.

Шестое. Мне придется вступить во время мифа и пребывать в нем.

Это трудно объяснить. Понимаете, в отличие от нашего, обычного времени, которое делится на настоящее, прошлое и будущее, время мифа, я бы сказал, трехслойно, а точнее — триедино. То есть в нем нет этого обычного деления, и прошлое, настоящее и будущее слились вместе. Ибо Евангелие творится вечно, каждый год, каждый день, каждую минуту. И только так и можно, на мой взгляд, воспринимать его... То есть, с одной стороны, Иисус Христос есть лицо безусловного исторического, две тысячи лет назад в воскресенье, 10-го нисана, Он вступил в Иерусалим, а в пятницу, 14-го нисана, — Его распяли. Но с другой стороны, с тех пор Он каждое воскресенье вступает в Город, и каждую пятницу Его допрашивают у Пилата и распинают на Лысой горе. И не только в Иерусалиме, но во всех городах сразу. И не только на Страстную неделю. И предадут Его не только в четверг, но в любой день недели предавали и предадут каждую минуту. А с третьей стороны, всё так же произойдет и сотворится и в будущем:

Он въедет, очистит Храм, учредит таинство евхаристии, Его распнут, Он воскреснет... Нет, неправильно излагаю. Потому что я мысленно разделил времена. А в мифе не так. Понимаете, Он воскресает, и еще только должен воскреснуть, и уже очень давно воскрес, воскресив при этом всё верующее в Него человечество. И всё это одновременно, ныне единовременно, но вместе с тем присно и во веки веков....

Я предупреждал, что это трудно объяснить. Но только так я могу мыслить и чувствовать. И потому,

не видит ее всё точнее, рельефнее, четче, понятнее, ограниченнее и ближе. С Тайной — иное и прямо противоположное. Она от тебя отодвигается, расширяется, становится всё более туманной, недоступной, непостижимой, прекрасной и величественной... Мне не верите? Так почитайте великих мистиков: лучше всего — православных, но можно — некоторых католиков, многих буддистов и почти всех древних исламских суфиев.

Истину можно открыть. — Тайна сама нам открывается, чтобы вос-

— Я всех люблю, кто следует за Учителем. А скоро я всех людей на свете научусь любить. Потому что я должен любить Саму Любовь! Так требует от меня моя прекрасная теория! Эти слова Филипп произносил радостным голосом, с улыбкой на лице, с блеском во взоре. Но скоро набухли, лопнули и брызнули у него из глаз — в траву и на щеки, в стороны и на бороду — жаркие, крупные слезы. И плакал Филипп, по-прежнему глядя на Иоанна. А юноша от него отвернулся, взглянул на закат и сказал, к самому себе обращаясь: — Это хорошо. Хорошо, что плачешь. Это лучше всех твоих теорий...

Из романа Ю. П. Вяземского «Сладкие весенние баккуроты».

искушая себя и Вас, я буду вспоминать о древних временах, и созерцать настоящее, и в какой-то мере пытаться заглядывать в будущее.

Я знаю, что Он пришел на землю в Середине Времени и, стало быть, связал все нити, пронизывающие всемирную историю; все дороги от Него пошли и все дороги к Нему ведут; и где ты сейчас находишься: на какой дороге, в каком клубке событий, в каком именно времени — кто ж это знает?!

Нет, не удалось объяснить... Но Вы-то меня поняли. И, наверняка, вспомнили, увидели и стали угадывать.

И, наконец, седьмое и последнее. Евангелие — это не только истина, но и Тайна.

Чувствуете разницу?.. Скажем, ученый по мере приближения к исти-

хитить, искусить, предостеречь и исцелить.

Истину можно искать и исследовать. — Тайна сама нас ищет и исследует.

Истину можно описать. — Тайну можно только прославить. И чем меньше ее понимаешь, тем больше хочется прославить...

Я тут довольно сбивчиво всё изложил. Но, во-первых, надо было предупредить и договориться. Во-вторых, я ведь только начал писать это странное сочинение и надеюсь, что еще сотни раз успею уточнить и исправить. А в-третьих...

В-третьих, примите мои заверения в совершеннейшем к Вам почтении. Да поможет нам Бог! ■

Искренне Ваш,
Юрий ВЯЗЕМСКИЙ

Рога и копыта

Кто такие бесы, и нужно ли их бояться

Что имеет в виду современный неверующий человек, когда говорит «я был взбешен» или «меня это бесит»? Наверное, в большинстве случаев — просто крайнюю степень раздражения. И хотя корневая основа подобных слов ясно указывает на их происхождение от слова «бес», в наше время это мало кого может смутить. В рецензии на новый спектакль пресса восторженно сообщает, что премьера прошла «с бешеным успехом», тинэйджеры пишут в своих сетевых дневниках, как они «классно побесились» на рок-концерте, а ветеринары делают домашним животным прививки «от бешенства». Столь безразличное отношение к употребляемым словам легко объясняется простым, но печальным фактом: к сожалению, люди сегодня очень плохо представляют себе, кто же это такие — бесы. Откуда они взялись, какими качествами обладают и стоит ли отождествлять себя и окружающих с этими существами, пусть даже всего лишь на уровне фигуры речи?

Для людей, не склонных к чтению религиозной или оккультной литературы, едва ли не единственным источником знаний о бесах становится литература художественная. И тут с некоторым недоумением приходится признать, что даже в произведениях классиков описание нечистых духов весьма противоречиво, неоднозначно и, скорее, сбивает читателя с толку, чем помогает разобраться в сути дела. Писателями создана целая галерея различных образов, которые весьма непохожи друг на друга. С одного фланга в этом ряду стоят фольклорные изображения беса в произведениях Н. В. Гоголя и А. С. Пушкина. В этой версии бес представлен как достаточно нелепое и бестолковое существо с противной наружностью и настолько низким интеллектом, что даже простой деревенский кузнец легко подчиняет его себе, используя в качестве транспортного средства. Или же, вооружившись куском веревки и парой незатейливых мошеннических трюков, злого духа запросто обводит вокруг пальца известный пушкинский персонаж с красноречивым именем Балда.

На противоположном фланге галереи литературных бесов — булгаковский Воланд. Это уже едва ли не всемогущий вершитель человеческих судеб, средоточие интеллекта, благородства, справедливости и прочих положительных качеств. Человеку бороться с ним бессмысленно, поскольку, по Булгакову, он практически непобедим, ему можно только с благоговением подчиниться — как Мастер и Маргарита, или погибнуть — как Берлиоз, ну а в лучшем случае — повредиться рассудком, как поэт Иван Бездомный.

Две эти крайности в литературном изображении бесов, естественно, формируют у читателей такие же крайности и в отношении к изображаемому. От полного пренебрежения пушкинскими бесенятами-недотепами как безусловно сказочными персонажами до полной уверенности в реальном существовании Воланда-сатаны, суеверного ужаса перед его могуществом, а иногда и прямого поклонения духам тьмы.

Ничего удивительного тут нет, сила художественного произведения в том и заключается, что литературный герой начинает восприниматься нами как настоящий. В Лондоне, например, существует вполне реальный музей, посвященный вымышленному сыщику Шерлоку Холмсу, а в Советском Союзе настоящие городские улицы называли именем пламенного революционера Павки Корчагина, невзирая на его стопроцентно литературное происхождение.

Но в случае с художественным образом бесов мы имеем совершенно иную ситуацию. Дело в том, что даже в пространстве литературного произведения духовный мир существует не в рамках человеческой истории, а как бы параллельно ей — его обитатели не стареют, не умирают и не подвержены влиянию времени, они всегда рядом. И если предположить, что у вымышленных персонажей того же Михаила Булгакова существуют реальные прототипы в духовном мире, то следует признать, что читательский восторг и преклонение перед Воландом явно выходят за рамки литературной проблематики. Здесь возникают уже гораздо более серьезные вопросы — например, в какой степени образ беса, созданный художественным воображением писателя, соответствует духовной реальности? Или — насколько безопасно для человека отношение к бесам, сформированное их литературными образами? Очевидно, что на эти вопросы литературоведение ответить уже не может. И, поскольку в европейскую литературу бес перебрался из христианской религиозной традиции, разумно было бы выяснить — что же говорит об этом существе христианство?

Люцифер

Вопреки распространенному заблуждению, сатана вовсе не является вечным антиподом Бога, а бесы — антиподами ангелов. И представление о духовном мире как о некоем подобии шахматной доски, где черные фигуры на равных условиях играют против белых, в корне противоречит учению Церкви о падших духах.

В христианской традиции существует понимание четкой границы между Богом-Творцом и Его творением. И в этом смысле абсолютно все обитатели духовного мира в равной степени относятся к категории творений Божиих. Более того, сама природа бесов изначально точно такая же, как и у ангелов, и даже сатана не является каким-то особенным «темным богом», равным по силе Творцу. Это всего лишь ангел, который когда-то был самым прекрасным и сильным творением Бога в созданном мире. Но само имя — Люцифер («светоносный») — не совсем правильно употреблять по отношению к сатане, поскольку это имя принадлежит не ему, а тому самому светлому и доброму ангелу, которым сатана когда-то был.

Питер Брейгель Старший. Падение мятежных ангелов. 1562 год.

Церковное предание говорит, что духовный мир ангелов был создан Богом еще до сотворения материального мира. К этому во всех смыслах доисторическому периоду и относится катастрофа, в результате которой треть ангелов, возглавляемые сатаной, отпали от своего Творца: увлек с неба третью часть звезд и поверг их на землю (Откр 12:4).

Причиной этого отпадения стала неадекватная оценка Люцифером своего совершенства и могущества. Бог поставил его над всеми остальными ангелами, наделив его силой и свойствами, которых не было больше ни у кого; Люцифер оказался самым совершенным существом в сотворенной вселенной. Эти дары соответствовали его высокому призванию — исполнять волю Божию, начальствуя над духовным миром.

Но ангелы не были подобием автоматов, жестко запрограммированных на послушание. Бог создал их с любовью, и исполнение Его воли должно было стать у ангелов ответным проявлением любви к своему Создателю. А любовь возможна лишь как реализация свободы выбора — любить или не любить. И Господь дал ангелам эту возможность выбирать — быть с Богом или быть без Бога...

Невозможно с точностью сказать, как именно произошло их отпадение, но общий смысл его заключался в следующем. Люцифер-Денница посчитал, что полученное могущество делает его равным Богу, и решил оставить своего Создателя. Вместе с ним это роковое для них решение приняли третья часть всех ангелов. Между мятежными и верными духами (которых возглавил архангел Михаил) произошел конфликт, описанный в Священном Писании следующим образом: *И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы*

его воевали против них, но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе. И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаной, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним (Откр 12:7-9).

Так прекрасный Денница стал сатаной, а соблазненные им ангелы — бесами. Нетрудно заметить, что здесь нет ни малейших оснований говорить о войне сатаны против Бога. Как может воевать с Богом тот, кто даже от своих собратьев-ангелов потерпел сокрушительное поражение? Потеряв ангельское достоинство и место на Небесах, падшие духи оказались подобны воинам поверженной армии, сорвавшим с себя при отступлении орден и погоны.

Сумасшедший почтальон

Само слово «ангел» — греческого происхождения, в переводе на русский язык оно означает буквально «вестник», то есть тот, кто приносит весть от Бога, сообщает Его благую волю остальному творению. Но чью волю может сообщить ангел, который не захотел служить своему Создателю, какую весть может принести такой «вестник» — и можно ли верить этой вести?

Предположим, в небольшом городке один почтальон ужасно обиделся за что-то на своего начальника и перестал приходить на почту за новыми письмами. Но званием почтальона он очень гордился, письма разносить любил и, что самое грустное, ничего, ну просто абсолютно ничего больше не умел делать. И началась у него странная жизнь. Целыми днями неприкаянно слонялся он по городу в своей почтальонской фуражке с опустевшей почтовой

сумкой на плече, а вместо писем и телеграмм засовывал людям в почтовые ящики всякую дрянь, подобранную на дороге. Очень скоро он приобрел репутацию городского сумасшедшего. Сумку и фуражку у него отняли милиционеры, а жители начали прогонять его прочь от своих дверей. Тогда он ужасно обиделся и на жителей тоже. Но письма носить ему очень хотелось. И он придумал хитрую каверзу: темной ночью, когда его никто не видел, он потихоньку крался вдоль городских улиц и подкидывал в почтовые ящики письма, написанные... им самим. Он давно работал на почте, поэтому быстро научился подделывать почерк отправителей, их адреса и почтовые штемпели на конвертах. А в письмах писал... Ну что мог писать такой тип? Конечно же, только всякие гадости и вранье, поскольку он очень хотел досадить прогнавшим его жителям.

...Безусловно, эта грустная сказка про сумасшедшего почтальона — всего лишь очень слабая аналогия трагической истории превращения ангелов в бесов. Но для более точного описания глубины нравственного падения и безумия злых духов даже образ серийного маньяка оказался бы слишком светлым, мягким и необидительным. Сам Господь назвал сатану — убийцей: *он (диавол) был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи (Ин 8:44).*

К самостоятельному творчеству ангелы не способны, они могут лишь выполнять творческий замысел Бога. Поэтому единственным способом существования для отказавшихся от своего призвания ангелов оказалось стремление к разрушению и уничтожению всего, к чему они могли хотя бы прикоснуться.

Завидуя Богу, но не имея ни малейшей возможности причинить Ему какой-либо вред, бесы всю свою ненависть к Творцу распространили на Его творение. А поскольку венцом материального и духовного мира, самым любимым творением Божиим стал человек, на него и обрушилась вся неудовлетворенная мстительность и злоба падших ангелов-вестников, несущих людям вместо воли Божией — свою, страшную для всего живого волю.

И здесь возникает очень важный вопрос: как же человеку выстраивать отношения со столь грозной силой, стремящейся его погубить?

Шиш или свечка?

В сборнике народных русских сказок А. Н. Афанасьева есть любопытный сюжет на религиозную тему:

«Одна баба, ставя по праздникам свечку перед образом Георгия Победоносца, завсегда показывала кукиш змею, изображенному на иконе, и говорила: вот тебе, святой Егорий свечка, а тебе, сатана, — шиш. Этим она так рассердила нечистого, что он не вытерпел; явился к ней во сне и стал стращать: „Ну уж попадись ты только ко мне в ад, натерпишься муки!“ После того баба ставила по свечке и Егорию, и змию. Люди и спрашивают — зачем она это делает? „Да как же, родимые! Ведь не знамо еще куда попадешь: либо в рай, либо в ад!“»

В этой истории, несмотря на весь ее христианский антураж, очень лаконично и убедительно представлен языческий принцип одновременного налаживания отношений и со злыми божествами, и с добрыми. И сам путь к практическому решению проблемы указан здесь довольно ясно: каждому по свечке и — все довольны! Почему же так комично выглядит в этом народном анекдоте предусмотрительность наивной женщины? Да потому,

что умиловить беса может надеяться лишь тот, кто не понимает простой истины: наладить добрые отношения со злыми духами невозможно. Возненавидев все творение без исключений, бесы загнали себя в онтологический тупик, так как сами они тоже — творения Божии. Поэтому ненависть стала для них единственно возможной формой отношения друг к другу, и даже самих себя они могут только ненавидеть. Сам факт собственного бытия является для бесов мучительным.

Такое страшное мироощущение можно сравнить, наверное, лишь с состоянием несчастного животного, умирающего от вирусной инфекции, которую в просторечии не без оснований называют бешенством. Главным симптомом этой страшной болезни являются спазмы пищевода, не пропускающие в организм никакую жидкость. Вода может находиться совсем рядом, но животное умирает от жажды, не имея малейшей возможности ее утолить. Обезумев от этой пытки, больной зверь кидается на всех, кто имел неосторожность к нему приблизиться, ну а если никого рядом нет — уже в полном помрачении кусает сам себя. Но даже такая жуткая картина может дать лишь очень слабое и приблизительное представление о том, что же может испытывать существо, люто ненавидящее весь мир, не исключая себя самого и себе подобных.

А вот теперь — вопрос на засыпку: будет ли здравомыслящий человек пытаться завести дружбу с бешеной собакой? Или, к примеру, смог бы киплинговский Маугли выжить в стае бешеных волков, непрерывно рвущих друг друга? Ответ в обоих случаях очевиден. Но тогда неизмеримо более безнадежным предприятием является попытка умиловить беса с тем, чтобы обеспечить себе комфортабельное местечко в аду.

Делать реверансы в сторону сил зла — бессмысленное и бесполезное занятие. В Священном Писании ясно сказано, что для сатаны люди представляют интерес исключительно в качестве потенциальной жертвы: *Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить (1 Пет 5:8).*

И хотя тыкать кукишем в икону Георгия Победоносца, как это делала героиня афанасьевского анекдота, совсем не благочестивое дело, и заниматься этим, конечно, не стоит, но все же тем христианам, которые испытывают суеверный страх перед бесами, не худо было бы вспомнить, что в самом чине Таинства крещения каждый христианин не то что кукиш бесу показывает, но буквально — плюет на него троекратно, отрекаясь от сатаны.

Мало того, впоследствии христианин ежедневно вспоминает об этом отречении в молитве святителя Иоанна Златоуста, читаемой перед выходом из дому: **«Отрицаюся тебе, сатано, и гордыни твоей и служения тебе; и сочетаюся Тебе, Христе Боже, во имя Отца и Сына и Святаго Духа».**

Но откуда же берется у христиан подобное дерзновение? Ответ прост: плевать на таких опасных и сильных врагов может только тот, кто находится под надежной защитой.

Кто утопил свиней

Люди, впервые знакомящиеся с Евангелием, иногда обращают пристальное внимание на те детали евангельского повествования, которые для воцерковленного человека являются второстепенными и малозначительными. Один такой случай описывает Н. С. Лесков в повести «На краю света», где православный епископ, путешествуя по

Сибири, пытается объяснить своему проводнику-якату суть христианского вероучения:

«Ну а знаешь ли ты, зачем Христос сюда на землю приходил?»

Думал он, думал — и ничего не ответил.

— Не знаешь? — говорю.

— Не знаю.

Я ему все Православие и объяснил, а он не то слушает, не то нет, а сам все на собак погикивает да оростелем машет.

— Ну, понял ли, — спрашиваю, — что я тебе говорил?

— Как же, бачка, понял: свинью в море топил, слепому на глаза плевал — слепой видел, хлеба-рыбка народца дал.

Засели ему в лоб эти свиньи в море, слепой да рыбака, а дальше никак и не поднимется...»

Парадоксальным образом все те же свиньи, засевшие в лоб лесковскому безграмотному якуту, в наши дни иногда могут привести в смущение уже вполне цивилизованных людей с высшим образованием. Как кроткий и любящий Христос, который «трости надломленной не переломит и льна курящегося не угасит», смог безжалостно утопить стадо свиней? Разве любовь Божия не распространяется и на животных тоже?

Вопросы вроде бы формально правильные (хотя возникнуть они могли, наверное, лишь у современного человека, который никак не связывает ветчину на своем столе со свиньей, из которой эту ветчину сделали). Но все же ошибка в подобном рассуждении есть. И дело даже не в том, что упомянутые в Евангелии свиньи рано или поздно все равно попали бы под нож мясника.

При внимательном прочтении этого места в Евангелии становится очевидным простой факт: Христос не топил несчастных животных. В их гибели виноваты... бесы.

Когда же вышел Он на берег, встретил Его один человек из города, одержимый бесами с давнего времени, и в одежду не одевавшийся, и живший не в доме, а в гробах. Он, увидев Иисуса, вскричал, пал пред Ним и громким голосом сказал: что Тебе до меня, Иисус, Сын Бога Всевышнего? умоляю Тебя, не мучь меня. Ибо Иисус повелел нечистому духу выйти из сего человека, потому что он долгое время мучил его, так что его связывали цепями и узами, сберегая его; но он разрывал узы и был гоним бесом в пустыни. Иисус спросил его: как тебе имя? Он сказал: легион, — потому что много бесов вошло в него. И они просили Иисуса, чтобы не повелел им идти в бездну. Тут же на горе паслось большое стадо свиней; и бесы просили Его, чтобы позволил им войти в них. Он позволил им. Бесы, выйдя из человека, вошли в свиней, и бросилось стадо с крутизны в озеро и потонуло (Лк 8:27–33).

Здесь очень наглядно проявлена разрушительная сила ненависти бесов ко всему живому, заставляющая их действовать даже вопреки собственным интересам. Изгнанные из человека, они просят Христа позволить им войти в свиней, чтобы жить в них и не идти в бездну. Но как только Христос позволяет им это, бесы тут же топят всех свиней в море, снова оставшись без пристанища. Понять такое поведение невозможно, поскольку в ненависти нет ни логики, ни здравого смысла. Прогуливающий по детскому саду сумасшедший с опасной бритвой в руке будет выглядеть на фоне бесов безобидным и мирным обывателем. И если бы такие жуткие существа могли беспрепятственно орудовать в нашем мире, то ничего живого в нем давно бы уже не осталось. Но в евангельской истории со свиньями Господь ясно показал, что бесы все же не свободны в своих действиях. Вот как говорит об этом преподобный Антоний Великий: «Даже над свиньями

не имеет власти диавол. Ибо, как написано в Евангелии, демоны просили Господа, говоря: повели нам идти в свиней. Если же не имеют власти над свиньями, тем паче не имеют над человеком, созданным по образу Божию».

Отрекаясь в крещении от сатаны, человек ввергает себя Тому, Кто имеет абсолютную власть над сатаной. Поэтому, даже если бесы нападают на христианина, это не должно его особо пугать. Такое нападение возможно при единственном непреклонном условии: если его разрешит Господь. Укус змеи смертелен, но искусный врач умеет готовить из змеиного яда лекарство. Так и Господь злую волю бесов может использовать как средство для исцеления человеческой души. По общему мнению отцов, беснование попускается Богом тем людям, для которых этот путь оказывается наилучшим в приобретении смирения и спасения. «В духовном отношении такое наказание Божие отнюдь не служит худым свидетельством о человеке: такому преданию сатане подвергались многие великие угодники Божии...» — пишет святитель Игнатий (Брянчанинов).

«Между тем, обременение демоном нисколько не жестоко, потому что демон совершенно не может ввергнуть в геенну, но если мы бодрствуем, то это искушение принесет нам блестящие и славные венцы, когда мы будем с благодарностью переносить такие нападения» (святитель Иоанн Златоуст).

Искушение святого Антония. Приписывается Иерониму Босху. Ок. 1500 г.

Искушение святого Антония

Бесы действуют лишь там, где им попускает это Господь, обращающий злые замыслы падших духов ко благу людей. Этим отчасти объясняется знаменитый парадокс Мефистофельского самоопределения у Гете: «я часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо». Хотя даже в литературном произведении бес все равно продолжает врать: никакого блага совершить он, конечно же, не в состоянии и, как всегда, приписывает себе чужие заслуги.

А что же может бес на самом деле? В этом вопросе мнение отца христианского монашества Антония

Мы ждем вас и будем очень рады встрече

СРЕТЕНСКИЕ

ТОЛЬКО В НАШЕМ МАГАЗИНЕ вы сможете приобрести иконы ювелирно-художественной мастерской «Респект», которые выполнены по нашему специальному заказу. Высокое качество, уникальная каноническая техника письма, ручная гравировка. Время, которое занимает изготовление одной иконы, составляет два-три месяца. Все иконы выполнены в подарочном варианте. Мы всегда очень рады видеть вас в нашем магазине. Рады, когда от нашего с вами общения в сердцах возгорается искорка любви к ближним, а в душах — любовь ко Христу.

- В нашем магазине большой ассортимент аудио- и видеопроизведений на компакт-дисках в форматах CD, DVD, MP3, MPEG4.
- Один из залов отведен детской познавательной, духовно-просветительской и художественной литературе, там же имеется большой стенд «Православная семья».
- Мы предлагаем также разнообразный ассортимент книжной продукции, занимающей четыре больших зала, — более 6 тысяч наименований, широко представлены книги издательства Сретенского монастыря.
- В отделах утвари — уникальный выбор писаных икон, шелкографии, литография, греческие иконы, а также иконы XVIII-XX веков.

МОСКОВСКИЙ СРЕТЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ И ТЕЛЕКАНАЛ «СПАС» представляют вашему вниманию новый поистине уникальный фильм — «ПСКОВО-ПЕЧЕРСКАЯ ОБИТЕЛЬ». Этот фильм был снят в 1986 году в Псково-Печерском монастыре, когда были еще живы многие старцы. Вы увидите уникальные кадры, запечатлевшие удивительных и великих подвижников, которым Господь судил прожить всю их жизнь в годы гонений.

Магазин находится в самом центре Москвы — м. «Чистые пруды», «Тургеневская», «Лубянка», «Кузнецкий мост». Мы работаем с 9:00 до 20:00 без выходных и перерыва на обед по адресу: ул. Большая Лубянка, 17. Телефон: 623-80-46.

Великого можно считать более чем авторитетным, поскольку бесы воевали с ним в пустыне несколько десятилетий. На знаменитом полотне Иеронима Босха «Искушение святого Антония» изображена жуткая картина: стая клыкастых и рогатых чудовищ нападает на одинокого монаха. Этот сюжет не придуман художником, он взят из реального жития преподобного Антония, и все эти страшные нападения святой пережил на самом деле. Но вот какую неожиданную оценку дает этим ужасам сам Антоний Великий: «Чтобы не бояться нам демонов, надо рассудить и следующее. Если бы было у них могущество, то не приходили бы толпою, не производили бы мечтаний, не принимали бы на себя различных образов, когда строят козни; но достаточно было бы прийти только одному и делать, что может и хочет, тем более, что всякий имеющий власть не привидениями поражает, но немедленно пользуется властью как хочет. Демоны же, не имея никакой силы, как бы забавляются на зрелище, меняя личины и стращая детей множеством привидений и призраков. Посему-то наипаче и должно их презирать, как — бессильных».

Чем дальше, тем хуже...

Бесы ненавидят Бога. Но чем Бог отвечает на эту ненависть? Преподобный Иоанн Дамаскин пишет: «Бог и диаволу всегда предоставляет блага, но тот не хочет принять. И в будущем веке Бог всем дает блага — ибо Он есть источник благ, на всех изливающий благодать, каждый же причащается ко благу, насколько сам приготовил себя воспринимающим».

Несмотря на всю глубину падения бесов, Бог не воюет с ними и всегда готов принять их обратно в

ангельский чин. Но чудовищная гордость падших духов не дает им ответить на все проявления Божией любви. Вот как говорит об этом современный подвижник, афонский старец Паисий Святогорец: «Если бы они сказали только одно: „Господи, помилуй“, то Бог что-нибудь придумал бы для их спасения. Если бы они только сказали „согреших“, но ведь они этого не говорят. Сказав „согреших“, диавол снова стал бы ангелом. Любовь Божия беспредельна. Но диавол обладает настырной волей, упрямством, эгоизмом. Он не хочет уступить, не хочет спастись. Это страшно. Ведь когда-то он был ангелом! Помнит ли диавол свое прежнее состояние? он весь — огонь и неистовство... И чем дальше, тем хуже он становится. Он развивается в злобе и зависти. О, если бы человек ощутил состояние, в котором находится диавол! Он плакал бы день и ночь. Даже когда какой-нибудь добрый человек изменяется к худшему, становится преступником, его очень жаль. А что же говорить, если видишь падение ангела!.. падение диавола не может быть уврачевано ничем иным, кроме его собственного смирения. Диавол не исправляется потому, что не хочет этого сам. Знаете, как был бы рад Христос, если бы диавол захотел исправиться!»

К сожалению, для подобной радости диавол не дает никаких поводов. И единственно правильное и безопасное для человека отношение к падшим духам, обезумевшим от злобы и гордости, — не иметь с ними ничего общего, о чем и просят Господа христиане в заключительных словах молитвы «Отче наш»: ...не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго. Аминь. ■

Александр ТКАЧЕНКО

Бог не забудет о нас

ФОТО ИЗ АРХИВА АВТОРА

Протоиерей Александр МЯКИНИН,
проректор по учебной работе
Нижегородской духовной семинарии

■ У меня случилась беда — заболел близкий человек. После всего произошедшего стала читать молитвы, пытаюсь переделать свой внутренний мир, жить с чистыми помыслами. Как мне умолить Бога о прощении и о снисхождении к моему близкому? Видимо, что-то страшное я в жизни сделала, если Бог так меня наказал? Как искупить свою вину и умолить Бога о чуде?

Есть ли Ваша личная вина в том, что заболел близкий Вам человек — мне сказать трудно, ибо я не знаю всех обстоятельств Вашей жизни. Но думаю, что отношения человека с Богом сводить к упрощенному образу: вина — наказание, добродетель — награда, нельзя. Святые отцы условно различают три типа отношений человека к Богу. Один человек воздерживается от греха и зла, боясь наказания свыше, — это начальная ступень духовной жизни, которая именуется состоянием раба (то есть в современном значении «работника», который работает как бы от страха перед Богом). Иной подобен слуге. Он исполняет волю своего Господина, ожидая от Него награды. Это состояние хотя и выше первого, но еще далеко от совершенства. И, наконец, в третьем состоянии человеком движет уже не страх и не корысть, а исключительно любовь к Богу — и поэтому такого человека можно сравнить с членом семьи, с сыном. Только в таком состоянии достигается та полнота отношений человека с Богом, которую Он задумал для нас. Но поскольку мы не сразу вырастаем в полную меру своего Богосыновства, то Господь поступает с нами, сообразуясь с духовным возрастом каждого. Кого-то спасает от греха страхом, кого-то вос-

питывает обещанием благ, но за всем этим стоит лишь одно — безграничная любовь Бога к каждому человеку.

Нам бывает чрезвычайно трудно это понять — особенно в горе, лишении, болезни, страдании. Порой кажется, что Бог отвернулся от нас или бичует нас скорбями и являет Свой гнев, и только по прошествии какого-то времени мы начинаем понимать смысл происшедшего и видеть во всем действие премудрого и спасительного Промысла Божия. Поэтому продолжайте молиться и не отчаивайтесь. Помните, что страдания Вашего близкого посланы и ему, и Вам лишь для того, чтобы помочь вам вместе научиться доверять Богу и жить в осознании того, что все мы — Его возлюбленные дети, которые нуждаются порой и в таком вот горьком и трудном исцелении.

■ Я прочла, что страшна участь младенцев, жертв абортотворения. Не могу понять, за что страдают невинные? Если мать искренне раскаивается и молится за них, облегчается ли их участь? У меня самой была замершая беременность. Где же обитает некрещеная душа погибшего ребенка?

Достоверного знания о состоянии за гробом душ младенцев, убитых или умерших во чреве матери, мы не имеем — если принимать за источники Священное Писание и Священное Предание Церкви. Но то, что нам известно наверняка, дает нам все основания усомниться в справедливости сказанных кем-то слов, будто «страшна участь младенцев, жертв абортотворения». Ведь одной из самых великих истин христианства является откровение, что Бог есть Любовь (1 Ин 4:8, 16). Представлять себе Бога, карающего невинных младенцев за грех их родителей, мстящего им за чужое преступление

заповеди о любви — невозможно. Такое подозрение недостойно Того, Кто молился за Своих распинателей и призывал любить даже врагов.

Возможно, души убитых детей и не могут вместить полноты Божественной благодати, которой достигают те, кто путем подвига и духовного роста достиг в земной жизни обилия даров Духа Святаго — но достоверно нам это неизвестно. Одно мы знаем несомненно: дети, оставленные и отвергнутые собственными родителями или, из-за трагических обстоятельств, умершие еще до появления на свет, ни на миг не бывают оставлены Небесным Отцом, сказавшим некогда пророку: *Забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? Но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя (Ис 49:15).*

А ответственность за грех убийства ложится, конечно же, не на жертву, а на убийцу, и страдание, как прямое следствие греха, становится уделом совершителей злодеяния. Возлагать же равную вину и ответственность на всех матерей, утративших ребенка, конечно, нельзя. Ведь одни желали видеть своих детей родившимися, но так и не обрели их, оказавшись физически не в состоянии выносить плод. Нельзя же считать грехом случаи, когда ребенок умер во утробе матери не по ее вине или в случае внематочной беременности. А вот другие получали от Бога дар новой жизни, но отвергли его по своей воле, по прихоти или из-за угрозы своему здоровью и благополучию. И поэтому первые очень нуждаются в утешении, которое может дать им мысль, что Бог не оставит их детей без Своей любви. А вторым, чтобы вернуться к Богу, остается только путь глубокого покаяния, которого ждет от них милосердный Господь. Но в любом случае, загробная участь погибших во чреве младенцев — в руках Божиих, пути Которого для нас неисповедимы. ■

По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси АЛЕКСИЯ II

АЛЬФА и ОМЕГА

Издается с 1994 года

№3(50) 2007 г.

В НОМЕРЕ:

Поздравление Святейшего Патриарха
Новый перевод Песни Песней
Блаженный Августин о добре и зле
Православное просвещение в годы гонений
Ещё раз о семье и браке
Достоевский и Булгаков

Подписка по каталогам:
Роспечати: 47100 (полугодовой), 82549 (годовой);
«Пресса России»: 15018 (полугодовой), 16386 (годовой).

Информационная поддержка — журнал «ФОМА»

www.foma.ru

ПАЛЕХСКИЙ ИКОНОСТАС

ИКОНОСТАСЫ, ИКОНОПИСЬ, РЕЗЬБА,
ЗОЛОЧЕПЬЕ

155620, Ивановская область, Палех, ул. Зеленая Горка, дом 17
Телефон/факс: 8 (49334) 2-28-91 Эл. почта: ikonostas@inbox.ru

Почему у православных «не всё по Библии»?

Нередко можно услышать упреки в адрес православных, будто у них многое противоречит Священному Писанию христиан — Библии. К примеру, они молятся Богородице и святым, а не одному только Богу, а также почитают иконы и называют священников «отцами», хотя Библия запрещает это делать. Они исполняют множество обрядов, о которых в Библии вроде бы нет ни слова. Что же это значит: православные отказались от Библии, заменив ее собственными изобретениями, которые они называют «Преданием»? Давайте разберемся.

Церковь, написавшая Библию

Один православный священник в США рассказывал такую историю. На улице к нему подошел проповедник и сказал: «Хотите, я расскажу вам о Церкви, которая основана на Библии?» На это священник ответил: «А хотите, я расскажу вам о Церкви, которая написала Библию?» Его ответ может показаться дерзким и надменным, но, если задуматься, он довольно точно отражает то, какой Православная Церковь видит саму себя. Это не значит, разумеется, что она полностью уравнивает апостольскую общину с тем, что мы сегодня называем Православием. Нет, апостолы не носили митры, не имели икон, не служили водосвятные молебны, и это всем понятно. Но православные настаивают: они — прямое и непосредственное продолжение этой общины. Наша Церковь возникла не потому, что кто-то когда-то прочитал Библию и решил, что теперь ему нужно учредить такую-то организацию на таких-то принципах, а потому, что в свое время Господь призвал Авраама, затем Исаака, затем Иакова, и на каждом новом этапе Божественное Откровение дополнялось и расширялось, затем записывалось — и так возникла Библия *внутри* этой Церкви, избранного Божьего народа. Сегодня она продолжается в Православии.

Преданием как раз называют вот эту живую связь эпох, а вовсе не некоторую сумму обычаев и привычек, которые могут меняться от века к веку и от народа к народу. Священное Писание, то есть Библия, — центральная и главная часть этого

Предания, с которой должно сверяться все остальное.

И все-таки, почему же тогда у православных многое «не по Библии»? Почему бы им не отказаться от того, чего нет в Библии в явном виде?

Прежде, чем начинать разговор об этом, постараемся точнее определить, что именно мы имеем в виду. Во-первых, в Православной Церкви, какой она существует на земле, всегда было и будет немало искажений и нарушений идеала Православия — этого никто не скрывает. Приходя в Церковь, человек не перестает быть несовершенным и часто совершает такие поступки, которые противоречат учению этой самой Церкви. Но такие искажения опровергаются и отвергаются самими православными. Значит, об этом мы сейчас говорить не будем.

Есть и другой вид несоответствий — когда в современной церковной или даже светской жизни появляются какие-то обычаи, отсутствующие в Библии, но не противоречащие ей. Так, некоторые, хотя и очень немногочисленные христиане, не считают возможным праздновать дни рождения, поскольку единственный день рождения, упомянутый в Библии, — это торжество в честь царя Ирода, на котором и отрубили голову Иоанну Крестителю. Конечно, так, как Ирод, нам веселиться не стоит — но значит ли это, что мы вообще не вправе отмечать дни рождений дорогих нам людей? По-моему, никак не значит. Ведь очень многое в нашей жизни тоже не встречается в Библии, но глупо было бы требовать от христиан отказаться от этих признаков современной жизни, а равно и от обычаев и привычек, которые не находят в Библии прямого подтверждения, но ни в чем ей не противоре-

чат. Они возникли позднее, в иных условиях, ведь жизнь никогда не стоит на месте. Поэтому простота и непритязательность апостольской молитвы постепенно превратилась в пышность византийских обрядов — точно так же, как легким средиземноморским туникам пришли в нашем климате на смену тяжелые зимние пальто.

Словом, такие несоответствия мы тоже сейчас рассматривать не будем. Поговорим о третьем роде несоответствий: когда что-то в современной православной практике напрямую противоречит, как кажется, велениям Библии. А таких моментов критики называют немало: православные молятся не только Богу, но и умершим людям, поклоняются их телам и изображениям, называют своих наставников отцами, а еще... Впрочем, для начала хватит — разберемся хотя бы с этим.

Глаза, руки и ноги

Но прежде, чем обращаться к православным, давайте посмотрим на всех христиан вообще. Много ли среди них людей с выколотыми глазами и отрубленными руками и ногами? Немного, причем они не сами сделали себя инвалидами. А ведь Христос ясно требует в Евангелии: если тебя соблазняет глаз, рука или нога, нужно избавиться от этой части тела, потому что *лучше тебе увечному войти в жизнь, нежели с двумя руками идти в геенну, в огонь неугасимый* (Мк 9:43-48). Если понимать эти слова буквально, вывод остается только один: взглянул на что-то непристойное — выколи себе глаз; пошел, куда не надо, — немедленно отруби ногу. Конечно, в жизни

Фото Владимира Ештокина

Как ни странно, описанные в Библии облачения, которые надлежит одевать священникам Бога Всевышнего, гораздо более роскошны и дороги, чем большинство из употребляющихся сейчас в Православной Церкви. Формально это тоже можно назвать расхождением с Библией — но разве обратная практика не вызвала бы еще больше нареканий?

каждого человека такое бывает не единожды, и буквально исполнить это нет никакой возможности. Так что нам стоит задуматься — какой смысл стоит за этими яркими и запоминающимися словами, чему хочет научить нас Христос? По-видимому, тому, что в борьбе с грехом не следует себя жалеть, и на пути к Богу не обойтись без самоограничений, порой очень болезненных и неприятных.

Всем очевидно, что в Библии немало таких мест, которые невозможно принять как непосредственное руководство к действию во всех случаях жизни — ведь Библия не инструкция по пожарной безопасности, которой нужно следовать в соответствующей обстановке без раздумий и колебаний. Нет, она, скорее, выстраивает для человека некие основные ценности и приоритеты, которые могут по-разному воплощаться в его повседневной жизни, и тут уже ему самому приходится многое решать для себя. Ведь и Бог ждет от нас не слепого фанатизма, а разумного и осмысленного послушания.

Вот с этих позиций мы и постараемся понять, как согласуется практика Православной Церкви с библейским учением.

Богородица и святые

Главной новостью, которую принесла в мир Библия, была весть о Едином Боге. Язычники могли помнить о Творце мира, но предпочитали иметь дело не с Ним, а с многочисленными божествами, каждое из которых заведовало какой-то определенной сферой жизни: этому надо молиться об урожае, тому — о военной победе, а вон той — в случае зубной боли. Именно к такому миру были обращены слова первой заповеди: *Я Господь, Бог твой... Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим* (Исх 20:2-3). Но что же мы видим у православных — снова многобожие? Молятся не только Богу, но и святым, особенно Богородице? Просят их о помощи, словно бы забыв о Творце?

Давайте вслушаемся: как и о чем просят святых православные? Говорят ли они им: «Такой-то, как господин над урожаем или зубной болью, надели меня своими дарами»? Нет, они обращаются к ним со словами: «моли Бога о нас». Все христиане, да и не только они, время от времени просят других о молитвенной поддержке, потому что понимают: человеку трудно одному предстать перед Богом, ему нужна помощь собратьев по вере, их согласная

молитва обладает огромной силой. Именно о такой помощи и поддержке православные просят своих старших братьев и сестер, которые уже закончили свой жизненный путь и предстали перед Господом. Эти люди в своей жизни показали, как много может их молитва, как охотно они приходят на помощь другим — так неужели мы должны пренебрегать их поддержкой?

Ведь мы верим, что у Бога все живы. Не случайно еще в Ветхом Завете Господь, обращаясь к людям, называл Себя «Богом Авраама, Исаака и Иакова» — первых святых Своей Церкви. Он мог бы сказать о Себе: «Я Вечный, Я Творец неба и земли» — и многим, многим иное. Но Он предпочел говорить о Себе в связи со святыми, в жизни которых и раскрывалось представление о Едином Боге. Знать, что есть Творец, — хорошо, но это мало что значит лично для тебя. А вот знать, что есть Тот, Кто заключил союз с Авраамом, Исааком и Иаковом, и Он предлагает тебе войти в этот союз, присоединиться к ним, — это уже совсем другое дело. И в этом деле просто необходима будет поддержка тех, кто вошел в этот союз прежде тебя.

Но отдельно стоит сказать о Богородице, ведь Ее не только про-

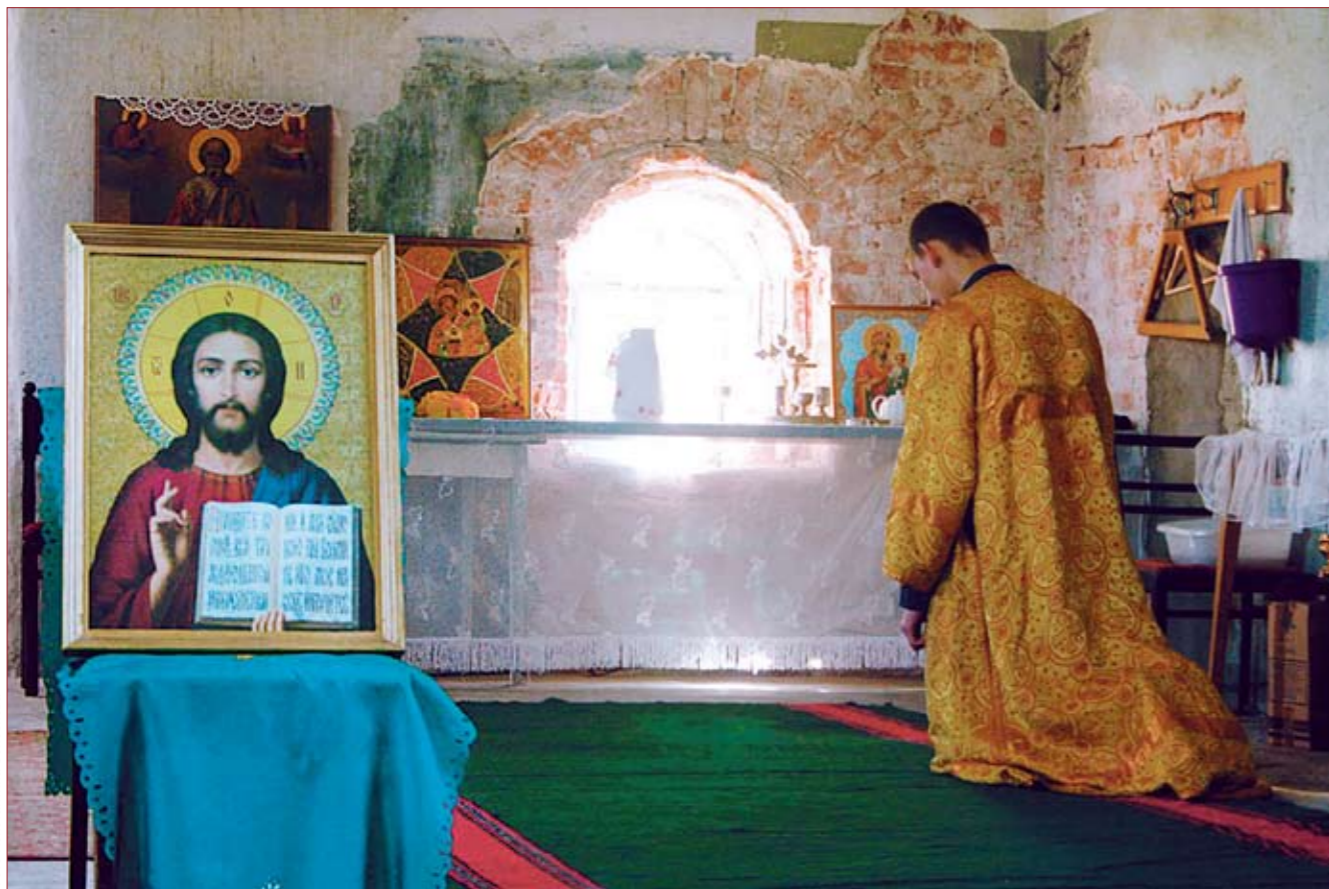

Фото Константина Селезнева

Храмы Русской Православной Церкви после семидесяти лет гонений до сих пор порой напоминают о древних катакомбах первых христиан. Да и молитвы в этих храмах звучат зачастую всё те же, что и в катакомбах, поскольку православное богослужение с самого начала практически полностью основано на псалмах и цитатах из Библии.

сят о молитвах, но и постоянно возвешивают в церковных песнопениях, ставят фактически на второе место после Христа. Но ведь Она всего лишь человек!

Эти споры возникли не вчера, им почти столько же лет, сколько и христианству. Один из византийских императоров активно противился почитанию Богородицы. Однажды он привел своим приближенным такой пример: показал им кошелек с золотом и спросил, дорого ли тот стоит. «Разумеется, дорого», — ответили придворные. Тогда он высыпал из него золотые монеты и снова задал тот же вопрос. «Теперь ничего не стоит», — ответили они. «Так и Мария, — напутствовал он их, — пока носила во чреве Христа, была достойна почитания, теперь же ничем не отличается от прочих женщин».

Неужели не отличается? Евангелие с этим не согласно. Достаточно прочитать первую главу от Луки, чтобы увидеть: с Марией почтительно беседовал архангел Гавриил, а мать Иоанна Крестителя Елисавета называла Ее «блаженной среди женщин». Но и этого мало — Сама Мария, получившая Духа Святого, поняла, что это почитание останется с ней навсегда: *призрел Он на смирение рабы*

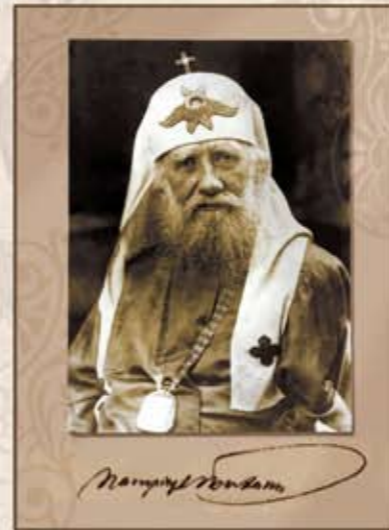
Своей, ибо отныне будут ублажать меня все роды; сотворил мне величие Сильный, и свято имя Его (Лк 1:48-49). Собственно, именно в таком виде Ее почитание и доныне существует у православных — практически теми же словами они возвеличивают Деву из Назарета и сейчас.

Есть тут и еще один очень важный момент: прославляя Богородицу, православные христиане свидетельствуют о величии человека. Да, Христос тоже родился как простой человек, но при этом Он не перестал быть Богом, и в этом отличается от всех нас. Но Мария была простой девушкой, а значит, Ее праведность и чистота могут быть хотя бы в теории доступны каждому из нас. Наконец, Христос прожил земную жизнь как мужчина. Он пережил и испытал всё, что может выпасть здесь на долю человека, но Он не жил в женском теле, у Него не было семьи, родных детей. Мария испытала все и даже прошла через страшную потерю Сына — и поэтому в какие-то моменты жизни мы можем обратиться за помощью и поддержкой именно к Ней: Она пережила это... Отказаться от такого заступничества означало бы не просто обидеть себя, но и напрямую отвергнуть сказанные в Библии слова.

Мощи, иконы

Хорошо, но зачем же тогда святых не просто просят о молитве, но и почитают их мертвые тела (мощи) и даже изображения? Ведь ясно сказано: *Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся им и не служи им...* (Исх 20:4-5). Сказано, но и объяснено: *Твердо держите в душах ваших, что вы не видели никакого образа в тот день, когда говорил к вам Господь, дабы вы не развратились и не сделали себе изваяний, изображений какого-либо кумира, представляющих мужчину или женщину* (Лев 4:15-16).

Итак, запрет на изображения явно относится к Ветхому Завету, в котором Бог пребывает невидимым и непостижимым, и всяческие фантазии на Его счет строго запрещаются. Собственно говоря, этот запрет остается в силе и в Православной Церкви (хотя встречаются и его нарушения): Бога-Отца и Святого Духа изображать нельзя. Но почему нельзя изобразить человека Иисуса? Или других людей, которые дороги нам? Если нельзя, то придется уничтожить все вообще портреты и фотографии. Когда кто-то держит перед собой изображение

ПРАВОСЛАВНЫЙ

СВЯТО-ТИХОНОВСКИЙ

ГУМАНИТАРНЫЙ

УНИВЕРСИТЕТ

(Свидетельство о Государственной аккредитации № 0801 от 16 июля 2007 г.)

ПРОВОДИТ ДЕНЬ ОТКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ

24 февраля, 23 марта, 13 апреля

И НАБОР НА ФАКУЛЬТЕТЫ:

- БОГОСЛОВСКИЙ
- МИССИОНЕРСКИЙ
- ЦЕРКОВНОГО ПЕНИЯ
- ЦЕРКОВНЫХ ХУДОЖЕСТВ
- ИСТОРИЧЕСКИЙ
- ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
- ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
- СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ
- ЭКОНОМИКИ И ПРАВА
- ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В течение учебного года работает подготовительное отделение. По окончании обучения выдается диплом государственного образца. Бесплатное обучение на дневном и вечернем отделениях. Студентам очной формы обучения предоставляется отсрочка от армии. Иногородним студентам предоставляется общежитие.

115184, г. Москва, ул. Новокузнецкая, 23Б
 (495) 951-6784 (приемная комиссия)
 (495) 953-9253 (подготов. отд.)
 (495) 953-2289 (ректорат)
 E-mail: priemkom@pstgu.ru
 http://pstgu.ru

любимого человека, находящегося вдалеке, мысленно или вслух разговаривает с ним, целует его, он, собственно говоря, совершает точно то же самое, что и почитатели икон. При этом никто, конечно, не думает, что икона или фотография заменяют нам живую личность, что они нужны нам сами по себе, а не как своеобразная связь с этой личностью.

Но мощи, мертвые тела, которые следовало бы похоронить и оставить в покое? Первый пример чудотворных мощей мы, кстати, встречаем в Библии: умерший, которого случайно положили на кости пророка Елисея, внезапно ожил! (4 Цар 13:21) Даже в Ветхом Завете, где любое прикосновение к трупу или могиле делало человека ритуально нечистым, для людей было исключительно важно быть похороненными в собственной родовой гробнице. Бывали случаи, когда в такую гробницу специально клали тело умершего пророка, завещав похоронить себя рядом с ним (3 Цар 13:29-32). Если ты почитал человека при его жизни, если надеешься увидеться с ним после смерти, тебе не может быть безразлична его могила. Да и современное общество, так старательно скрывающее смерть, пожалуй, нуждается в еще одном напоминании, что этот порог всем нам предстоит переступить, и важно другое: с чем мы подойдем к нему.

Конечно, верно, что икона или мощи, или любой другой материальный предмет (крестик, освященная вода, профора) могут стать настоящим идолом, предметом поклонения, который якобы сам по себе исцеляет человека. Это уже явно нарушает библейскую заповедь — но ведь и Православие такой подход считает магическим и однозначно его осуждает.

Однако Церковь в том числе призвана освятить и преобразить этот мир, поэтому она никогда не станет уходить в «область чистого духа»,

отказываться от обрядов, освященных предметов — то есть от материального мира. Нет, она принимает и преобразует человека в его целостности, с душой и телом, о чем и свидетельствует почитание мощей и икон. И почитание здесь отличается от поклонения, которое принадлежит только Богу.

Множество отцов

Христос, казалось бы, ясно сказал ученикам: *отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах* (Мф 23:9). Но отчего же у православных только и слышно: «отец такой-то»? Это же явное противоречие!

Начнем с того, что противоречие это встречается уже внутри Нового Завета. Апостол Павел в 4-й главе Римлянам неоднократно называет «отцом верующих» Авраама, но мало того: он категорически настаивает, что сам является отцом по отношению к тем, кого он обратил к вере! Вот что он пишет: *...прошу тебя о сыне моем Онисиме, которого родил я в узах моих* (Флм 10). И даже объясняет: *хотя у вас тысячи наставников во Христе, но не много отцов; я родил вас во Христе Иисусе благовествованием. Посему умоляю вас: подражайте мне, как я Христу. Для сего я послал к вам Тимофея, моего возлюбленного и верного в Господе сына* (1 Кор 4:15-17).

Вряд ли апостол не знал процитированных выше слов Христа или сознательно ими пренебрег. Значит, он понимал их вовсе не в том смысле, будто запрещено само слово «отец». Видимо, Христос обличал определенное отношение к человеку — и можно даже понять, какое... В Евангелии мы читаем спор Христа с Его противниками (Ин 8:37-45): они уверенно называют своим отцом и Авраама, и даже Бога (казалось бы, куда правильней!), но Христос бросает им в лицо страш-

ное обвинение: *ваш отец — диавол*. Почему? А потому, что они охотно и последовательно исполняют его волю.

Людам свойственно бывает ссылаться на какие-то внешние авторитеты. В том же самом послании, где он отстаивал свое отцовство, Павел писал: *у вас говорят: «я Павлов»; «я Аполлосов»; «я Кифин»; «а я Христов»*. Разве разделился Христос? разве Павел распялся за вас? или во имя Павла вы крестились? (1 Кор 1:12) Вот, по-видимому, что запрещал Христос: сектанство, при котором имя учителя становится знаменем борьбы с последователями иных сект. А вот духовных связей, подобных отношениям отца и детей, Он явно запрещать не собирался.

Так что цитату из Евангелия не стоит выдиравать из контекста. И кстати, сразу после слов об отцах идет запрет называться наставниками (закроем все школы и институты?), а также призыв *большой из вас да будет вам слуга* (всюду директоров назначим уборщиками?).

Разумеется, список мнимых несоответствий между Библией и жизнью православных христиан можно было бы продолжать — но уже, наверное, показано главное. Библия никак не содержит некий свод универсальных правил поведения, соблюдение которых и будет «христианской жизнью». Нет — она зовет нас к переменам в сердцах, к взрослению и самостоятельности, указывая главные ориентиры и ограничения и предоставляя свободу в остальном. Православное Предание предлагает нам двухтысячелетний опыт осмысления и проживания каждой библейской цитаты — и прежде, чем отвергать его, стоит к нему присмотреться повнимательней. Ведь вполне может быть, что, присмотревшись, вы захотите не отвергнуть его, а принять. ■

Андрей ДЕСНИЦКИЙ

Библия — это такая книга, что если бы мы могли прочитывать ее ежедневно целиком, мы бы каждый день читали несколько иную книгу. Однако дело не в ней, дело в нас: читая Писание, мы немного меняемся, так что точнее было бы сказать, что в таком случае Книгу книг ежедневно читал бы другой человек. Попробуем еще раз прочесть хорошо известные эпизоды: вдруг мы сможем взглянуть на них по-новому?

Марина ЖУРИНСКАЯ

О чуде Божиим

Фото Владимира Ештокина

Хорошо известно евангельское повествование о бесплодной смоковнице, которая не дала плодов Христу и засохла по Его слову (Мф 21:18-22). Обычные рассуждения по поводу этого стиха так или иначе вращаются вокруг вопроса — за что? Попробуем посмотреть на этот эпизод иначе: для чего?

Все чудеса, сотворенные Спасителем, были на благо людям: Он и воскрешал, и исцелял, и кормил. Но можем ли мы отнести их к рубрике «социального служения»? — Нет, равно как и другие засвидетельствованные в истории чудеса. Чудо Божие — это всегда не только помощь, но и Богоявление, и провозвестие Царства, знак присутствия Божия в мире. Превращение воды в вино в Кане Галилейской совершено не для того, чтобы материально поддержать небогатую свадьбу, а как провозвестие Сына Божия, пришедшего в мир ради его спасения, как обетование непреложности Ветхого Завета, олицетворяемого здесь Богородицей, по просьбе которой действует Христос, и даже как некоторый отдаленный прообраз Евхаристии. Можно сказать, что хождение апостола Петра по водам — это чудо уверения: пошел, веруя, и стал тонуть, усомнившись и испугавшись. И таким же предстает и чудо со смоковницей. Удивившимся ученикам Иисус говорит не о наказании, а о силе веры: *если будете иметь веру и не усомнитесь, не только сделаете то, что сделано со смоковницею, но если и горе сей скажете: поднимись и ввергнись в море, — будет*.

Иногда поэзия бывает лучшим комментарием. Вот что пишет о чуде со смоковницей Пастернак: *...Чудо есть чудо и чудо есть Бог. / Когда мы в смятении, тогда средь разброда /*

Рисунок Екатерины Гавриловой

Оно настигает мгновенно, врасплох. Да, чудо настигает, и мало в него поверить — его нужно еще уметь принять. Выше сказано, что чудеса совершаются на благо людям. Но хозяева рабыни-экстрасенса, получавшие с нее хороший доход, не разделяли этого мнения, когда Апостолы лишили ее этой способности (Деян 16:16-21), и принятым тогда, как и в

последующие и близкие к нам времена способом отомстили, предъявив ученикам Христовым политическое обвинение. А ведь женщина по молитве Апостола была освобождена от беса. Для нее это, безусловно, было во благо; хозяевам же было так жалко легких денег, что они о высшем смысле события даже и не задумались. ■

По благословию Святейшего Патриарха Московского Алексия II

ПАЛОМНИЧЕСКИЙ ЦЕНТР «ТРОИЦКИЙ ПАЛОМНИК»

МОСКОВСКОГО ПОДВОРЬЯ СВЯТО-ТРОИЦКОЙ СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЫ

Благословение Святой Земли с Вами на всю жизнь
10-17.02; 5-12.03; 16-23.03; Благовещение: 3-10.04; 15-22.04

Италия: 6-13.02; 26.03-02.04
Франция-Германия: 25.02-03.03;
Святая гора Афон: постоянно
Египет: 2 раза в месяц

Новый Валаам: 7-11.02; 20-24.03
Испания: 16-23.02; 23.02-21.03.
Сирия: 26.01-02.02; 16-23.02
Греция, Чехия: ежемесячно

Святые России, Украины, Белоруссии

Тел.: (495) 600-68-00, 600-63-37, 600-61-18 info@palomnik.su http://palomnik.su

Мы плохо помним свою историю — внуки расстрелянных за веру христиан часто и не знают, что их деды прославлены как святые. Внуки палачей тем более не знают, кого их деды сажали в тюрьмы, кого пытали на допросах. Мы до сих пор живем так, как будто не было ни красного террора, ни сталинских репрессий — и быть не может, чтобы короткая историческая память объяснялась только недоступностью архивных данных. Русскую Православную Церковь все чаще называют Церковью новомучеников. Никогда еще за всю историю христианства ни в одной Поместной Церкви не погибло за короткий промежуток времени столько священнослужителей и мирян, не появлялось такого количества святых. Их подвиг не должен быть забыт. Мы публикуем рассказы о новомучениках — рассказы о настоящей верности Богу перед лицом смерти. Это не только попытка трезво взглянуть на наше прошлое. Скорее, это попытка рассказать друг другу о будущем — о том, что никогда не должно повториться, и о том, что мы еще в силах сделать ради Христа здесь и сейчас.

■ Мученицы Евдокия (Кузьминова), Екатерина (Черкасова) и Милица (Кувшинова) — 5 февраля

На первый взгляд, этих трех женщин ничто между собой не связывает. Скорее всего, они никогда не были знакомы между собой, а единственное место, где их жизни и судьбы однажды пересеклись, чтобы тут же оборваться, — Бутовский полигон под Москвой. Но если присмотреться внимательнее, можно увидеть поразительное сходство трех мучениц.

Евдокия Кузьминова

Евдокия Кузьминова родилась в городе Истра Московской губернии и была одной из сестер милосердия Марфо-Мариинской обители, основанной великой княгиней Елисаветой. Члены этой московской общины на Ордынке посвящали свою жизнь заботе о ближних. При обители были госпиталь, приют, школа для девочек, наконец, прекрасный храм — но это, конечно же, не помешало большевикам закрыть «рассадник» милосердия (сейчас все здания уже вернули Церкви). Евдокию после разгона Марфо-Мариинской обители ждало лишение гражданских прав.

Екатерина Черкасова

Екатерина Черкасова тоже выбрала для себя иноческий путь в одном из женских монастырей Московской губернии. После разгона монастыря она с другими сестрами поселилась в Истринском районе и до 1937 года жила там, в миру продолжая вести жизнь по монашескому уставу. Надо ли говорить, что права голоса и других гражданских привилегий она тоже не имела.

А Милица Кувшинова, живя в Истре, постоянно общалась со мно-

Милица Кувшинова

гими монахинями разогнанных обителей, сама чувствуя, видимо, тягу к монашеству.

Все три женщины оказались в одном месте впервые уже только в начале 1938 года. По трем ложным доносам их обвинили в одном и том же преступлении — контрреволюционная деятельность, ст. 58 Уголовного кодекса. Именно по этой статье осуждались большинство репрессированных в нашей стране. Вот и трех мучениц по ней ждал расстрел — и кому какое дело, что ни одна из них не согласилась с обвинением и не оклеветала себя и близких. До самой смерти мученицы продолжали стоять на своей правоте:

«Да, я являюсь „рой церковницей“, но контрреволюционной деятельностью я не занималась».

Скажи они что-то вроде «нет, я не церковница, и вообще не верю я в Бога, меня оклеветали» — и, скорее всего, остались бы живы. Вот только какой ценой?

■ Священномученик Владимир (Богоявленский), митрополит Киевский и Галицкий — 7 февраля

— Что, вы здесь меня хотите расстрелять?

— А что же? Церемониться с тобою?

Разрешили помолиться, но подгоняли. Митрополит Владимир последний раз поднял руки к небу, как во время службы, и просто сказал:

— Господи! Прости мои согрешения — вольные и невольные и прими дух мой с миром.

А затем, неожиданно для палачей, двумя руками, как архиерей, благословил и перекрестил своих убийц:

— Господь вас благословляет и прощает...

Он еще не успел закончить, как уже был застрелен.

Изуродованное тело священномученика нашли только утром следующего дня — прямо под стенами Киево-Печерской лавры, где владыка Владимир жил последние годы, управляя Киевской митрополией. Начался 1918 год — год начала гонений длиною в семьдесят лет.

А «сослал» митрополита Владимира в Киев в 1915 году с главной кафедры страны — из Петрограда, где он был первенствующим членом Священного Синода, одним из самых авторитетных иерархов Русской Церкви. До Петрограда владыка Владимир был митрополитом Московским, а еще раньше возглавлял Грузинский экзархат. Вся же вина владыки при управлении столичной епархией состояла в том, что он выступил против Распутина — и потому немедленно был лишен кафедры и отправлен в Киев.

Трудно назвать другого столь же любимого и уважаемого всеми иерарха, он всегда был впереди всех — и потому не случайно стал первым новомучеником, кровь которого освятила тот путь, по которому предстояло пройти еще тысячам мучеников и исповедников XX века.

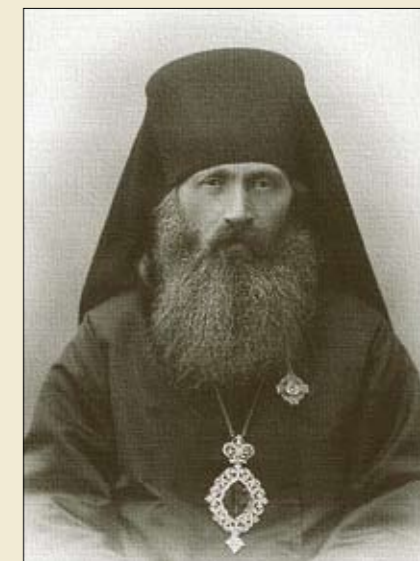
■ Священномученик Сильвестр (Ольшевский), архиепископ Омский и Павлодарский — 26 февраля

В начале XX века в России в преддверии революции начали быстро распространяться различные секты. Это было чем-то похоже на наши постперестроечные времена — потому и стране, и Церкви стал очень нужен пылкий христианин, способный образумить людей и объяснить им, какой вред наносит человеку привязанность к ложным и деструктивным учениям.

Священномученик Сильвестр долгое время до пострига в монашество был просто Иустином Львовичем Ольшевским, миссионером. В Киевской и Полтавской епархиях он был самым известным проповедником. Иустин не просто исследовал новые религиозные течения и культы, писал статьи и книги, расходящиеся тысячами тиражами. Он находил время и для того, чтобы ездить по селам и деревням, общаться с местными жителями, говорить с ними о Христе, о том, как отличить ложь от истины. Под воздействием его проповедей целые общины сектантов возвращались в Церковь, а церковно-приходские школы, о которых забылся миссионер, были одними из лучших в Русской Церкви.

Много лет послужив как мирянин, Иустин со временем принял священство. Он не стал жениться перед принятием сана, решив полностью посвятить себя миссионерскому служению, так что даже для многих монахов стал примером. От архиерейского же сана отец Иустин долгое время отказывался, считая себя недостойным, но в конце концов пришлось согласиться, упросили. Монашество святой принял с именем Сильвестр, а когда возвращался с рукоположения в Киеве в

свою почти родную уже Полтавскую епархию — народ устроил ему торжественную встречу. На все выражения признательности владыка отвечал только: «Что было в моей школьной деятельности доброго, то — от Господа Бога, а что было несовершенного, то — мое собственное».

В 1914 году владыку перевели на Челябинскую кафедру, а через год он стал епископом Омским и Павлодарским. Там он и служил до 1918 года, когда власть в Омске захватили большевики. При первом аресте они застрелили эконома владыки, ныне тоже прославленного в лице святых мучеников **Николая Цикуру**. А после второго ареста и самого владыку Сильвестра ждала смерть — два месяца пыток не заставили его признаться в вымышленных преступлениях. Прибив руки священномученика гвоздями к полу и таким образом распяв, безбожники долго жгли его тело раскаленными шомполами, а затем пронзили сердце. ■

Екатерина ПРОГНИМАК

Анзер. Соловецкий архипелаг. Общие могилы узников. Фото Валерия Ближнюка

Игумен ДАМАСКИН (Орловский),
 член Синодальной комиссии
 по канонизации святых,
 руководитель фонда
 «Память мучеников и исповедников
 Русской Православной Церкви»,
 клирик храма
 Покрова Божией Матери
 на Лыщиковой горе (Москва)
 www.fond.ru

фото из архива автора

Как хотел бы я открыть свое сердце...

Памяти священномученика ПЕТРА (Зверева), архиепископа Воронежского

7 февраля Русская Православная Церковь празднует память **священномученика Петра (Зверева), архиепископа Воронежского**. Сын священника и будущий исповедник родился 18 февраля 1878 года; по окончании Казанской духовной академии принял монашество и был рукоположен во иеромонаха; в 1902 году его назначили на должность московского епархиального миссионера. Выбрав служение Христу, он беззаветно и самоотверженно исполнял свои обязанности, двери его квартиры всегда были открыты для всех вопрошающих.

В 1906 году иеромонах Петр по рекомендации митрополита Московского Владимира (Богоявленского) был назначен инспектором Новгородской духовной семинарии. Но дьявол восстал на ревностного подвижника — посыпались клеветы, доносы, угрозы и предупреждения, что его не допустят быть епископом. «Мы доставим ему счастье проехать на Соловки», — писалось в доносах. Несколько лет продолжались эти нападки, давшие возможность будущему святителю укрепиться в борьбе с врагом рода человеческого, возрасти в мудрости

в обращении с людьми, научиться не надеяться на помощь начальства, а только на Бога.

Назначенный заместителем Белевского Спасо-Преображенского монастыря, отец Петр неустанно проповедовал слово Божие, стараясь открыть людям глаза на то ужасное положение, в котором они оказались. Наблюдая с разных сторон надвигающиеся на страну беды еще довоенного, ныне многим кажущегося благополучным года, отец Петр говорил: «И как не быть смертоносным язвам в стране нашей, когда мы отступаем от Бога и навлекаем на себя Его праведный гнев?! Еще удивляться надо безмерному долготерпению Божию, что Он милостиво карает нас, надо горячо благодарить Его, что не погубляет нас окончательно... Покаяемся же и исправимся, и обратимся к Богу, от Которого отступили!»

Но не покаялись и не обратились, и наступило время гонений... Как во время паники на тонущем корабле: кто бежит, стараясь спасти свою жизнь, кто договаривается с топящими корабль о предательском сотрудничестве, кто выбирает твердый камень — Христа. Во время гонений открылись широкие возможности для всех, кто в архиерейской митре видел венец терновый Христа. 14 февраля 1919 года Патриарх Тихон рукоположил архимандрита Петра во епископа.

Государство уже не поддерживало Церковь, а только ее предателей и врагов — обновленцев, и потому вставал вопрос: каков должен быть архиерей, когда нет дружественной власти, почти нет организованной церковной структуры, нет у народа материальных средств и отбираются храмы? Оставалось, как в древности, только одно — борясь за спасение своей души, стать образцом право-

славного архипастыря, религиозным вождем церковного народа своей епархии, ведущим его ко спасению. Святитель Петр служил, стараясь, чтобы во время служб пел весь приход, он отменил клирос — хор, символизирующий церковный народ, возвратив символу его действительное значение. Безбожники ненавидели владыку Петра: тюрьмы следовали за тюрьмами и сменялись ссылками. Но эти гонения воспринимались архипастырем не как какие-то тяготы, а как Божий дар, возводящий на еще большую высоту, ближе к Христу. «Как хотел бы я открыть свое сердце и показать вам, как страдания очищают сердце», — говорил он своим духовным детям после заключения в Бутырской тюрьме.

В 1927 году государство, исповедующее своей официальной религией безбожие, выдало архиепископу Воронежскому Петру (Звереву) высшую по тем временам награду за ревностное служение Христовой Церкви — десять лет заключения в Соловецком концлагере. Господь, однако, счел подвижника созревшим раньше назначенного судьями срока — архиепископ Петр скончался в Соловецком концлагере на острове Анзер 7 февраля 1929 года. Призывая Своего славного последователя к Себе, Господь даровал веру свидетелям его смерти и погребения и тем, кому пришлось обрести их 17 июня 1999 года, что мощи святителя будут обязательно явлены. Сейчас мощи священномученика Петра пребывают в Филипповском храме Соловецкого мужского монастыря. ■

Полный текст жития священномученика Петра (Зверева), архиепископа Воронежского опубликован в книге «Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Февраль». Тверь, 2005.

Многодетная живопись Татьяны Чувашевой

Эту женщину многие знают по ее картинам: за последний год у нее было восемь персональных выставок в крупнейших столичных галереях. Можно много говорить о ее живописных полотнах, но мы хотим рассказать о «полотнах» другого рода: Татьяна Чувашева — многодетная мама. И она знает о героях своих картин нечто такое, что заставляет нас говорить с ней не только как с художницей.

Многодетная семья в сегодняшней России — для многих, увы, нонсенс. Поэтому немудрено, что в общественном сознании представление о многодетности превратилось в миф. Вернее — два.

Миф первый, отрицательный. Многодетность — это порок. Многодетные родители, как правило, — социально безответственные, распущенные люди, плодящие нищету. Их образ жизни, быт, наконец, число детей — тому подтверждение. Они не могут обеспечить даже элементарный социальный минимум своей семье, но все равно рожают.

Миф второй, положительный. Многодетность — «подвиг самоотречения» родителей. Но к этому определению «доброжелатели» всегда добавляют: «подвиг», ведущий к деградации. Мол, не может не опуститься женщина, годами стоящая у плиты.

Чтобы понять, насколько эти мифы далеки от реальности, нужно снова и снова рассказывать о многодетных семьях — больших, счастливых, творческих.

Портрет многодетной мамы

С Татьяной Чувашевой, молодой матерью четверых детей, мы договорились встретиться у метро. Выходя на улицу, я глазами искала укутанную в платки женщину, с тоскливым лицом и в длинной юбке. У меня тоже есть стереотипы: ну не наманикюренная же дамочка с обложки глянцевого журнала выйдет меня встречать. Я почему-то была уверена, что многодетных видать за версту. Но ошиблась: Татьяна, в короткой курточке и джинсах, уже меня ждала. Она приветливо улыбнулась, сняла капюшон, и я сразу узнала ее круглое румяное лицо, длинную русую косу.

Всю дорогу до дома она весело щебетала. Я чувствовала, что так она не только готовит меня к встрече с детьми, но и инстинктивно пытается их уберечь от пытливых журналистских глаз. «Петя у нас на контакт не идет. Миша школьник. Маше два с половиной. Леночке уже десять

Машка. 2006.

Портрет дочери. 2007.

Портрет сына. 2005.

Леночка. 2008.

Властелин мира. Холст, масло. 2004–2005 гг.

месяцев. Встает. Квартира съемная, — объясняет она. — Мне не очень хотелось бы говорить об этом. Все очень сложно, и перспектив улучшить жилищные условия у нас немного... Конечно, это не то, о чем я мечтаю для своих детей... Кстати, звонок не работает, нам так удобнее, чтоб детей никто случайно не разбудил...»

Мы колотим кулаком по мягкой дерматиновой обивке. Дверь распахивается, и передо мной оказываются четыре пары любопытных детских глаз. Они с интересом рассматривают незнакомую тетю и без всякой паузы берут меня в оборот, начинают рассказывать, что на даче у них две комнаты: одна спальная, другая игрушечная, что поедут туда, когда выпадет снег. Старшие поправляют маленькую Машу: когда снег сойдет.

Еще рассказывают, что любят пить чай с молоком — это такой детский кофе. Тут же тащат свои игрушки, фотографии...

Чувство дома

Как создать уют в доме, когда дом — не твой и твоё нехитрое богатство — это четверо детей, жена, ты сам и книги?! Обстановка съемной квартиры хозяйская, осталась еще с тех, кооперативных времен: шифоньер, забитый чужими вещами, кровати и кровати, коробки, красный ковер на стене, как модно было в советских семьях с достатком. И все равно уютно. Дети, перебивая друг друга, комментируют фотографии, рассказывая о важных

событиях своей жизни. «Вот костюм лейб-гвардии гусарского полка», — не без гордости говорит пятилетний Петя, протягивая мне красный китель.

В этом костюме все настоящее. И каракуль, которым оторочен воротник, и пуговицы, за которыми специально ездили, и чикчиры, и кивер, и султан из перьев. Мама сшила.

На Рождество они ставят елку. До потолка. Только живую, настоящую, душистую, с колючими иголками. И еще ставят спектакли, каждый год разные. Декорации из картона смастерил папа Андрей, вместе слепили из теста кукол, придумали сказку про гномов, которые отправились за Вифлеемской звездой. Было весело. В их семье никто не отменял Деда Мороза. Он присылает детям поздравительные открытки и просит забрать рождественские подарки на почте. И это тоже событие. Такое же важное, как Благовещение, когда папа приносит в огромной золоченой клетке целую стаю разноперых птиц. Всю эту чирикающую братию дети вместе с отцом Леонидом (Калининым) после службы отпускают на волю. Однажды, когда Мишка, а вместе с ним и остальные дети болели ветрянкой и все, разукрашенные зеленкой, сидели дома, птиц выпускали в форточку. А еще Пасха. Они расписывают диковинными узорами яйца, пекут куличи и чуть не всю неделю ездят в Андроников монастырь звонить в колокола. Звонница открыта для всех, и потрезвонить могут даже малыши. Для Татьяны и ее мужа Андрея в этих семейных торжествах первостепенно ощущение всеобщего праздника, которое, в свою очередь, рождает такое необходимое семье чувство дома.

Вера из любопытства

Недавно они отметили десятилетие совместной жизни. Андрей и Татьяна поженились еще в институте. Они одноклассники и однокурсники: вместе учились в Московской средней художественной школе им. Сурикова (МСХШ), потом в Суриковском институте, где как-то незаметно окрепло их взаимное чувство. Неожиданно для всех однокурсников они венчались. В Спасо-Андрониковом монастыре.

— Монастырь стоит прямо рядом с общежитием, через дорогу, — говорит Андрей. — Мы поняли, почувствовали, что нужно венчаться.

Одна из Татьянинных подруг рассказывает, как однажды, работая на пленере в Андрониковом монастыре, решила зайти в храм погреться. Входит и видит толпу людей, среди которых замечает два знакомых лица.

— О, Андрей, Таня, а что здесь происходит?

— Венчание, — с улыбкой отвечают они.

— Как интересно. А кто венчается?

— Мы.

Андрей и Таня выросли в атеистических семьях, и оба пришли к вере, скорее, из любопытства. Или пылливости.

«Понимаете, занимаясь искусством, нельзя обойти стороной христианство, — рассказывает Андрей. — Когда на экзамене по древнерусскому искусству тебе показывают икону и просят объяснить ее сюжет, а ты не знаешь, кто такой Авраам и не подозреваешь, как зовут его жену, становится неловко. Рядом с МСХШ стоит храм Иоанна Воина, который не закрывался даже во времена советской власти. Мы много рисовали его, там и практику проходили. Бывало замерзнешь, зайдешь отдохнуть, но больше — из любопытства. На последнем курсе школы Татьяна там крестилась. А потом в институте лекции по истории искусств читал ныне покойный Николай Николаевич Третьяков. Он был человеком религиозным и много говорил о Боге.

Честно говоря, поначалу мы посмеивались над ним, а на занятиях откровенно спали».

Однако то, что посеял в их сердцах Третьяков, потом выросло в настоящую веру. Не случайно они вспоминают именно этого человека.

«Жизнь духовная — очень личное дело. Мое и моего священника, — как-то даже строго говорит Андрей. — Не хочется это обсуждать, не хочу, чтобы кто-нибудь подсматривал за моей жизнью в замочную скважину. Это удел

Шепот моря. Холст, масло. 2003–2004 гг.

Summer time. Холст, масло. 2007 г.

желтой прессы. Мы такие же сомневающиеся, нам так же как и многим, тяжело и одновременно радостно быть православными. Мы не хотим разливать елей и сыпать сахар, не хотим говорить о том, как все чудесно, или, наоборот, как тяжело... мы просто счастливы».

Им повезло со священником. Их духовник — отец Леонид Калинин — тоже художник по образованию. Это совпадение интересов, возможно, и обусловило столь необходимое взаимопонимание между батюшкой и его духовными чадами.

Ксения. Холст, масло. 2003 г.

«Когда я прихожу к священнику, я ему не о том, что у меня сантехника течет, рассказываю. Ходишь в церковь, хочешь быть православным, вникаешь, стараешься понять. Батюшка хорошо мозги вправляет, зная нашу ситуацию, — поясняет Андрей. — Он сводит евангельскую притчу о зарытом таланте к одному слову, говорит просто: „Работайте“».

Ответственность родителей

Один многодетный папа верно подметил, что современное общество перестало считать многодетную семью традиционной формой общежития. Многочадие отпугивает, вызывает раздражение и протест. Особенно остро это ощущается в городе. В этом разобщенном мире, где и с соседями боишься познакомиться, мы сталкиваемся с непониманием не только посторонних людей, но даже близких. Многодетные родители оказываются один на один со своими проблемами и детьми. В этой ситуации степень ответственности папы возрастает неизменно. Причем речь не об увеличении доходов, а о создании особого духа семьи. Да, Андрей работает активно и

много, расписывает храмы, для них же набирает мозаики. Но в то же время ответственно подходит к воспитанию детей. Он понимает — дети в городе лишены возможности полноценно познавать мир. Хорошо летом, когда они выезжают на дачу: на месте не сидят и каждые выходные путешествуют. Это и монастырь под Малоярославцем, где в послушницах Татьяна сестра Ольга, храмы в окрестностях родины Андрея — Коломны, Бородино. Все вместе ходят в баню, на рыбалку, на пасеку, кормить белок в Измайлово.

Но вот на одной из семейных фотографий я вижу двух огромных зеленых раков.

— Это кто? — спрашиваю у Маши.

— Это Петя, — отвечает она.

Все хохочут. Папа приносит домой живых раков, чтобы рассматривали, смальту, чтобы старший постигал науку мозаики, книги с красивыми картинками. Они тащат в дом по весне найденную шкуру змеи, потому что она как каменный цветок. Подвешивают к потолку засохших стрекоз — любоваться. И в городской клетушке дети познают мир, как он есть, а не по упрощенным картинкам из телевизора.

Ответственность родителей состоит в том, чтобы верно сориентировать детей, и одновременно — не обделить любовью. И дети отвечают взаимностью.

Двое. Холст, масло. 2003–2005 гг.

О том, что они станут многодетными, ни Андрей, ни Татьяна даже не задумывались. «Мы не планируем детей, — говорит Таня, — они все желанные. Старшие просят родить еще, помощников». «Они у нас все такие еще маленькие. В помощники совсем не годятся», — по-доброму смеется она.

Отдыхаем, когда болеем

Я уже говорила о мифах про многодетность. Естественно, они имеют под собой основу. Многодетность — это действительно дар, Божье благоволение и колоссальное испытание.

Пусть те, кто еще сомневается в том, что многодетная мама — это тяжелая круглосуточная работа без выходных, попробует представить себе распорядок ее дня.

Подъем в семь. Завтрак для старшего, собирающегося в школу, и младшей. Тихие игры. Побудка средних, их завтрак. Укладывание младшей. Чтение книг. Стирка, глажка, уборка, приготовление обеда, прогулка. Обед. Тихий час и чтение книг. Ужин, обед. Уроки со старшим. Укладывание детей. Все это, заметьте, на плечах мамы. И еще она работает — в общепринятом значении этого слова. Татьяна художник. Несколько лет, сразу после окончания института, она писала портреты детей. Так, больше для себя. Выкраивала время только ночью. На очередной из квартир, которую снимала семья, писала на кухне. Много времени уходило, чтобы разложить кисти и краски, а потом их собрать.

В новой квартире работать легче: здесь две комнаты, больше места. Правда, плохо со светом. Потому перешла Татьяна на серию небольших темперных портретов на левкасной доске. И работает все так же — по ночам.

«Когда рисую ночью, я ничего не теряю, все равно дети ночью спать не дают, — говорит она без всякой обреченности в голосе. — Правда, когда появляется новый малыш, предыдущий сразу начинает хорошо спать. В первую ночь старший удивленно просыпается с испугом в глазах, оглядывает комнату: кто может тут еще плакать, кроме меня? Успокаиваю, опять иду рисовать».

В детский сад Татьяна и Андрей своих детей не водят. «Болезней нам и так хватает. Миша всегда что-нибудь из школы приносит. Когда болеем, тогда и отдыхаем, — говорит Таня. — А еще по выходным дням я преподаю живопись. Если не работать, наступает уныние, все видится мрачным и безысходным. Начинаешь сокрушаться о том, какая тяжелая жизнь, жалеть себя, и все разваливается на глазах: старший учится плохо, младшие читать-писать не умеют. Распускаешься полностью. Но стоит себя взять в руки: уложить младшую спать, совершить все эти манипуляции с развешиванием белья и посудой и начать что-то делать, как жизнь чудесным образом преображается. И становится интересно идти в другую жизнь — в живопись по ночам. А оттуда, из живописи, утром возвращаться в жизнь домашнюю, повседневную. И тоже любимую».

Материнская живопись

Выпускников художественных вузов в Москве много, и каждый ищет применение своему мастерству. Кто-то рисует облака на потолках рублевских коттеджей, кто-то делает мультфильмы или предлагает заказчикам дизайн-проекты. А вот искусством ради искусства почти никто не занимается.

— Картины не на заказ — совершенно невостребованная область в наше коммерциализированное время, — говорит Андрей. — Зачем делать что-то, за что деньги тебе сразу не дадут? Татьяна тоже пыталась себя найти. Сидя дома, наблюдала малышей. Сначала заставляла себя писать, перебарывая лень. Что непросто: когда лежишь на диване, ничего не хочешь...

«Вот смерклось...». Холст, масло. 2004–2005 гг.

— А дивана и нет, — перебивает мужа Татьяна, — вот и лежать не получается. А телевизор из своей жизни мы решили удалить, когда Андрею надоело приходить домой и заставить жену перед экраном. Садилась кормить ребенка, и рука невольно тянулась к пульту.

На самом деле телевизор в семье все-таки есть. Он уютится в маленькой комнате, где работает Татьяна, высоко на антресолях. Смотрят его изредка — и, как правило, всей семьей. Но куда больше времени дети проводят за рисованием — за неделю изводят пачку бумаги в 500 листов. Даже маленькая Леночка научилась вставлять к мольберту и калекать фломастером по бумаге, как взрослые братья.

Еще они слушают аудиокниги. Петя — забираясь в коробку или на столе, сидя на красном пластмассовом

коне, как Медный всадник на набережной Невы. Миша — лежа на старинной карте мира и играя корабликами.

Отсюда и появляются образы Татьяниних картин: инфанта-коломбина, девочка Алиса, «Властелин мира». Ее детские портреты, с легкой руки известного искусствоведа названные материнской живописью, вовсе не серия «на продажу». Это то, что наполняет жизнь многодетной матери. Дети маленькие и взрослеющие, меняющиеся. Ни Татьяна, ни Андрей не ставят перед собой задачу продать свое искусство.

«Мы ищем тех, кто откликнется, поймет, задумается, остановится перед картиной. Татьяна работа — не ради денег на содержание семьи. Хотя благодаря ей и удалось купить удобный минивэн», — говорит Андрей.

Я начинаю жалеть Таню. Что же за творчество — с довеском в четверо детей. «Таня — подвижница, — уверен ее муж. — У нее был очень большой перерыв в творческих выставках. Она несколько лет рисовала «в стол». А сейчас начался серьезный творческий рост. От работы к работе художник должен духовно расти и развиваться. Так же и в Церкви: можно десять лет в храм ходить и тереть подсвечники, а можно вырасти. Нельзя засыпать, нужно шлепать себя по щекам, заставлять кровообраще-

ние функционировать, как это происходит, когда читаешь книги дьякона Андрея Кураева. И вот за последний год у Тани было восемь персональных выставок. Я убежден, что даже в большой семье человек не только может, но должен, обязан меняться, развиваться. Что-то стараться себе доказать».

В живописи Татьяны Чувашевой есть определенное эстетство, а еще ее картины чувственны, иногда даже кажется — излишне. Но эмоциональность эта происходит из главного и бесспорного достоинства живописи Татьяны — ее работы бесконечно материнские, переполненные любовью. Это любование своими детьми. Такие трогательные, нежные мамы поцелуи спящих младенцев. И фактом своего творчества Татьяна, мать четверых детей, доказывает, что в многодетности есть место талантам, которыми лично тебя наделил Господь. Многодетность много больше, чем подвиг самоотречения. В нем как нельзя лучше человек научается развивать данный Богом дар, смело, не унывая и не страшась неудач. Ведь рядом с тобой те, которые тебя так любят, мама. ■

Дарья РОЩЕНА
Фотографии Владимира ЕШТОКИНА

Вся семья. Декабрь 2007 года.

На вопросы читателей отвечают протоиерей Лев БОЛЬШАКОВ, настоятель Успенского храма в г. Кондопоге (Карелия), и Мария РУДНЕВА, декан факультета психологии и философии человека Российской христианской гуманитарной академии, кандидат психологических наук (Санкт-Петербург).

Что делать с неряхой?

■ *Сыну почти 10 лет, он неплохо учится в школе, в меру послушен, в меру дерзок. Но его совершенно невозможно приучить к порядку. Все у него мятое, грязное, валяется кучей. Заставляешь прибирать — злится или говорит «хорошо» и не делает. Или кричит: «Я что вам, раб, убирать все время?» Одним словом, вариантов внушения и его ответов множество, но результат стремится к нулю. Иногда думаю: ну что я его «прессую» все время. Может быть, оставить его в покое и попросту молча убирать за ним?*

Дарья Степанова

СВЯЩЕННИК: Конечно, оставить в покое, и чем скорее, тем лучше. У Вашего сына совершенно нет той мотивации к порядку, какая есть у Вас, потому ему и кажется это рабством. Чтобы воспитать его человеком ответственным и способным учитывать интересы других людей, надо обратить внимание на что-то более существенное и, может быть, более понятное для него, чем порядок в его собственных вещах. Например, терпимость к людям, исполнение обещаний и т. п.

Есть ситуации, когда сын должен подчиниться порядку, потому что от этого зависит не только его

жизнь. В этих случаях требовательность оправдана, но их намного меньше, чем тех поводов, по которым мы разрушаем семейный мир.

ПСИХОЛОГ: Попробуем поразмышлять — почему ребенок десяти лет стремится к беспорядку? Вариантов множество. Первый: он не знает, с чего начать, не умеет распределять свои силы, и часто уборка комнаты превращается в муку. Второй: у ребенка складывается впечатление, что взрослые, особенно отец, сами не делают уборку, а от него требуют. Третий: нежелание выполнять просьбы родителей. Четвертый: мир окружающих взрослых (в школе и дома) в воспитании мальчика враждебен по отношению к нему.

Как помочь ребенку? Превратить этот сложный процесс соблюдения порядка в игру, время от времени вместе с сыном убирать его комнату, предоставлять ему самостоятельность в соответствии с его возрастом, поиграть в тотальный беспорядок. Не забывайте хвалить мальчика за его достижения, чаще обнимайте, целуйте, говорите о своей родительской любви — она творит чудеса!

Хмурое утро

■ *Каждое утро сын-второклассник отвратительно себя ведет, раздражается по пустякам, вредничает, грубит всем. С одной стороны, все понятно: ребенку тяжело вставать рано (хотя мы стараемся его вечером укладывать вовремя, но он сам не всегда может уснуть). С другой стороны, даже если ты не выспался — нужно уметь сдерживать себя! Увещеваем, объясняем, он соглашается, все понимает, но... на следующее утро все повторяется снова. Что же делать?*

Ольга Баженова

СВЯЩЕННИК: Есть особенности в поведении людей, которые должен в первую очередь рассматривать не священник, а детский психолог. Со своей же стороны замечу, что, когда любимому человеку плохо, например (и даже в особенности) ребенку, то надо просто побыть с ним хотя бы одну минуту, не увещевая и не побуждая бороться с собой.

Раз Вы утром уже бодры и дееспособны, а он еще «не весь» проснулся, возьмите на себя часть усилий: доведите в обнимку до умывальника, помогите одеться, хотя бы и большому мальчику, не показывайте своим поведением, что для Вас есть вещи поважнее его настроения. В эти

минуты он нуждается в Вашем заботливом внимании больше, чем в течение всего остального дня.

ПСИХОЛОГ: Какие причины могут лежать в основе поведения и чувств Вашего ребенка?

Предположу. Первое — физическое переутомление, связанное с большой нагрузкой и неумением отдыхать. Второе — возбудимость, которая объясняется свойствами нервной системы человека, а также особенностями рождения и стилем жизни семьи. Третье — психологические трудности в школе: дети не принимают мальчика в свою компанию, у него есть трудности в общении или учительница мало хвалит Вашего ребенка (а в начальной школе детям очень важно быть успешными).

Необходимо внимательно понаблюдать за ребенком не только дома, но и в школе, попытаться поговорить с ним о его школьной жизни, побывать на уроках, тщательно продумать разговор с учителями о Вашем сыне. Полученная информация позволит выбрать наиболее продуктивную форму помощи. И при этом нужно помнить, что очень важно говорить сыну о своей любви, не забывая его обнимать, целовать, благословлять. ■

Памяти Геннадия БАЧИНСКОГО

«Надеюсь, я служу добру...»

13 января журналист и радиоведущий Геннадий Бачинский должен был отвечать на вопросы читателей «Фомы». Профессиональная деятельность Геннадия всегда вызывала неоднозначные оценки. Поэтому мы сами ждали этого интервью с нетерпением: за последний год в его жизни произошло очень много изменений, и, как он сам не раз повторял, они во многом были связаны с тем, что он наконец нашел свой путь к Богу.

Увы, ответить на эти вопросы Геннадий не успел. Его жизнь неожиданно оборвалась в автомобильной аварии...

Сегодня мы хотим вспомнить то, что знали о нем, вспомнить его собственные слова и мысли...

Геннадий Бачинский родился в Алтайском крае в 1971 году. Окончив Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет, он работал на питерских радиостанциях «Полис», «Катюша» и «Модерн», продюсировал молодые рок-группы, писал о музыке в различные гляцевые журналы. В 1997 году начал выступать совместно с Сергеем Стиллавиным. Этот дуэт и принес ему всероссийскую известность.

«Шоу Бачинского и Стиллавина» на радио «Максимум», где Геннадий вскоре стал генеральным продюсером, превратилось в известный бренд, имевший своих поклонников, подражателей и ярых противников. Скользкие шутки, прямое издевательство над гостями и развязная манера поведения в студии оказались коньком дуэта радиоведущих. Бачинский и Стиллавин также снимались в различных развлекательных программах — на ТНТ, MTV, затем на I канале.

Но несколько лет назад в жизни Геннадия начали происходить серьезные изменения, которые привели к тому, что Бачинский и Стиллавин ушли с развлекательных телеканалов, а в середине лета 2007 года и с радио «Максимум». Затем они появились в утреннем эфире «Маяка», но уже с новой программой и новым радионимом имиджем.

Слушатели отмечали, что «Утреннее шоу» стало намного мягче. Шутки стали не такими резкими, значительное время стало уделяться разговорам на важные темы. Кроме того, Геннадий начал публично выступать против пошлости и мата в эфире.

Поклонники и противники до сих пор обсуждают эту перемену, пытаются понять, что двигало известным ведущим? Но еще в марте Бачинский сам ответил на этот вопрос, дав интервью для сайта журнала «Фома». С тех пор прошел год. Слова Геннадия не остались пустыми обещаниями, он действительно многое изменил в своей жизни. В его декабрьской программе, посвященной Рождеству, был главный редактор «Фомы» Владимир Легойда, темой последнего его эфира стала проблема абортов, а главным героем — известный миссионер диакон Михаил Першин.

Конструктор машины радости

Про Геннадия Бачинского мне хочется сказать многое, но в то же время хочется помолчать. Потому что когда происходит такое неожиданное несчастье, его трудно сразу «переварить» и разложить свои мысли по полочкам. Мы ежедневно слышим абстрактные цифры — статистику пострадавших в авариях, и только когда горе касается близких тебе людей, уже ставшие привычными слова «погиб в автокатастрофе» оглушают своей неотвратимостью и долгое время не укладываются в голове.

Но вдруг, оглядываясь назад, отчетливо видишь какие-то «винтики», на которых держатся повороты судеб, и чувствуешь себя запасной фигурой в большой, нехватимой взором игре, и мурашки бегут по коже...

Мы были знакомы с Геннадием давно, учились в одном вузе, немного дружили семьями. Последняя

наша встреча того периода стала для меня своего рода судьбоносной. Я советовалась с Генной, как начать карьеру журналиста, и он со свойственной ему легкостью сказал: «А напиши статью, я покажу ее Б.», — и назвал известного в Петербурге редактора. «О чем писать-то?», — удивилась я. «Да просто, ни о чем», — ободрил меня новоявленный «покровитель». Сказано — сделано, я сочинила некую рефлексию современной городской жительницы, и он отнес заметку в гляцевый журнал, у главного редактора которого я потом и стала работать. По некоторым причинам с Генной мы после этого не виделись. А спустя восемь лет встретились на моей кухне... — чтобы взять интервью для сайта «Фомы».

Я не знала, чего ждать от этого разговора. Хотя Бачинский согласился на интервью охотно, было непонятно, захочет ли он откровенничать, и поэтому я подготовила множество вопросов для различных ракурсов беседы. Но после моей первой реплики Гена начал монолог, который иначе как исповедью не назовешь. Он сидел — большой, искренний... и настоящий, он не стеснялся своей слабости и сомнений, но от этого делался будто еще мужественнее и сильнее. Когда он закончил, мы — протоиерей Вячеслав Харинов, который участвовал в беседе, и я — сидели, не поднимая глаз, пораженные искренностью Геннадия. «Да... — наконец, сказала я, — все остальные вопросы автоматически отпадают»...

Кто-то написал в комментариях на сайте «Фомы», что на Геннадия «надавили морализаторы», посеяв в его душе тревогу. Но это глупость, потому что Бачинскому

Корреспондент «Фомы» Анна Ершова, протоиерей Вячеслав Харинов и Геннадий Бачинский. Фото Дениса Маханько

самому нужна была такая публичная исповедь, это очевидно. И хотя разговор получился очень непростым, после него все почувствовали какое-то радостное облегчение. Вот тогда мне и вспомнилась наша предыдущая встреча. Наверное, стоило Гене «благословить» меня на журналистскую стезю восемь лет назад, чтобы я смогла сделать с ним это интервью...

После той беседы мне долго было не по себе. Ведь мне пришлось выступить в роли некоего общественного обвинителя. А разве имею я право обвинять кого-то, кроме себя? Давать советы, предлагать решения, когда в себе не могу разобраться, расставить все по местам? Этот разговор оставил глубокое впечатление, всколыхнул какие-то залежалые пласты «покаянной» энергии, заставил много думать. И первое, к чему он призвал, — пристальнее всмотреться в свою собственную жизнь, сфокусироваться на тех проблемах, которые давно видны, давно требуют изменения, но все не хватает решимости...

Шло время, жизнь текла своим чередом, и я периодически слышала о «Бачистиле»: ушли с развлекательных телеканалов, ушли с радио Максимум... Может быть, кому-то в этих новостях слышался

некий трагизм, но моя душа отзывалась на них нотками радости. Хотя я тоже, как и Бачинский, не считаю, что православные должны отовсюду уходить... но Гена делал какие-то *правильные* шаги, и чувствовалось, будто одно за другим цепляется зубчико за колесико, и вот весь механизм начинает потихоньку крутиться, работать, и от его слаженности веет какой-то пасхальной радостью.

Надо сказать, что я из-за занятости практически не смотрю телевизор и не слушаю радио. И за все время существования «Утреннего шоу» я включала его три раза. Первый — лет пять назад, и меня замутило от их «жесткого стеба», хотя временами было как-то по-злomu смешно, а про «обстебанных» людей удовлетворенно думалось — «сами напросились». Второй раз — перед интервью, эту передачу слушать было уже гораздо легче, но, впрочем, стало скучновато от «говорилки». И в третий раз — совсем недавно — программа прослушалась на одном дыхании, никогда по радио я не слышала ничего столь интересного и живого.

Сейчас — то интервью цитирует весь рунет, за три дня его прочитали около 30 тысяч человек. И даже теперь в ответ на искренность Геннадия кто-то пытается его поддеть,

обличить, вывести какую-то формулу: «прав — не прав». А для меня ключевым моментом нашего разговора стала фраза Бачинского: «Мне бы хотелось, чтобы читатель, если он будет это читать, не столько занимался бы проблематикой шоу-бизнеса, сколько посмотрел бы на себя и подумал — когда он в своей жизни начинает предавать Христа, и, может, это давно уже случилось». Гена изменил с того времени в своей жизни так много... а изменила ли что-то я?

13 января мы хотели встретиться с Геннадием, чтобы ответить на часть вопросов в рамках нашей акции на сайте, но не успели. Гена всегда с большим удовольствием реагировал на все, связанное с «Фомой», с готовностью шел на контакт. Он хотел делиться, хотел служить... Почему все так произошло? Мы, конечно, можем строить предположения, пытаться самим себе объяснить, что он «что-то не успел» или «успел многое». Но то, что мы видим сейчас «сквозь тусклое стекло, гадательно», он уже *знает*. И еще — я просто верю в Конструктора той сложной машины, винтики и звенья которой при правильном сцеплении начинают дышать пасхальной радостью... ■

Анна ЕРШОВА

Сергей СТИЛЛАВИН, радиоведущий Торопитесь любить друг друга...

Слово во время гражданской панихиды в Центральном доме журналиста

Мы с Геней догадывались, а сегодня я надеюсь, мы с ним вместе увидели, какие замечательные прекрасные молодые и не очень люди нас слушали. Я не хочу говорить банальности, но, пожалуйста, берегите себя ради тех людей, которые вас любят, потому что

сегодня в этом зале и в нашей стране очень многим людям плохо, от того что произошла очень досадная и горькая ошибка. Пожалуйста, берегите себя ради тех, кто вас любит и торопитесь любить друг друга, потому что все остальное не имеет никакого смысла...

Фото ИТАР-ТАСС

Владимир ЛЕГОЙДА, главный редактор журнала «Фома» Иначе — бессмысленно

Фото Дениса Маханько

Год назад мы приняли непростое решение: не публиковать интервью с Геннадием Бачинским в журнале, поместив его лишь на сайт. Я и сегодня считаю, что тогда это было пра-

вильно. В том числе и потому, что внимательно читал отклики на интервью на сайте. Для многих рассказ Геннадия стал искрой, воспламенившей собственные сомнения и метания. Огонь осуждения, правда, у большинства направлен был не на свои грехи, а на Бачинского. Много в тех упреках было, на мой взгляд, справедливого, много обидного и незаслуженного; была и «ревность не по разуму» и просто откровенное хамство по отношению к человеку. Но смерть многое меняет. И сегодня *можно* и *нельзя* в каком-то смысле поменяться местами. *Можно* публиковать отрывки из интервью Бачинского, искренность которых подтверждается той жизнью, которую Гена изо всех сил старался вести в последнее время. *Можно* и *нужно* молиться за упокой его души, за прощение его прегрешений — от начала жизни до ее последних мгновений. И за тех, кто еще постра-

дал в аварии. Можно и необходимо ответить взгляд от личности ушедшего человека, предстоящего теперь перед Вышшим Судией, и перевести этот взгляд на себя. Иначе все бессмысленно. Для нас, живых, бессмысленно...

Нельзя, ни в коем случае нельзя продолжать обличать и судить а тем более ерничать по поводу человека, который уже ушел. Просто потому, что люди так не поступают.

Я был в передаче Бачинского и Стиллавина в конце прошлого года. Эфир был посвящен Рождеству. И расстались мы тепло и радостно, по-рождественски.

Я убежден, что Господь никогда не призывает к себе человека, не дав ему шанс исправить то, что остро нуждается в исправлении. И верю, что Геннадий пытался этот шанс использовать. Равно как верю в действенность молитв об умерших. Иначе — бессмысленно.

Диакон Михаил ПЕРШИН, заведующий информационно-издательским сектором Отдела по делам молодежи Русской Православной Церкви

Он шел против течения...

Так получилось, что я выступал в последнем эфире Геннадия Бачинского. За двадцать пять минут эфира мы сделали все, что могли, чтобы меньше в России убивали нерожденных детей. И я думаю, что у ангелов-хранителей тех малышей, что доживут до своего рождения, будет повод вздохнуть о перешедшей в вечность душе радиоведущего Геннадия Бачинского.

Светлый был человек. Его работой было поднимать настроение людям. И он умел делать это без похабства и девальвации добра. Тонкий юмор, умная ирония. А последним земным делом Геннадия было

уже не сокровенное, а прямое, любовное исповедание греха — грехом, а правды — правдой, причем именно в поддержку позиции Русской Церкви. Ведь ребята продвигали невыигрышную тему. Гораздо популярнее было бы лягать Церковь за антиабортную принудительную, погранные свободы и права. Но они рискнули пойти против течения. Подставиться. Бросить вызов. Я помню, как перед эфиром с жаром отстаивала демократичность и прогрессивность аборт одна из сотрудниц радиостанции. Такая позиция типична для большинства. Но и в такой среде Гена оставался самим собой, не прогибаясь под изменчивый мир... ■

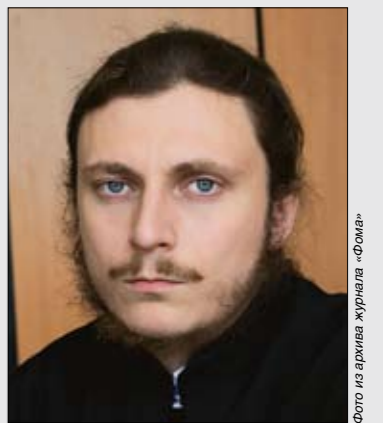

Фото из архива журнала «Фома»

Геннадий БАЧИНСКИЙ:

Без попытки самооправдания

Отрывки из интервью, взятого год назад для нашего сайта

Я крестился сознательно в студенческие годы. В детстве я жил в Алтайском крае, в школе, естественно, был пионером и комсомольцем, и верил во все то, что нам говорили. А когда приехал в Санкт-Петербург, получилась классическая история: вырвавшись из-под родительского крыла, я окунулся в мощную волну свободы. Мне было интересно все — в частности, тогда началась евангелизация населения, и я помню, как в общезнаниях ко мне подошли баптисты и подарили Библию. Потом кто-то из знакомых крестился, и я на этой волне крестился тоже. Определившись таким образом, что я православный христианин, я тут же забыл об этом. И когда, спустя значительное время, стал знакомиться с церковным преданием, то обнаружил, что, будучи крещеным, я много лет ничего не знал о вере.

Годы с моего крещения и до фактического прихода в Церковь были втянуты в некий процесс, который иначе как само-разрушением не назовешь. В частности, я участвовал в альтернативном музыкальном движении, был активным посетителем клуба «Там Там» Севы Гаккеля и впитывал все эзотерические теории, которые там витали. Процесс саморазрушения постоянно усугублялся, и я чувствовал иногда это особенно остро. Один раз, когда было совсем плохо, даже пошел на исповедь в церковь: я развелся с женой, и все в жизни шло наперекосяк. Тогда я не знал никаких церковных порядков, и даже не помню, что говорил в храме... А следующий раз я пришел в церковь спустя восемь лет.

***

Все эти восемь лет были наполнены работой, карьерой, повышением рейтингов и т.п. То, чем я занимался в эфире, можно обозначить как мышление без границ и без авторитетов. Сейчас я оцениваю свои выступления как внутреннюю рефлексию человека, попавшего в сложную жизненную ситуацию из-за развода с женой и еще целого комплекса проблем. Мне говорили тогда: ты так передачи ведешь, будто кислоты обжегся. Ты такой психоделик!.. Но если происходящее на радио было в каком-то смысле выражением себя, то моя параллельно начавшаяся побочная деятельность — выступления на концертах — просто зарабатыванием денег (я остался должен после кризиса 98 года и был в достаточно стесненной финансовой ситуации). И вдруг там я начал сталкиваться с плодами своего труда в радиоэфире, с публикой, которая воспитана на моих передачах. И я обнаружил, что по своей воле попал в какую-то страшную атмосферу! Ведь то, что я делаю на радио, гораздо более мягко и невинно по сравнению с тем, что происходит на корпоративах и выездных клубных вечеринках...

Чем дальше, тем больше после концертных выступлений мне было просто физически плохо. Я приходил домой, и у меня начинался «депрессняк». Но я говорил себе: ладно, это моя работа. И продолжал зарабатывать, зарабатывать и зарабатывать таким образом, пока душа моя не взмолилась — что происходит-то? Ты уже совсем делаешь богопротивные вещи! Потому что внутренние поиски Бога у меня всегда были, я пытался читать богословскую литературу, но не было человека, который бы мне все объяснил. Наконец, год три назад я стал все больше вчитываться в духовные книги, узнал про Иисусову

молитву, и настолько мне опротивело мое концертное амплуа, что я стал просить Бога о том, чтобы Он дал мне другую работу. Чтоб я зарабатывал деньги, не делая столь низкие вещи...

***

Постепенно я стал что-то узнавать о православном христианстве, по-прежнему являясь винтиком механизма шоу-бизнеса. Со временем этот грех, который во мне накопился, включая и грех саморазрушения, привел к тому, что сил не было терпеть, и когда в очередной раз моя личная жизнь пошла прахом, мне, наконец, стало настолько плохо, что я дошел-таки до храма.

Я и раньше пытался много раз заходить в храм, но не мог. Сначала подходил к нему, потом входил в ограду. Потом постепенно стал заходить внутрь. То есть человеку, который настолько пропитан мерзостью шоу-бизнеса, это очень тяжело. И ведь я не знал тогда всего того о Православии, что знаю сейчас. Если бы знал — наверное, вообще никогда бы не решился. Но, тем не менее, это произошло, и два года назад я начал пытаться жить церковной жизнью.

С тех пор я стараюсь разобраться со своей работой, но не революционными методами. Я всегда тешил себя надеждой, что, играя на грани добра и зла, все-таки служу добру. Хотя в какие-то моменты озаряла простая мысль, что здесь добром уже не пахнет. Но эта иллюзия продолжала мною владеть. В итоге я хожу в храм, но... по какому-то малодушию своему не могу отказаться от всех тех заработков, которые получаю в шоу-бизнесе. Только стараюсь, чтобы все больше и больше моя деятельность сдвинулась на светлую сторону.

Вот моя проблема. Моя работа — это большой мой внутренний кризис, мне действительно бывает плохо от того, что я делаю. И я на исповеди об этом говорю — но, к сожалению, повторяю снова и снова...

***

Но все же многое с тех пор начало меняться. Наша передача стала более скучной, как пишут некоторые слушатели. Хотя меня это, скорее, радует. Или даже есть такие письма: «Бачинский уже задолбал своим православием». При том, что вкрапления об этом настолько невелики, что обычно люди не замечают... Со временем мне стало неприятно слышать юмор на сексуальные темы и гадко самому так шутить, но я 15 лет работаю на радио, и у меня в голове целый склад штампов. Стоит мне чуть-чуть ослабить внутреннее внимание, что легко происходит утром, потому что я человек-сова и не в лучшей физической форме, как у меня на автомате выскакивают все эти шутки. И большого усилия мне стоит не шутить так. И я останавливаю себя: не остри, стоп, не надо, не надо этого говорить...

Еще нужно понять, что «Утреннее шоу» — это импровизация двух людей, которые являются его равнозначными составляющими. И только по доброй воле обоих может что-то произойти. Здесь не столько мне надо «фильтровать базар», сколько сделать так, чтобы мой партнер стал думать так же, как и я.

Кто-то скажет, на это легко пенять, дескать, второй плохой, а я хороший, и я его останавливаю... Но он не плохой.

Второй участник шоу, Сергей Стиллавин — тоже православный христианин. Как ему кажется. Но совсем не православный по своим поступкам. Он сейчас — это я пять лет назад. И он идет в том же направлении. Но если я его буду сейчас «пинать» и насильно делать «правильную» программу для православных людей, — тогда все развалится тут же. Потому что у каждого свой темп...

***

Я знаю, что множество православных людей могут мне сказать — раз ты пришел в Церковь, беги от масс-медиа! Хорошо, мы можем отказаться от участия в радиопередачах, но что тогда? Если сейчас в масс-медиа есть отдельные люди, симпатизирующие христианству, то когда мы заберем их оттуда, там ничего не останется, кроме сил разрушения. А ведь СМИ — это страшно! И если я уйду, то давайте подумаем, кто займет мое место?

Мы уже видим в большом количестве претендентов на это. К сожалению, мы пожинаям плоды своего десятилетнего шоу в виде расплодившихся клонов. Которые перенимают нашу манеру, начисто лишив ее содержания. Мы все-таки себя определяем и оправдываем тем, что мы — аналитики, которые за шутками и смехом прячут неожиданные выводы. Кто-то говорил, что в России правду могут говорить только шуты. Действительно, мы говорим в эфире такие политические, социальные и мировоззренческие вещи, которые если были бы сказаны серьезно, стали бы предметом судебного разбирательства. Мы — Жириновские радиозвезда. Но, как я уже сказал, есть плоды, снивелировавшие нашу идею об оправдании формы содержанием. И если мы уйдем, а на нашем месте будет один из этих клонов, такой вот смешной, отвязный и все — вот это как раз будет настоящей пошлостью...

Почему-то считается, что православному человеку нет места в современных масс-медиа. Существует жуткая сегре-

гация светских и православных СМИ. Православие, при всем кажущемся расширении сфер свободы, находится в резервации. Куда всеми профессиональными способами закрывается доступ для человека, живущего в современном мире и не отрешившегося от него, — а таких большинство. И это проблема, которая меня сильно беспокоит. Я хочу делать православное радио, я хочу говорить людям о добре и зле, но сейчас нет места, где я мог бы это осуществить. Если мои таланты нужны — я готов как профессионал делать что-то в другом месте. Но на данный момент мои таланты никому не нужны, кроме тех, кто мне платит деньги за чтение в эфире их рекламных объявлений.

Но я не хотел бы сейчас заниматься самооправданием. Изменения должны происходить, может, они происходят небыстро, идет какой-то плавный эволюционный процесс. И я хочу сказать — помогите нам!.. Знаю точно одно — если эволюция будет безуспешной, то тогда «Утреннее шоу» не станет. Потому что для меня в том виде, в каком существует сейчас, оно неприемлемо.

Когда я был на фильме «Остров» в самом модном кино-театре Москвы, в зале не было свободных мест, и с сеанса ушел только один человек. И я вижу здесь подвиг не только режиссера, который не постеснялся сказать, что он православный, и не постеснялся свой фильм на треть составить из молитв. Но я вижу здесь также подвиг в том, что Церковь настояла выпустить фильм в широкий прокат! Обнажить себя и какие-то свои проблемы для общего обозрения! И мы увидели, что это интересно, что народ забывает битком кинозал. Значит, мы преувеличиваем опасность быть непонятыми и осмеянными, у страха глаза велики? Значит, и смелый шаг может быть востребован и может принести удачу? Кто знает. Наверное, всему свое время... ■

Беседовала Анна ЕРШОВА

Господи, сделай так!

...С Богом я познакомилась в раннем детстве. Мы с папой на одну ночь остановились в Сорочинске, в доме у вокзала, где жила наша родня — бабушка Мотя, гостеприимная, тихая старушка. Хатка у нее была чистенькая, светлая из-за больших окон. Осталась я в комнате одна, рассматривала обстановку. На подоконнике у бабы Моти лежали настоящие сокровища: разноцветные пуговицы, открытки от детей и родных, книги в черном переплете, за оконной рамой печалились «погребальные» искусственные цветы. Перебирая занятую мелочевку, я заметила странный засохший «бочонок» из теста. Он был такой аппетитный, на плоской крышечке виднелся крест. Испытывая стыд оттого, что ем чужое и без разрешения, я быстро сгрызла «бочонок», некоторое время, обмирая от страха, что баба Мотя заметит пропажу.

Затем мой взгляд упал на икону, которая висела в красном углу. Икона была в блестящем окладе за стеклом, с боков украшенная тюлем. Я пододвинула стул, залезла на него и приблизила лицо к стеклу. Оно чуть запотело от дыхания, но все равно было хорошо видно — прямо на меня ласково смотрел добрый и очень красивый человек. Отчего-то стало хорошо, в горле кисленько и захотелось заплакать. Со слезами на глазах меня и обнаружили папа с бабушкой Мотей.

— Что случилось? — встревожились они.

— Я нечаянно съела, вот тут лежал бочонок из теста, — лепетала я, обливаясь слезами.

Папа — член КПСС, но воспитанный в христианской семье — улыбнулся. Бабушка Мотя вместо наказания погладила меня по голове и серьезно сказала: «Ничего, детка, просфорку съела и хорошо».

В папиной деревне в углу тоже висела икона в кружевах. Мы с сестрой, одолеваемые любопытством, хотели рассмотреть ее поближе. Бабуля моя запрещаала: «Нечего разглядывать, это грех!»

— А ведь Бога нет, — с недоумением говорили мы — «образованные

дети», — космонавты летали в космос, и никого там не нашли. Где же он?

Бабушка, не окончившая и семи классов, не желая вдаваться в теологические дискуссии с городскими «антихристами», робко пыталась защитить родное: «А зачем Он к космонавтам вашим показываться выйдет?» И добавляла: «Он за тучку зажмался!» Мы с сестрой хохотали и передразнивали ее.

В 14 лет я познакомилась с ангелами и бесами. В личном дневнике того времени недоуменно записала: «Во мне будто живут два голоса, которые всегда подсказывают, что делать дальше. Маленький голос — это разум, а большой — не знаю кто. Я часто поступаю, как подсказывает большой голос, он заглушает все, трубит: «Делай так!» А маленький ласково отговаривает: «Не надо. Делай, как я скажу, это лучше...» И самое интересное, что если я поступаю по велению маленького голоса, у меня всегда все получается. А, если как скажет большой, то выходит плохо или не получается вовсе. Я рассказала маме об этом, она настояжилась.

— Что, прямо голоса слышишь?

— Нет, это будто две мысли.

— Ты шизофреник, — засмеялась она».

Дети часто живут интуицией, какими-то внутренними чувствами, настроенными, как радиолокатор, на мир, связанный с небесами. Подтверждение этому я найду гораздо позже, когда стану совсем взрослой и прочту у Иоанна Кронштадтского: «Из действия в нашем сердце двух противоположных сил, из коих одна крепко противится другой, и насильно, коварно вторгается в наше сердце, всегда убивая его, а другая целомудренно оскорбляется всякою нечистотой... из двух личных противоположных сил — легко убедиться, что, несомненно, существует и Дьявол, как всегдашний человекоубийца, и — Христос, как всегдашний Жизнодавец и Спаситель...». («Моя жизнь во Христе»).

В 22 года я, недавно сдавшая в университете на пятерку экзамен по научному атеизму, неожиданно свела знакомство со смертью. Она оказалась вовсе не страшной, как казалось раньше, а безразличной. Ей было все равно кого забирать. Температура зашкаливала за 40°, а дома никого не было. Как нарочно, все разъехались. У меня болело все, я не могла говорить и даже мыслить. Еще немного, и уйду туда, куда меня настойчиво зовет мягкая, темная и приятная сфера. Однако Бог смиловатился! Ночью с юга досрочно вернулась сестра. Она положила мне на лоб холодное полотенце, постоянно со мной разговаривала, мешая «перетекать», как вещество, из этого мира в Тот. Утром отправила на «Скорой» в больницу. Врачи объявили страшный диагноз — менингит. Я ужаснулась, вспомнив «народную мудрость»: «У менингита два исхода — смерть или дурдом». Хотелось зарыдать, сил не было даже на это.

В процедурной медсестры уложили меня калачиком на стол, крепко сжали руки и ноги, и сказали, что будут из спинного мозга брать пункцию. Честно предупредили: если дернусь, то иголка войдет криво, и можно остаться недвижимой калечкой. Только тут, и сейчас, я с отчаяньем мысленно возопила к Богу: «Господи, сделай так, чтобы у меня не было менингита!» Немного подумала и, мелко торгуясь, добавила: «Тогда я поверю в Тебя!» Представляю, как Господь в это время грустно улыбнулся: сколько раз Он слышал это? Слепые требовали прозрения, глухие — слуха, прокаженные — исцеления от язв. Требовали чуда, чтобы уверовать. Если разобраться, то полный абсурд. Не имеющие за душой ничего, слабые и больные — предьявляют условия, а Он, имея все и могущий все, прощает и жалеет.

Диагноз отменили на следующий же день. Я поняла, что Он есть. Но предстояло пострадать, чтобы окончательно прийти к новой жизни, не такой веселой и беспечной, что была раньше, но более глубокой и осмысленной, полной великих открытий.

Вместо менингита оказался камень в почке. Врачи разрешили меня почти наполовину. Впав в полную беспомощность, лоя сухими от жажды губами воздух, я, наконец-то, осознала: человек в своей гордыне ничтожен. Только что был сильным и ловким, и море по колено, и вот, как младенец, беспомощен настолько, что не можешь самостоятельно согнать муху со своей тарелки! Снова учишься ходить, есть из ложечки! Что это, зачем это? Чтобы осознать: мир не таков, каким до этого представлялся, друзья в несчастье могут предать, а родители, наоборот, всегда преданны, а Бог велик, таинственен и Его сила безгранична.

И еще я поняла, что такие встречи с Богом, с ангелами, бесами и со смертью переживает в своей жизни любой человек. Эти встречи, словно по кругу с разной периодичностью, повторяются до тех пор, пока человек не осознает истину, которой более

2000 лет: «Без Бога не до порога»... Хорошо, если прозрение наступит раньше окончательного свидания со смертью, когда, пожалуй, уже поздно что-либо понимать.

Выйдя из больницы, я тут же потребовала, чтобы мне купили крест. Так как это были советские времена, а я работала в партийной газете, в церковь решено было заслать нашего друга — простого железнодорожника. Но и он туда побоялся идти, позже принес самодельно изготовленный крест, похожий на две перекрещивающиеся железные палочки. Я его тут же повесила на шею, заявив: «В Бога верю свято!» не понимая меру ответственности за то, что сказала.

По-настоящему же пришла к Богу и поверила в него только после рождения детей. Мама дала почитать книгу «Отец Арсений». Меня она так потрясла, что я проплакала всю ночь, окончательно переродившись, стала чаще

ходить в храм, покрестилась, стала участвовать в Таинствах. Но свою глупую торговлю с Господом на операционном столе запомнила на всю жизнь. Мне до сих пор мучительно стыдно за эти не то чтобы неумные, а пустые слова, за себя — неверующую. Как же я рада, что Он принял меня (у Бога нет отказных детей!). Господь показал мир в истинном свете, заставил понять, что нет злых и недобрых людей, а есть несчастные и запутавшиеся. Он показал, что человек — это Творение Божие, полное талантов и непознанных возможностей, которые открываются, как драгоценности, если будешь внимательным не к себе, любимому, а к другим людям. Он убедил, что Он все время рядом. Это просто я Его не всегда замечаю или, скорее всего, не хочу замечать. ■

Вера ЖИДКОВА, Оренбург
Рисунок Елизаветы МАХЛИНОЙ

Священник Игорь ПАЛКИН

Одушевленная фотография

Наш сегодняшний автор не просто «священник, увлеченный фотографией». Отец Игорь Палкин — профессиональный фотограф. И если образ батюшки, взявшего фотоаппарат в руки, чтобы выразить любовь и восхищение перед миром, уже привычен для читателей «Фомы», путь отца Игоря, от фотоискусства — к Церкви, необычен и потому особенно интересен.

Свои первые шаги в фотографии Игорь Палкин сделал в газете «Татьянин день» — одном из первых православных СМИ в России, которое издавалось храмом святой мученицы Татианы при МГУ. В девяностые годы работа в таком издании была сродни первооткрывательству: журналисты-энтузиасты «Татьянинского дня» ломали многочисленные стереотипы, сложившиеся вне Церкви — о Церкви. В том числе и стереотипы изобразительные, по вине которых Русская Православная Церковь приобретала в глазах современных людей лубочный образ: «свечка, купола, золото икон». Молодежное издание пыталось показать

красоту Православия не только привычными, но всеми возможными красками.

По-настоящему увлекшись работой в газете, фотожурналист Игорь Палкин остался в Татьянинском храме, став сначала простым прихожанином, потом — алтарником, диаконом и, наконец, священником.

Но жизненные обстоятельства сложились так, что своей профессии священник не бросил; и теперь благодарен Богу за это! Сейчас отец Игорь Палкин — штатный фотограф Церковно-научного центра «Православная энциклопедия». Командировки дают ему уникальную возможность увидеть и запечатлеть на фотографиях Русскую Церковь как она есть: в огромных мегаполисах и заброшенных деревеньках, в великие праздники и церковные будни, и не только в России, но в Белоруссии, Украине...

И куда бы ни приезжал батюшка, он делает *живые*, одушевленные фотографии. Живые, потому что в центре их всегда человек. Даже если в кадре нет лица

«Эрмитаж»

или абриса тени, в нем есть удивительное ощущение присутствия, тепло, оставленное кем-то. Вот священник на Литургии, припавший к полу в земном поклоне — символ светлой скорби... Вот два человека: остановившийся перед живописным полотном замороженный посетитель и его собеседник, смотрящий из глубины картины.

Отец Игорь — принципиальный противник «подглядывания» за жизнью других людей. И дело даже не в том, что он отрицает всякую возможность репортерской съемки (для фотографа-профессионала это было бы странно), а в том, что люди, по его печальному

опыту, негативно реагируют на фотографа, «крадущего» минуты их жизни, берущего их без спроса, тайком, вероломно.

«Мне интересно найти душевный контакт с тем, кого я снимаю, чтобы он открылся, а не угрюмо или смущенно замкнулся перед объективом. Каждая фотосессия для меня — Встреча с большой буквы, возможность прикоснуться к тайне чьей-то души. Получается ли это у меня — не знаю... пусть рассудят те, кто увидит мои работы!» ■

Елизавета КИКТЕНКО

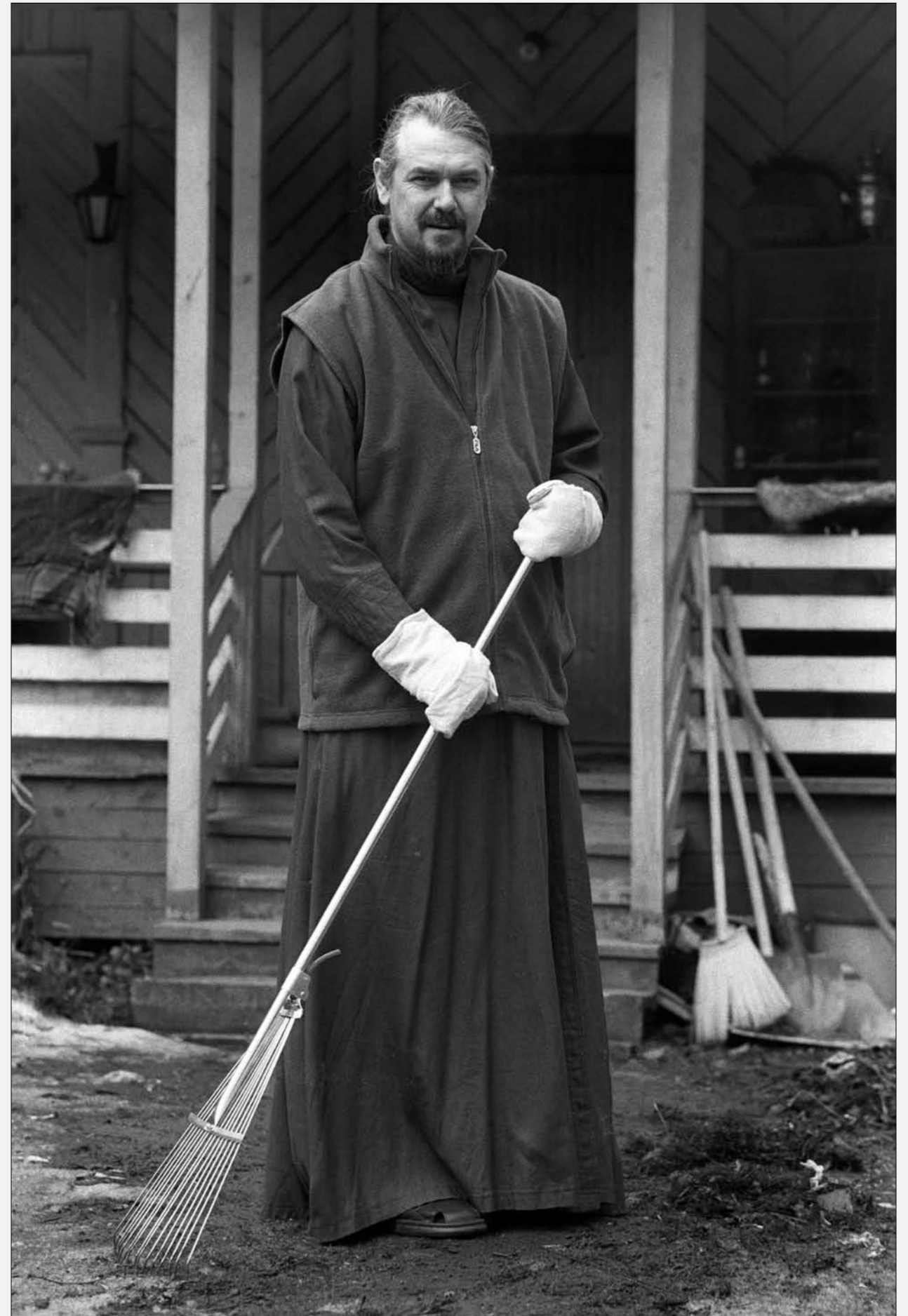
Фото Максима Праздника

«Профессор»

(Профессор Григорий Александрович Любимов, доктор физико-математических наук, один из инициаторов возвращения Церкви храма святой мученицы Татианы при МГУ)

«Вода»

«Отец Владимир»

(Священник Владимир Вигилянский, руководитель пресс-службы Московской Патриархии)

«Троица»

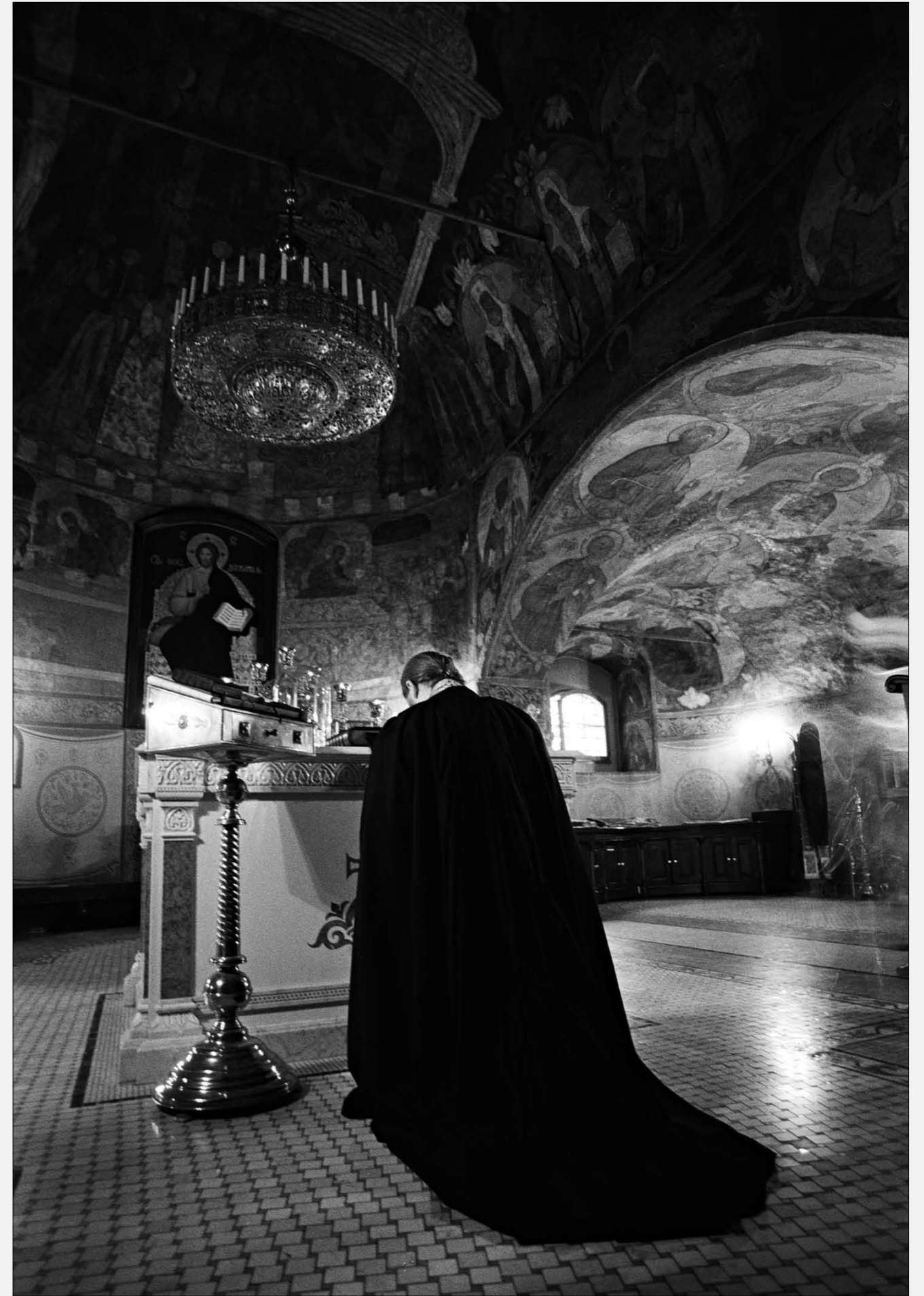

«Паникадило»

«Содружество»

(Марина Андреевна Журинская и её кот Мишка)

«Монах»

Фото Владимира Егупкина

Бессмыслица, или Гражданский брак

Гражданский брак ныне довольно часто упоминается разными людьми; иные говорят, что это солнечное проявление свободы, более осторожные — что молодым людям нужно-де проверить свои чувства; несогласные печально констатируют, что как-то это нехорошо (о более эмоциональных выражениях несогласия и недовольства умолчим). Правда, ни те, ни другие не задумываются особенно, о чем же идет речь: сторонники имеют в виду нечто прекрасное, противники — гадость вообще. И еще менее задумываются люди о том, почему они это таким образом называют.

Попробуем хоть немного уяснить себе, что же здесь называется браком и что — гражданственностью.

Немного истории

В Российской империи существовал единственный способ зафиксировать брак: религиозный обряд, имевший тот или иной характер в зависимости от религии брачующихся. Гражданской регистрации попросту не существовало. Но, как всегда и везде, были люди, не желавшие по тем или иным (как правило, неуважительным) причинам связывать себя брачными узами или при всем желании не имеющие такой возможности, — а кроме различия вероисповеданий, при нежелании этим хоть в какой-то мере поступиться, есть еще и церковные правила, запрещающие, в частности, родственные браки (считается и духовное родство) и возобраняющие брак после развода его виновникам. Почему эти люди называли свое сожителство гражданским браком — уже тогда было не очень понятно; что-то тут такое просвечивает вроде того, что гражданам следует быть вне религии, а отсюда можно плавно перейти к тому, что верующие — плохие граждане и, следовательно, гражданских прав иметь не должны. В дальнейшем это понимание закрепилось в акте лишения гражданских прав духовенства, в запрете голосовать на выборах, в невероятном налоге. Бессмыслица «новой жизни» здесь, кстати, проявилась и в том, что уничтожаемое духовенство называли лицами свободной (!) профессии.

...Вообще-то у монархии бывают подданные, и вплоть до недавнего времени принадлежность человека к населению той или иной страны (в том числе и республик) называлась подданством. Оно, конечно, если это понятие представляется унижительным, то можно и гражданином называться; беда в том, что это название, употребляемое всерьез, обязывает.

И в самом деле, что связывается со словом *гражданский*? Изначально и по существу — ответственная позиция человека в обществе. Некрасов, например, писал:

Будь гражданин! служба искусству,
Для блага ближнего живи,
Свой гений подчиняя чувству
Всеобнимающей любви.

Вполне очевидно, что всеобнимающей любовью поэт называет вовсе не сожителство вопреки законам и обычаям, а служение ближнему и любовь, произрастающую из той, которой Христос победил смерть и спас человечество. И кто будет возражать против такой гражданственности? Однако параллельно развивалось понимание (пути такого развития проследить возможно, но утомительно), что *гражданский* — это против властей и законов; оно и утвердилось в словосочетании *гражданский брак*.

А между тем никак не зафиксированное сожителство именно потому не имеет права называться гражданским, что характеризуется прежде всего полной безответственностью, бесправием сторон в результате выхода из сферы закона. Опять-таки восстать против несправедных законов интересно, но можно вспомнить слова Томаса Мора, канцлера Англии при взбалмошном Генрихе VIII и стра-

дальца за Церковь, прозвучавшие в хорошей пьесе: «У нас в Англии слишком много законов, и большинство из них несправедливы, но жить без них нельзя, потому что они ограждают нас от дьявола». Пылкий молодой собеседник восклицает: «А я, чтобы изгнать дьявола, готов сокрушить все законы и гнаться за ним без усталости». И слышит ответ: «А если он обернется и начнет преследовать Вас, где Вы укроетесь?»

Злодейства старого мира

Не будем говорить о том, что сожителство, именуемое «гражданским браком», позволяет тому, кто передумал, бросить на произвол судьбы того, кто доверился, — и причем как правило в тяжелое время; здесь всегда найдутся желающие позлорадствовать. Подумаем о детях: ведь незаконнорожденные в Российской империи были лишены прав; более того, в свое время дети крепостных женщин от любого знатного отца записывались в крепостные. Конечно, иные «благородные отцы» отпускали мать на волю, давали детям фамилию (не свою!), снабжали деньгами... Почитайте «Подросток» Достоевского — очень ли это утешало? А когда «просто» принадлежность к разным конфессиям не позволила повенчаться, дворянин Яковлев дал своему сыну от лютеранки фамилию Герцен, что примерно значит «сын сердца». Тот был даже состоятельным человеком, но вот счастливым не был. Разумеется, можно долго и звучно проклинать законы и общество, но ведь детям-то жить в этом

обществе и под этими законами... Кстати сказать, кроме действительно тяжело звучащего слова *«незаконно-рожденный»* для детей «свободных» родителей существует определение *«внебрачный»*, что показывает, что при «гражданском браке» о собственном браке речь не идет и что сочетание этих слов применительно к данному явлению вполне бессмысленно.

Только не нужно думать, что простой народ был нравственен, а «не простой» — не слишком. Увы, грехи людские одинаковы при любом социальном положении. Скорее у людей немудреных и отношение к «гражданскому браку» было попроще: *грех, бес попутал, стыдобушка...* И когда Лесков упоминает о том, что некоторые из «новых людей» со временем венчались, чтоб кухарка уважала, он вовсе не утверждает, что кухарочье сословие отличалось блеском добродетелей и являло собой образ праведности — кухарки не хуже и не лучше других, — но живое понятие о *стыде*, о том, чего следует стыдиться, а не выставлять напоказ, у них, как правило, присутствовало. И выражения «законный брак», «законные супруги», вполне простонародные по области употребления, свидетельствуют и о том, что в этих кругах бытовали и были известны другие формы сожительства, и о том, что брак был признаком порядочности, повышал социальное положение.

Так, может быть, все-таки умудренное кивнем и скажем, что образованное общество безнравственнее необразованного? Да ничего подобного; ведь и образованные люди вступали в законный брак и в мире и любви проживали в нем всю жизнь, и среди необразованных были такие бесстыдники, что только заохаеть. Дело скорее в том, что **как образованное, так и необразованное молчаливое большинство придерживалось нормальных традиционных взглядов на брак, а шумное меньшинство громогласно эти взгляды отрицало.** А среди «простого» народа шуму поначалу было поменьше. Касательно шума, поднимаемого передовыми гражданами, Достоевский в «Бесах» в гениальной пародии на агитационный стишок пишет, что прогресс призван-де уничтожить *церкви, браки и семейства — мира старого злодейства.* Здесь даже и не ужаснешься: смешно и глупо. Однако каков набор!

А «общее мнение» сходилось на том, что жить «просто так» вообще нехорошо, но так уж всегда получается, что с наибольшей свирепостью оно обрушивалось не на мужчин,

которым как-никак в большинстве случаев принадлежала инициатива (пресловутую Елену из «Накануне» оставим на совести Тургенева), а на более слабых женщин и на совершенно беззащитных и ни в чем не повинных детей. Я не даю этому оценки, не берусь рассуждать, насколько это нравственно (в другой системе понятий — «убого»), а просто констатирую реальное положение вещей, которое мало меняется в разные века и на разных континентах: хотите бросать вызов обществу — дело ваше, но оно ведь может этот вызов и принять... И в таком случае христианское делание состоит в умягчении нравов, но апеллирует оно не к вседозволенности, а к милости и прощению заблудших.

Акты гражданского состояния

С появлением внерелигиозной фиксации брака отпали (для неверующих) церковные запреты; появились бюро записи актов гражданского состояния (а кто теперь помнит, что именно таково значение слова «загс»!). К гражданским состояниям были отнесены рождения, смерти и браки; примечательно здесь даже не то, что государство приняло на себя выражение функции Бога, Который только и волен в рождениях и кончинах, и снизил их до уровня «гражданского состояния», а признание такого статуса брака, который законодательно включает его в бытийную канву человеческой жизни. Казалось бы, вот он, наконец, вождельный гражданский брак, тем более что и «записаться» легко, и развестись еще легче. Так что будьте добры, граждане и гражданки, проявляйте свою сознательность. Ан нет, нашлись такие сторонники свободы, которым и заговская бумажка казалась тягостными узам. Другие же бумажкой не стеснялись и женились/разводились сколько душе угодно. Алиментов научились избегать разными позорными способами, от клеветы перед судом на любимую женщину и отречения от родного дитяти до нахождения мизернейшей официальной зарплаты, чтоб ничего не доставалось бывшему и постылому семейству.

Однако великий и могучий русский язык не дремал, и зарегистрированный брак стал именоваться в свою очередь *законным*, хотя и был по большей части невенчаным. Это словоупотребление трогательно свидетельствует о стремлении людей в

любых условиях упорядочить жизнь. Я не склонна считать, что при советской власти был порядок и процветала нравственность; я выросла в трущобном районе московского центра, в очень благоприличной семье, но чего только не было у нас в школе и в семьях моих соучеников! Дерзну, однако, сказать, что **каждый человек изначально и в глубине души склонен к миру и порядку.** Но сильные искушения падшего мира, и некоторые люди по причине, о которых сейчас рассуждать не время, становятся активными проводниками зла. А молчаливое большинство или эти течения игнорирует, или робко вторит и даже научается. О чем ниже.

Между тем, как уже было сказано, именно при советской власти обрело смысл словосочетание *гражданский брак*, и ничего другого, то есть церковного освящения брачного союза, власть не признавала. Верующие люди тем не менее венчались, и нередко тайно, поскольку священники были обязаны оповещать власти о венчаниях, а это в большинстве случаев было, мягко говоря, неуместно. Насколько я знаю, венчающимися и в голову не приходило, что можно венчаться, но не регистрировать брак. Таким образом в очень узком кругу брак фиксировался по общепринятой в христианской Европе модели: венчание и регистрация. Собственно, такой брак может называться браком перед Богом и людьми в полном смысле.

Эпидемия продолжается

Наконец, настали новые времена, и Церковь обрела присущие ей права. Правда, в отношении фиксации брака имущественно-юридические права требуют официальной регистрации; как уже было сказано, это нормальная европейская модель. Казалось бы, все встало на свои места: вернешь — венчайся и регистрируйся, нет — твое дело, зарегистрируй брак светским образом...

Ан не тут-то было. Известно, что стакан с водой можно видеть и полупустым, и полуполным. Несколько лет назад образованная дама в культурном журнале сетовала на то, что плохо у нас приживается психоанализ, и употребила таковые слова: «Тысячелетие Православия не прошло даром. Русские девушки целомудренны и не желают публично выворачивать темные стороны души». Сочувствовать этим дамским скорбям мы не будем, а скажем в свою очередь, что и безбожное

семидесятилетие не прошло даром, оразившись пагубным образом на самом понятии семьи. Возможно, нам далеко до предельной (или беспредельной? слишком уж выразительным стал язык) распушенности, но нечто на пути к ней достигнуто (подробности опускаются). Если не говорить о церковном народе, то непонятно, заключаются ли сейчас браки, зафиксированные на юридическом уровне (то есть на самом деле гражданские) без предшествующего «свободного» сожительства, по невнятным причинам и называемого гражданским браком. Самое печальное, что эти слова употребляются по данному поводу и священниками, причем естественно, что употребляются в осудительном смысле, но при этом получается, что батюшки осуждают гражданскую регистрацию (без которой сами же и не венчают). Действительно, бессмыслица, далеко зашедший абсурд!

Свою долю в эту бессмыслицу внесут молодые и «продвинутые» православные, среди которых развивается мода венчаться (у знакомых батюшек, разумеется), но не регистрировать брак. Что это им дает, кроме бесславной участи одной из сторон в случае, если чувство поостынет, да

сомнительного юридического статуса детей, непонятно. Вряд ли они являются убежденными последователями сектантов, чуждающихся всякой документации — образование не то. Хочется свободы и оригинальности — любой ценой...

Не менее печально, что эпидемии псевдогражданского лжебрака подпадают и люди вполне в годах и даже близко к пятидесяти. Им-то что проверять? Самое оригинальное оправдание такого беззаконного состояния, которое я слышала, было: «Он инославный, с ним венчаться нельзя». Спрашиваю: «А что, регистрироваться тоже нельзя?». Дальше по Шекспиру: тишина. Но еще гораздо печальнее то, что вполне порядочные люди старшего поколения оправдывают своих разудалых потомков, смиренно приговаривая, что-де мол нынче по-другому нельзя и что все так делают.

Впрочем, почему бы им этого и не делать? Один современный журналист употребляет в подобных случаях старое присловье: отчего не воровать, когда некому унять? И ведь действительно, и родители боятся слово поперек молвить, и даже священники употребляют стыдливую и неточную замену огненного слова *блуд...*

Выше я уже говорила, что не верю в то, что порча нравов имеет сиюминутный характер и занесена с гнилого Запада. В конце концов, грехопадение не на Западе произошло. Страшно сказать, но борьба человека с силами тьмы (и в том числе с блудным бесом) стала *неמודной* (в том числе и в России) уже более века назад. Происходит просто какой-то шантаж: молодые боятся быть немодными, которые постарше — тем более, а то как бы кто не догадался, что они люди на возрасте, родители взрослых детей пуце всего страшатся оказаться носителями пережитков и тем самым утратить надежду на взаимопонимание. А светские СМИ тоже соучаствуют: сообщения о «великосветских» свадьбах почти всегда включают информацию о том, на каком месяце беременности пребывает нежная невеста (вариант: какое количество детей счастливой «звездной» пары сопровождает церемонию). А что же общественное мнение? — А оно совершенно задавлено обстоятельствами и никак себя не проявляет; экстремистские гневные всплески не считаются, поскольку нравов отнюдь не исправляют.

Среди в какой-то мере совестливых людей быстро вышло из употре-

Семейный телефон доверия Центра «Православная Семья» — это бесплатная, анонимная и квалифицированная психологическая помощь

В современном обществе человек часто одинок, ему не хватает общения, не с кем поделиться своими переживаниями и трудностями. Каждый может вспомнить те моменты своей жизни, когда ему были необходимы совет, доброе слово, помощь, когда он нуждался в понимании и сочувствии. «Семейный телефон доверия» — служба поддержки, являющаяся наиболее доступным видом психологической помощи.

→ ☎ Телефон горячей линии: (495) 246-25-35 вт-пт с 10-17 часов → ☎

бления словечко «бойфренд»; стали уклончиво говорить «жених». И снова бессмыслица: говорит человек, что его дочь отселилась и живет с женихом. На замечание, что с женихом не живут, а венчаются, печально отвечает, что-де, мол, он уговаривал, а «жених» и «невеста» — ни в какую. На попытку уточнить, что тогда не с женихом, а с любовником, ужасается: «Зачем же так грубо?».

Все это в терминах римского права можно назвать *конкубинатом* (сожительством), а в терминах этнографии — *промискуитетом* (неупорядоченное половое общение, которое этнографы приписывали архаичным обычаям и которого у соответствующих племен на самом деле нет, хотя не всегда бывает и строгое единобрачие); выше упоминалось, как это называется на языке Церкви. Конечно, сторонники сразу же начнут энергично возражать: при чем тут промискуитет, а может, у них великая любовь, не терпящая бюрократического вмешательства? Может быть, и великая, может быть, и всепобеждающая страсть, но надолго ли? В самом слове *проверка* есть что-то от эксперимента, а эксперимент считается доказательным только в том случае, если он при множественном повторении

дает тот же результат. А вообще-то международным пактом эксперименты на людях запрещены. И без них понятно, что **свободной любви навсегда не бывает**. Ромео и Джульетта сначала обвенчались, а потом соединились в жизни и в смерти. А самое печальное, что вся эта чехарда великих любвей происходит на глазах у детей, для которых мама и папа — величины не постоянные, а переменные. И находясь взрослые, которые с умудренным видом говорят, что дети мол такие пошли, что им это нипочем, а если они шарахаются, то даже полезно ввести их «в курс дела», чтобы не выделялись в продвинутом обществе. И все это ложь. Допустим, дети проявляют цинизм, — они ли в этом виноваты? А что, если они иного в жизни просто не видели? Это не они родились растленными (каждое человеческое существо есть образ и подобие Божие), это их растлили с младенчества. Мало найдется грехов тяжелее и горше этого.

***

Зададимся извечным вопросом: что же нам, православным христианам, делать? Прежде всего не дове-

рять лживым словесам и ни на чем не основанным обобщениям и умозаключениям. Никак не оформленное сожительство мужчины и женщины — грех, распущенность, безответственность, а вовсе не «гражданский брак». Очень важно в этом случае, как и во многих других, не бояться называть вещи своими именами (избегая сквернословия). Никаких причин для отмены единобрачия нет и не будет, равно как нет и не будет оснований для того, чтобы объявлять христианскую мораль устаревшей. Метастазам порока нужно противостоять в своей семье, в своем окружении, а для этого потребны теплая вера, ясные христианские убеждения и взывание к помощи Божией, дабы идти тем путем, который предназначил для нас Он, желая приблизить нас к Себе.

Устраивать митинги необязательно. Декларировать свою добродетель — тоже, ибо добродетель вещь целомудренная и не терпит болтовни. Но как Христос непрестанно стучится в наши двери и сердца (ср. Откр 3:20), так и нам следует собственной жизнью свидетельствовать правоту Благой Вести о сущности и предназначении человека. ■

Марина ЖУРИНСКАЯ

Фото Владимира Егличкина

КОЛОКОЛА

ОДМК – ЗИЛ

Более 16 лет мы занимаемся возрождением традиционного колокольного звона, основы которого были заложены в XVII веке при ростовском митрополите Ионе Сысоевиче в гармонически согласованных колоколах Ростовской звонницы.

В основе нашего производства лежат результаты исследования старых русских колоколов XVII-XIX веков. Уникальное производство колоколов на нашем предприятии ведется с учетом изученных традиций русского колокольного звона и архитектурных особенностей колокольной.

После отливки каждый колокол проходит акустический контроль, поэтому колокола, приобретенные в разное время, будут составлять согласованный набор, столь же благозвучный, как и купленный целиком.

Наша авторская методика расчетной оптимизации акустических характеристик колокольной позволяет создать гармоничное звучание всей звонницы, учитывает взаимосвязь звучания всех размещенных колоколов.

Свой опыт мы успешно применили при воссоздании звонов:

- Храма Христа Спасителя в Москве
- Свято-Троицкой Сергиевой Лавры
- Храма Воскресения Христова в г. Ханты-Мансийске
- Храма «Большое Вознесение» в Москве

Отлито более 7000 колоколов для храмов России, ближнего и дальнего зарубежья. Наши колокола звучат:

- в Свято-Троице-Серфимово-Дивеевском женском монастыре
- в Сретенском монастыре в Москве
- в Троице-Сергиевом Варницком монастыре
- в храме Нерукотворного Образа (резиденция Президента РФ в Ново-Огарево)
- в храмах на Куликовом поле

В апреле 2006 года был отлит набор колоколов для православного храма Святой Екатерины в Риме. Были отлиты наборы колоколов для курантов, исполняющих мелодии «Боже, Царя храни» и «Ноль славен Бог» для Печерского монастыря Нижегородской епархии.

Приглашаем посетить наше производство. Мы поможем Вам подобрать набор колоколов с учетом особенностей Вашей колокольной и истории создания Вашего Храма. Наш 16-летний опыт работы позволяет с уверенностью утверждать, что Вы не разочаруетесь в своем выборе.

Адрес: 115280, Москва, ул. Автозаводская, дом 23, «ОДМК»
Тел./Факс (495) 674-60-58, 677-22-66;
e-mail: odmk@online.ru; www.odmkbells.ru

Самая большая из испытанных термоядерных бомб в мире. Та самая, которую прозвали «кузькина мать». Музей РФЯЦ-ВНИИЭФ (Саров).

фото: протоиерей Игорь Гнелинцев

Дмитрий СЛАДКОВ, член общественной палаты

Зачем вы делали бомбу?

Совсем недавно, каких-нибудь лет пятнадцать назад, некоторые привычные и до того самоочевидные вещи, казалось, потеряли смысл. Многим добрым людям оказалось трудно справиться своей мыслью с понятием государства. Государства как такового — вне зависимости от строя или системы. И разные прочие вещи, связанные с государством (впрочем, не только с ним), тоже оказались под вопросом. В числе первых, конечно, ядерное оружие.

Мы, работающие в Сарове, никак не могли остаться безразличными к этому. В те годы пришлось много ездить, объяснять, рассказывать, встречаться с самыми разными людьми — от Государственной Думы до университетского прихода Мученицы Татианы. Так, однажды оказались мы с другом и коллегой на встрече со студентами-гуманитариями Нижегородского университета. Об этом своем друге я уже рассказывал: это математик и физик, разработчик ядерного оружия и первый староста нашего саровского прихода.

Молодежь, естественно, не давала нам спуску, и когда нашу внятно изложенную позицию не удалось поколебать рациональными доводами, в дело пошла экспрессия, эмоциональное давление.

— Представьте, что вы дежурите на командном пункте стратегических ядерных ракет. И вот сообщение: американские ракеты в воздухе и летят на нас. Скажите, вот вы, лично вы, нажме-

те ли кнопку пуска?! Нет, только скажите честно, не увильивайте, возьмете ли вы на себя такую ответственность?!

Я открыл было рот, готовясь соорудить некую словесную конструкцию, но тут мой друг, бомбодел и церковный староста, положил мне руку на плечо:

— Постой, Дмитрий, не знаю, что ты хочешь сказать, но уже вижу, что не то. А правильный ответ будет вот какой, — сказал он, обращаясь уже к нашим собеседникам. — Я вам не скажу, как поступлю, нажму на эту кнопку или нет. Вот и решайте теперь сами, запускать вам ракеты в нашу сторону или нет...

Так в нашу дискуссию вернулось здравомыслие и та самая трезвость, которая, как известно, норма жизни.

Как-то получается, что рядом с этим воспоминанием за руку ходит другое. В самом начале 90-х годов в Саров впервые приехал один из самых известных русских богословов. Спустя несколько лет друзья рассказывали (сам я в Сарове тогда еще не жил), что запуганные антиядерной пропагандой ученые робко спросили гостя:

— Алексей Ильич, а делать ядерное оружие — это грех?

Профессор усмехнулся:

— Ни в догматических и канонических текстах, с которыми я хорошо знаком, будь то VI век, XVI или XIX, ни в каких-либо руководствах для подготовки к исповеди, старых или новых, о таком грехе — делать ядерное оружие — ни разу не упоминается. Если же вы

хотите знать мое личное мнение, то считаю, что все зависит от того, зачем вы этим занимались. Если для того, чтобы завоевать мир, это одно. Если, как проститутки, продавали свои способности за чины, награды, деньги, это другое. Если вас обуревала интеллектуальная похоть и вам становились безразличны последствия ваших изысканий, лишь бы сорвать очередной покров с тайн мироздания, это третье. А если вы хотели защитить Россию, а значит, и Православие, это четвертое. Выбирайте сами, что лучше для вас подходит.

Этот эпизод давно превратился в саровскую народную легенду, так что за буквальную точность формулировок не ручаюсь, о чем и прошу прощения у всех заинтересованных лиц. Но только ли к ядерному оружию можно отнести это простое, в общем-то, рассуждение... ■

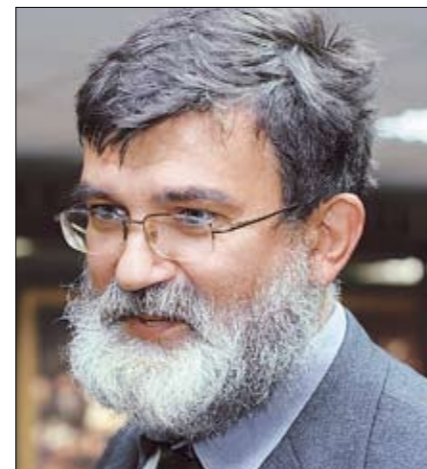

фото: протоиерей Игорь Гнелинцев

Смысловая география

Ярославль — город совершенно особый. Древние храмы и современные стадионы, тихие улочки и загруженные транспортом проспекты. Славное прошлое здесь причудливо переплетается с настоящим. Здесь — настоящее лицо России, срез нашей истории. Город Ярослава Мудрого вот уже почти тысячу лет очаровывает своих гостей и с оптимизмом смотрит в будущее.

Только факты

■ **Территория Ярославской области** составляет 36,4 тысячи квадратных километров. Расстояние от Москвы до Ярославля — 267 километров. Область разделена на 17 административных районов. Крупнейшие города области: Ярославль, Рыбинск, Переславль-Залесский, Тутаев, Углич, Ростов. В Ярославской области проживает 1386,3 тысячи человек.

■ **Область граничит** с Московской, Тверской, Вологодской, Костромской, Ивановской и Владимирской областями Российской Федерации.

■ **Ярославль был основан** в 1010 году на месте слияния рек Волги и Которосли князем Ярославом Мудрым. До 1218 года город был включен в состав Владимиро-Суздальского княжества, а затем стал центром самостоятельного удельного княжества. В 1463 году Ярославль вошел в состав Московского государства.

■ В конце XVI века мученическую кончину на Ярославской земле принял последний представитель рода Рюриковичей — святой благоверный царевич Димитрий Угличский.

■ В период польско-шведской интервенции начала XVII века Ярославль стал центром всенародного восстания. Именно здесь ополчение Минина и Пожарского готовилось к наступлению на Москву. В тот период Ярославль ненадолго стал столицей Российского государства.

■ В 1750 году в Ярославле открылся **первый в России драматический театр**. Его основателем стал драматург Федор Волков.

■ В 1918 году в городе **вспыхнуло крупное восстание против советской власти**. Восстание было подавлено, но за две недели немалая часть Ярославля буквально превратилась в руины.

■ В 20-30-е годы XX века Ярославль **формируется как крупный промышленный центр**. Здесь возникают завод синтетического каучука, моторный завод, нефтеперерабатывающий, асбестовый, электромашиностроительный, шинный заводы, радиозавод и другие, действующие по сей день.

■ **Рыбинское водохранилище**, которое в конце 30-х годов XX века планировалось как самое большое в мире искусственное озеро, образовано водонапорными сооружениями гидроузла, расположенного в северной части города Рыбинска Ярославской области. Во время строительства водохранилища было затоплено пять тысяч квадратных километров, расселено сто тридцать тысяч чело-

век. «Рукотворное море» до сих пор является предметом ожесточенных споров биологов, экологов и историков о допустимости вмешательства человека в устройство окружающего мира.

■ **На гербе Ярославля**, утвержденном в 1778 году, изображен медведь, держащий в левой лапе золотую секиру. Древний герб напоминает о том, что город Ярослава Мудрого был основан на месте древнего языческого поселения «Медвежий Угол».

■ **Виды Ярославля** можно найти на тысячной купюре Банка России. Многие ярославцы считают это символическим: в 2010 году город отметит свое тысячелетие.

■ **Имя небольшого города Пошехонье** в северной части области навсегда увековечено в названии одноименного сыра. Когда-то здесь существовало сыроваренное производство, где и родился уникальный рецепт молочного продукта из Пошехонья.

Инфографика Юрия Зеленицына

Архиепископ Ярославский и Ростовский КИРИЛЛ

■ В Ярославской области родились: поэт Леонид Трефолев, график и живописец Дмитрий Кардовский, первая женщина-космонавт Валентина Терешкова, аниматор Александр Петров, музыкальный критик Артемий Троицкий.

■ Немало святых были уроженцами Ярославской земли. Среди них благоверный князь Александр Невский, переподобные Сергей Радонежский и Серафим Вырицкий, праведный воин Феодор Ушаков.

■ Главной святыней Ярославской земли считается Толгская икона Божией Матери, которая была явлена в 1314 году. На месте явления чудотворного образа был основан монастырь, который в XX веке стал первой возрожденной на территории России женской монашеской обителью.

■ Ярославская епархия — древнейшая в России: первая архиерейская кафедра на территории области была основана в Ростове Великом в 991 году, на год раньше Великого Новгорода. В XVIII веке эту кафедру возглавлял святитель Димитрий Ростовский. Он известен прежде всего тем, что систематизировал жизнеописания большинства известных святых в многотомник «Четьи-Минеи», который до сих пор остается излюбленным чтением во многих православных семьях.

■ Сегодня в составе Ярославской епархии около 300 приходов, 18 монастырей, 11 подворий и один скит, 5 православных гимназий, школа звонарей, иконописная и регентская школы. Также открыт факультет теологии при местном педагогическом университете. ■

Губернатор Ярославской области Сергей ВАХРУКОВ

Ключ к будущему России

Я с болью смотрю на белокаменные стены кремля в Ростове Великом. Это величайшее сооружение, которому нет равных, наверное, нигде в стране. И в каком убогом состоянии находится этот прекрасный памятник!.. Неужели всю заботу об этом национальном достоянии обязан нести местный музей или все силы на его сохранение должны бросить власти Ярославской области? К сожалению, никаких региональных ресурсов и местных денег тут не хватит. А столичные бизнесмены интересуются Ярославским краем, только чтобы скупать для своих нужд сравнительно дешевую землю.

Я уверен, что ситуация обязательно изменится. Возрождение национальных святынь должно стать именно национальным делом, причастность к которому чувствует каждый гражданин страны.

Образование архиерейской кафедры в городе Ростове Великом произошло почти одновременно с просвещением Руси светом Православия. Многовековая история Ярославской земли неотделима от истории Российского государства. Все, что происходило в нашей стране на протяжении последнего тысячелетия, нашло свое отражение и в истории Ярославской губернии. Переславль-Залесский дал Родине святого князя Александра Невского, Ростов — преподобного Сергея Радонежского, Углич — царевича Димитрия, Рыбинск — святого праведного воина Феодора Ушакова и преподобного Серафима Вырицкого. Последнее столетие истории нашего края освящено кровью новомучеников и исповедников, которые, по примеру Ярославского митрополита Агафангела (Преображенского), показали стойкость в вере перед лицом боготорческой власти.

Сейчас русская провинция требует к себе внимания и особого отношения. Ведь наша история — это национальное достояние, и в ней мы можем найти немало поучительных и назидательных моментов. В ней — ключ к пониманию будущего нашей страны. Сегодня общество предаёт забвению свои святыни. Соотечественники все больше энергии, сил и средств отдают для того, чтобы увлеченно путешествовать за пределами России, совершенно не уделяя внимания родной культуре и истории.

Сегодня можно запросто встретить разрушенный храм, возле которого высится новенький особняк, принадлежащий богатому человеку. Но разве может уважающий себя гражданин строить личное благополучие на развалинах великой культуры? А то, что это происходит, говорит о потере чувства причастности к многовековой истории России. ■

ЯРОСЛАВЛЬ

Какие ассоциации у Вас возникают, когда Вы слышите название этого города?

История, древность, старина	20%
Золотое Кольцо России	13%
Церкви, храмы, памятники архитектуры, музеи	11%
Князь Ярослав Мудрый	9%
Замечательный город	7%
Денежная купюра 1000 рублей	6%
Волга, водохранилище	5%
Родственники, друзья, любимые, Родина	4%
Промышленность, заводы	4%
Россия, Русь	4%
Спортивные клубы: ФК «Шинник» и ХК «Локомотив»	3%

Опрос экономически активного населения России среди 1800 респондентов был проведён Исследовательским центром портала SuperJob.ru 17 декабря 2007 года.

Мужское имя	2%
Медведь	2%
Великий город, город-герой, гордость	2%
Учеба, студенчество	1%
Природа	1%
Отдых, экскурсии	1%
Театр им. Волкова	1%
Дословный перевод — «Слава солнцу!»	1%
Плач Ярославны	1%
Марка пива	1%
Другое	11%
Затрудняюсь / не хочу отвечать	16%

Игорь РОМАНОВ,

доктор социологических наук, руководитель проекта «Берег России»

От города музеев — к духовно-образовательному центру России

Ярославль находится недалеко от Москвы, в центральной части России, потому он более доступен взгляду путешественника, чем Хабаровск, которому был посвящен прошлый номер «Фомы». Отсюда и более адекватные представления о городе.

Результаты опроса четко показывают, что положительный образ Ярославля построен в основном на его историческом значении, культурном потенциале. А Ярославль современный, к сожалению, отчасти утратил свой вес в глазах россиян — большинство негатива в ответах относится именно к настоящему времени.

Между тем, «музейность» Ярославля как значимой точки одного из самых оживленных туристических маршрутов — достойная, но далеко не единственная роль, которую город может выполнять в сегодняшней России. Люди рвутся в Москву, толкаются в ней, наступая друг на друга и перемешивая грязь... А ведь совсем рядом существует прекрасный Ярославль — такой, каким мы его зачастую просто не знаем!

Сегодня этот город мог бы обрести былую славу и вновь стать духовным началом России — благодаря своему культурно-историческому потенциалу и своей провинциальности — в самом лучшем значении этого слова.

Пожалуй, вполне можно существенно снизить промышленную нагрузку, которую несет город. Ярославль все-таки — город храмов и монастырей. Причем монастыри, как это было в давние времена, способны выполнять мощную образовательную и воспитательную функцию. Постепенно, при государственной поддержке, основной среди местного населения стала бы ремесленная и сельскохозяйственная деятельность.

Исходя из этой образовательной и воспитательной роли города, необходимо менять акценты и в туристической политике. Туризм в Ярославле должен превращаться из развлекательно-любопытствующего занятия в развивающее. Ярославль должен стать центром просветительского туризма. А через реализацию комплексной миграционной политики в Ярославль можно обеспечить приток наиболее интеллектуальной и духовной части населения Москвы.

Уверен, что к тысячелетию этого прекрасного города необходимо разработать и уже начать претворять в жизнь долгосрочную программу превращения Ярославля в подлинный духовно-образовательный центр современной России. ■

Будущее немислимо без традиции

Ярославская область — уникальный российский регион. Мы живем на земле, где расположены сразу четыре города знаменитого «Золотого кольца России», среди которых подлинной жемчужиной был и остается Ярославль. Настоящим сокровищем Ярославского края можно назвать прекрасные храмы, которые создают его особый, неповторимый образ. Сегодня, после долгих лет забвения, храмы вновь оживают, открывая свои двери для прихожан. Ширится и крепнет просветительская деятельность Русской Православной Церкви, которая основывается на гуманистических ценностях, идеалах добра и справедливости.

Ярославль готовится встретить свое тысячелетие, оставаясь при этом молодым городом, устремленным в будущее. И это будущее немислимо без соблюдения вековых традиций наших предков, без искренней любви и веры. Администрация области активно сотрудничает с Ярославской епархией, и это сотрудничество будет только укрепляться. Я от всей души благодарю журнал «Фома» за внимание к нашему региону и сердечно приглашаю всех его читателей посетить наш гостеприимный край. ■

Старость как радость

Существует стереотип, что пожилые люди в Церкви — это недобрые, бесконечно шипящие на окружающих старухи. Не разбираясь толком в догматах веры, они бросаются поучать «бестолковую молодежь». Однако это поспешный и поверхностный взгляд. Ведь именно благодаря самоотверженности многих из этих женщин, их верности и любви, во время гонений советского времени церковная традиция в России не прерывалась. Именно они пронесли искреннюю веру через всю свою жизнь и передали ее нам, своим потомкам. Да и так ли уж сердиты и непримиримы они — бабушки нашей Церкви?

Таисия Закобьякинская

Успенский храм в деревне Закобьякино Ярославской области издали виден каждому, кто едет по дороге из Ярославля в Любим. Говорят, в старину звон церковного колокола был слышен в Костроме, до которой отсюда всего полсотни километров. Колокольню Закобьякинского храма проектировал и строил сам губернский архитектор Андрей Михайлович Достоевский, младший брат знаменитого русского писателя. Величественный храм окружает кладбище, за ним — раскинулось огромное поле, на другой стороне которого виден старый деревенский дом. В этом доме живет местная легенда — **Таисия Петровна Щеглова**, стараниями которой в советское время закобьякинский храм был спасен от закрытия и разорения. Таисия ожидает нас у ворот храма. На ногах — валенки, в одной руке — лыжная палка, в другой — видавшая виды деревянная трость.

— Вышла из дома на лыжах, а дорога-то такая, что можно пешком идти, — улыбается бабушка, — вот лыжи возле дома и оставила, а в храм с двумя палками пришла!

«Баба Тая», как называют Таисию в Закобьякино, действительно человек необычный. У нее своеобразная речь, наполненная давно забытыми в городе словами, веселый огонек в глазах и изумительная улыбка. В свои восемьдесят семь лет эта старушка держит в доме корову, двух телят и гуся, который «вместо собаки».

— Мы не устаем удивляться работоспособности и искренней вере Таисии Петровны, — говорит настоятель храма **священник Сергей Корсаков**. — У нее за плечами всего один класс образования, но мудрости в этом человеке столько, что на несколько академиков хватит!

Когда в послевоенное время закобьякинский храм остался без священника, Таисия взяла на себя управление приходом. Она исправно платила все налоги, на большие праздники выписывала из Ярославля священников.

— Для этого сначала надо было ехать к областному уполномоченному по делам религий, потом к владыке, я и ездила, — вспоминает Таисия Петровна, — а однажды и до Москвы добралась!

Она с улыбкой рассказывает, как ездила к председателю Совета по делам религий при Совете Министров СССР Владимиру Куроедову, чтобы уберечь приход от закрытия. Грозный чиновник, которого в то время боялись даже архиереи, принял малограмотную женщину, выслушал ее.

— Я ему говорю: «Сынок, не надо храм-то наш закрывать, где мы молиться-то будем?» А он мне просто так отвечает: «Да не волнуйся ты, Таисия, оставим твою церковь». Так храм и выстоял.

У Таисии Петровны семеро детей и тридцать внуков и правнуков, и эта энергичная женщина ни одного ребенка не рожала в больнице. Не из презрения к врачам, а потому, что некогда было по врачам ходить.

— Думаю, вроде, рожать пора, — рассказывает Таисия, — уйду куда-нибудь подальше, полосу дожинать, там и рожая, потом уже младенца домой в платье несу.

Правда, растить своих чад Таисии пришлось одной: она стала вдовой в возрасте двадцати восьми лет. Несколько раз власти пытались забрать детей из семьи: считали, что трудно вдове справиться с ними. Однако каждый раз заставляли дома одетых, обутих, умытых и довольных жизнью ребят.

Сейчас все дети разъехались к куда, вместе с мамой живет лишь одна из дочерей.

— А как съедутся сюда дети и внуки тети Таи, — рассказывает отец Сергей, — храм сразу становится полным. Мы их так и называем в шутку: клан Щегловых!

Таисия не в обиде на детей, что не остались жить в деревне. Она прекрасно понимает, что в развалившемся колхозе сегодня делать нечего. При этом бабушка никогда не интересовалась политикой и экономикой:

— Некогда замечать мне перемены в государстве — надо в церковь идти, здесь моя отрада! Ничего мне в этой жизни не надо. Золото клади — все равно убегу! Сделаю по дому все дела и бегу в храм Божий! Здесь — настоящая жизнь!

Рассказывают, что в деревне у Таисии Петровны есть завистники и недоброжелатели. Кто-то считает ее чуть ли не злой ведьмой, уж больно хорошо все у нее получается, и любые

Полтора километра от дома до храма Таисия Щеглова преодолевает пешком.

невзгоды она переносит с неизменной улыбкой. Вот и думают односельчане, что Таисия имеет дело с какой-то неведомой магией. Однако, глядя в чистые глаза этой бабушки, понимаешь, что тут дело не в магии, а в молитве и трудолюбии. Всем окружающим Таисия желает добра и любви к Богу:

— Детки мои, живите с Богом, не обижайте Его! Он всех вас видит и любит! Вот и нам надо любить Бога от всей души. Не забывайте о Церкви, не ленитесь трудиться, и все у вас будет хорошо!

Никого не оттолкнуть

Двадцать пять лет назад действующих храмов в Ярославской области было совсем немного, да и оставшиеся святыни постоянно находились под угрозой закрытия. В Воскресенской церкви села Красное Переславльского района в течение тринадцати лет несла послушание псаломщицы **Тамара Николаевна Житникова**. Сама по себе работа в Церкви в то время не сулила никаких благ: с детства будучи верующей, Тамара испытывала и презрение соседей, и гонения со стороны властей. А однажды она едва не стала жертвой бандитов.

После вечерней службы трое вооруженных преступников попытались проникнуть в церковный дом. Почуввав неладное, Тамара выбежала во двор и стала громко звать на помощь. Рассвирепев, бандиты схватили женщину сзади и нанесли ей семь ножевых ранений, едва не задев сонную артерию. Пострадал и настоятель храма: его ударили по голове топором и вонзили нож в спину. После нападения священник не прожил и двух лет... На суде преступники признались, что хотели ограбить храм и церковный дом, но благодаря подвигу настоятеля и псаломщицы у них ничего не вышло. За проявленное мужество Святейший Патриарх Пимен наградил Тамару Николаевну орденом Святого равноапостольного князя Владимира. Сегодня орденосносная псаломщица, принявшая монашество с именем Таисия, руководит хором в Покровской церкви города Переславля-Залесского. Этому храму монахиня отдала последние пятнадцать лет своей жизни. Примерно столько же за свечным ящиком здесь трудится **Маргарита Александровна Рыжова**. Сегодня мы разговариваем о том, что эти пожилые женщины знают лучше всего: об общении с приходскими в церковь людьми. Ведь

мои собеседницы — настоящее лицо Покровского храма. По долгу службы они встречают и провожают каждого заходящего сюда человека.

— Когда я делала свои первые шаги в храме, община в основном состояла из пожилых людей, — рассказывает Маргарита Александровна, — сегодня же у нас все больше молодежи. И мужчин стало больше. Помню, раньше всего один мужчина в церковь ходил, а теперь молодые ходят целыми семьями и детей в храм приводят.

— Ну, а как Вы думаете, современная молодежь как-то отличается от Вашего поколения?

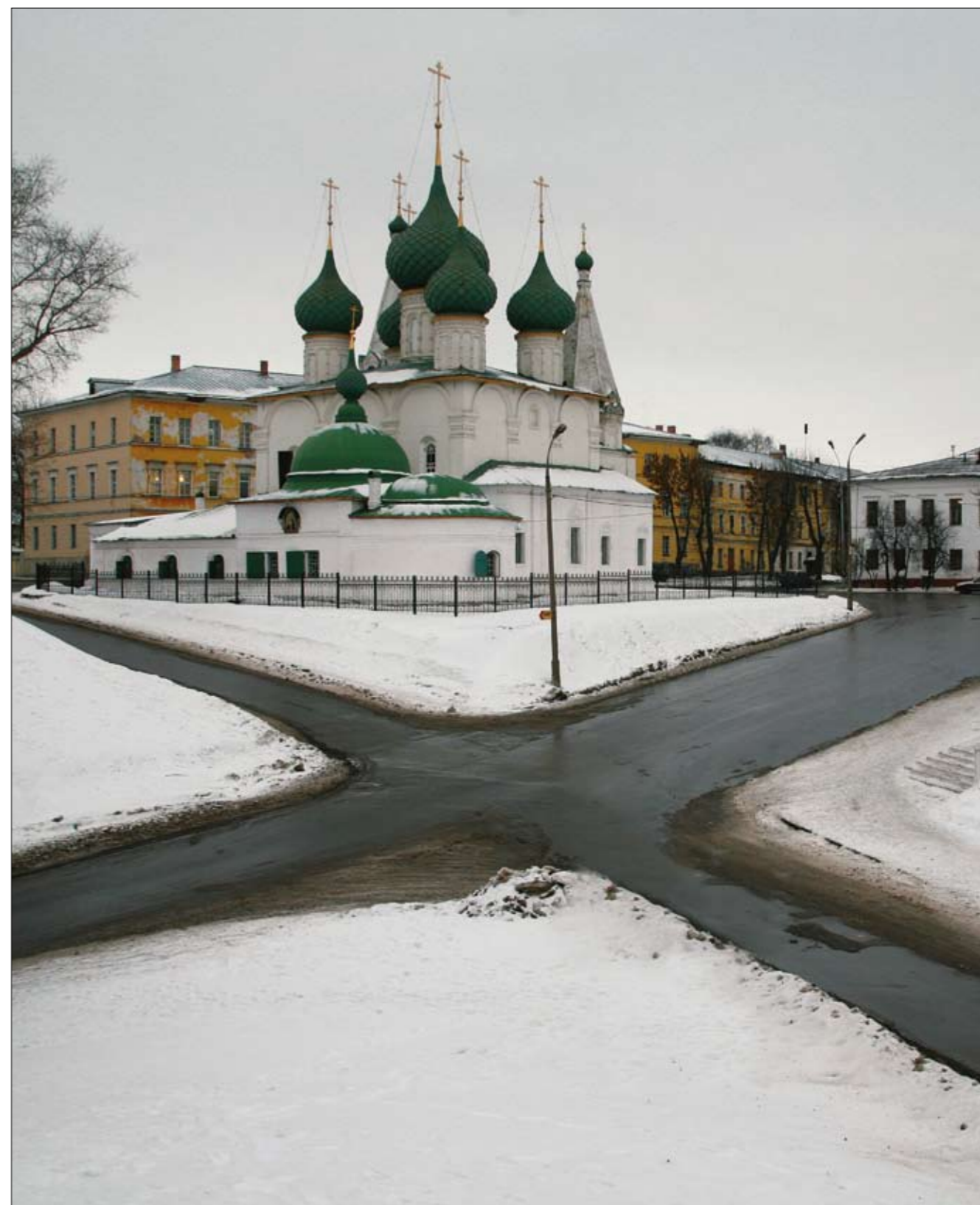
— Конечно, отличается, — уверенно отвечает Маргарита Александровна, — они лучше нас, сознательней! Если человек приходит в храм, Монахиня Таисия (Житникова).

он здесь остается: участвует в таинствах, детей своих к вере приобщает. А мы были не такие. Если и ходили в церковь, то только по большим праздникам, записочку написать...

Похоже, нам так и не удалось обнаружить в Переславле хрестоматийных сердитых церковных бабушек. Сами матушки называют свой храм гостеприимным и прилагают все усилия, чтобы хоть чем-то помочь каждому приходящему сюда человеку. Здесь тоже выдают длинные юбки и платки, хотя к дамской одежде церковные служащие относятся довольно спокойно:

— Если девушка в брюках или с непокрытой головой приходит просто свечку поставить, мы не заставляем ее надевать платок или юбку. А если приходит исповедоваться и причастаться — обязательно дадим

Храм Спаса на Городу находится в историческом центре Ярославля.

ей юбочку, раскрывает нам секреты своей работы Маргарита Александровна. — Когда видим, что как-то неправильно человек себя ведет, то потом, когда будет выходить из храма, сделаем деликатно замечание. Чтобы в следующий раз уже не ошибался. Главное в такой работе — никого не оттолкнуть от Церкви.

— Сегодня надо привлекать молодежь к храму, — говорит матушка Таисия. — Для этого нужны талантливые миссионеры и проповедники. Ну, а мы должны стараться быть примером для молодежи. Надо учиться смирению и терпению. Нельзя быть православным и допускать в своей жизни

раздражение или сквернословие. Ведь церковный человек, будь то священник или простой прихожанин, в глазах неверующего соседа отвечает за все Православие, и по нашим поступкам окружающие судят о всей Церкви.

Продолжение на стр. 100. ➔

Чему современная молодежь может поучиться у церковных бабушек?

Юлия СТИХАРЕВА, пресс-секретарь Ярославской епархии

Научиться быть русскими

■ Я всегда с восхищением смотрела на тех бабушек, которые пронесли веру в Бога через всю свою жизнь, несмотря на гонения и притеснения. В то же время у современного поколения абсолютно утрачено чувство национальной самоидентичности. Кто мы на этой земле: инопланетяне, европейцы или поколение «унисекс»? Те же из пожилых людей, которые всю свою жизнь оставались верующими, вместе с православной верой сохранили любовь и принадлежность к своему Отечеству. Во времена гонений они не клеймили Советскую власть, которая пыталась уничтожить религию, они, не вдаваясь в политические подробности, просто

любили свою Родину такой, какая она есть. И эта любовь горела в них так же ярко, как и любовь к Богу. Мне кажется, что как раз такого важного чувства нам сегодня не хватает. Мы должны осознать себя частью великой русской истории, должны почувствовать свою принадлежность к русскому народу. И этому чувству, сегодня почти забытому, молодежь может поучиться у церковных старушек.

К сожалению, все больше пожилых людей уходят из этого мира. И в ближайших планах епархии — издание книги о таких скромных подвижниках, чей жизненный опыт может послужить примером в том числе и для молодых людей.

Полина ЕРМИЛОВА, бухгалтер

Бабушки бывают разные

■ Православные люди старшего поколения гораздо ближе к той Церкви и той стране, которые существовали до известных событий 1917 года. Они представляют непрерываемую традицию веры, которая через века передавалась от матери к детям, от бабушки к внукам. А большая часть нынешних прихожан пришла в храм уже в сознательном возрасте, привнося в церковный дух свои привычки и свои представления о мире. Начитавшись сомнительных книг, сегодня многие верующие зачастую подменяют веру каким-то фанатизмом, не имеющим ничего общего с Православием. А ведь рядом с нами живут еще свидетели той, нерушимой традиции. У них многому можно поучиться!

Бабушки в церкви бывают разные. Среди них есть по-настоящему мудрые люди. Однако немало «церковных бабушек» занимаются тем, что постоянно ворчат на приходящих в храм людей. Дескать, свечку надо правильно ставить, в храм в брюках не ходить, это нельзя, то нельзя... Мне кажется, что ворчливость эта не является исключительно свойством, приобретаемым с возрастом. Когда они были молодыми, то так же ворчали на окружающих, только по другим поводам. Ведь если человек действительно верит, если вера его по-настоящему крепка, если он действительно считает себя православным, такой человек не будет задавать глупых вопросов и не будет давать глупых советов.

Священник Алексей КИРИЛЛОВ, настоятель Сретенского храма, храма Ильи пророка в городе Ярославле, секретарь Ярославской епархии

Семейные ценности

■ Мне очень нравится трепетное отношение многих пожилых людей к семейным ценностям. Многие представители старшего поколения выросли в больших семьях и привыкли помогать друг другу. Сегодня же большинство семей имеют лишь одного ребенка, а рождение второго считается чуть ли не подвигом. У меня пока двое маленьких детей, погодки, и сверстники нередко смотрят на нас с супругой как на чудачков. Более того, у пожилых людей сохранилось серьезное отношение к браку. Я вспоминаю свою покойную прабабушку, у которой муж пропал без вести во время войны. После этого вдова так и не вышла замуж, свято

сохраняя память о пропавшем супруге. Вообще, у нынешних стариков, переживших войну, я наблюдаю совершенно иное отношение к материальным благам. Они ценят то, что имеют, они знают, какой ценой достается хлеб, и неприязнательно к условиям жизни. Молодые же люди (я отношу это и к себе) выросли в относительном благополучии и зачастую не ценят того, что имеют, стремясь приобрести все больший комфорт и удовольствие.

Мне кажется, что своей жизнью наши старики заслужили гораздо больше того, что они имеют сейчас. И пусть уважение и забота молодого поколения станут для них наградой за их нелегкий труд.

Антон ЧЕРНИКОВ, студент Ярославской духовной семинарии

Бесценный опыт

■ Мне кажется, что главное достоинство пожилого человека — это его жизненный опыт. И важно, что этот опыт наших церковных бабушек зиждется на традиционных христианских ценностях. В детстве я часто общался со своей бабушкой и слушал ее истории, затаив дыхание.

Я уверен, если в церкви старушка ворчит на небрежно одетую девушку, она руководствуется исключительно благими побуждениями. Ведь пятьдесят лет назад людей воспитывали совершенно по-другому: то, что в те годы было попросту недопустимо, сегодня считается практически нормой. Другое дело, что пожилые люди так или иначе не готовы воспринимать современный мир с его

стремительным развитием. А молодежь, в свою очередь, не способна усвоить жизненный опыт старшего поколения, потому что говорит на другом языке. Возникает проблема коммуникации.

Как будущий священнослужитель, я понимаю, что в своем служении мне придется часто общаться с бабушками. На мой взгляд, в приходской работе очень важно уделять особое внимание пожилым прихожанам. Для этого можно организовывать воскресные чаепития для старушек, обсуждать с ними актуальные вопросы. Нужно мягко и деликатно объяснять церковным бабушкам, как следует общаться с приходящими в храм людьми, чтобы не отвратить от Церкви ни одного человека.

Продолжение со стр. 97.

Просфорница

Из окон храма святой великомученицы Параскевы Пятницы на Туговой горе открывается прекрасный вид на исторический центр древнего Ярославля. Сама церковь расположена в черте города, но находится достаточно далеко от оживленных улиц и дорог, ее окружают небольшие частные дома. Вокруг храма — кладбище, где среди могильных крестов возвышается памятный знак в честь героев блокады Ленинграда. В этом приходе всегда особо чтут не только церковные праздники, но и 9 Мая и 22 Июня: среди прихожан «Параскевы» немало ветеранов войны и жителей блокадного Ленинграда.

— Когда в начале девяностых храм вернули епархии, первыми сюда пришли именно старушки, — рассказывает настоятель церкви протоиерей **Димитрий Денисов**, — и всем им находилось занятие по душе. А молодежь потянулась уже за пожилыми.

С Туговой горы, среди многих святынь Ярославля, виден и купол храма Спаса на Городу. В этом храме исполняет послушание просфорницы скромная женщина, **Галина Павловна Догадкина**. Бои Великой Отечественной не затронули Ярославскую землю, но многие ее жители погибли, защищая Родину от врага. Одно из первых детских воспоминаний Галины Павловны — то, как в сорок третьем в дом принесли похоронку на отца. Следующая «страница» памяти — это день Победы, всеобщая радость и ликование.

Еще одно яркое впечатление детских лет — деревенский храм, куда девочку водили по праздникам. Хотя большую часть жизни храм оставался лишь образом прошлого: Галина жила «как все», временами вспоминая о Боге, но не воцерковляясь. А в храм ее не так давно привели большая горе и... преподобный Серафим Саровский.

Несколько лет назад в семье Галины Павловны случилась трагедия: она лишилась мужа и сына.

— Эта утрата настолько меня потрясла, — вспоминает Галина, — что я места не могла себе найти. Чтобы хоть как-то успокоиться, ходила в церковь, где часто просто стояла и плакала... В разные храмы ходила и однажды попала в храм Спаса на Городу. Простояла в слезах всю Литургию, а после богослужения священник объявил, что вечером в храме будет служить акафист преподобному Серафиму Саровскому.

Галина Павловна и ее просфоры.

Тогда Галина впервые услышала слово «акафист». А возвращаясь из церкви домой, она обратила внимание на лежащую на асфальте, возле выброшенной кем-то коробки, размокшую под дождем небольшую книжку. Галина наклонилась над книжкой и замерла от неожиданности: на мокрой обложке было написано: «Акафист преподобному отцу нашему Серафиму Саровскому чудотворцу». С того самого дня Галина Павловна стала постоянной прихожанкой храма Спаса на Городу, где один из приделов освящен в честь этого святого. А найденная на улице книжка заботливо высушена, отгла-

жена и лежит на почетном месте — перед иконами в красном углу.

Оказавшись в храме, Галина Павловна сразу предложила приходу свою помощь. Она что-то шила для церкви, выполняла различные поручения, а два года назад стала просфорницей. Каждую неделю ее квартира наполняется ароматным запахом квасного теста. Галина любит свое послушание и охотно рассказывает нам об искусстве выпечки просфор, честно признаваясь, что освоила это дело далеко не сразу.

— До сих пор могу иногда что-то сделать не так, — говорит она, — но я стараюсь!

Галина Павловна не стыдится преклонных лет и не пытается молодиться, но на «классическую» старушку она все равно не похожа! В свои семьдесят она выглядит очень бодро и по сей день продолжает работать. Впрочем, за два часа нашего общения Галина ни слова не сказала о своей работе, зато с большой охотой рассказывает обо всем, что связано с ее родным храмом. Когда просфорница говорит о Церкви, на ее лице появляется радостная улыбка. Как ремонтировали храм, какие проповеди произносит настоятель отец Сергей, какие иконы особо почитают прихожане — об этом она готова говорить часами.

— В Церкви я нашла свое место, нашла себя, — радуется Галина. — Наш приход — это большая дружная семья. Здесь мне помогли пережить то, что нельзя пережить одной...

Временами в наш разговор вмешивается симпатичный кот по кличке Клепа.

— Кот-то у меня тоже церковный, — говорит Галина, поглаживая любимца. — Батюшка наш как-то шел мимо помойки и слышит мяуканье, жалобное-жалобное. Оказывается, кто-то в пакете выбросил новорожденных котят. Батюшка их в храм принес, так мы этих малышей всем приходом молоком из пипетки вскармливали. Клепа — один из них.

Когда разговор заходит о нравственном состоянии нашего общества, Галина Ивановна заметно грустнеет.

— В молодости мы не знали Бога, но отношения между людьми были чище. Я выросла в деревне, и у нас невозможно было встретить девушку с сигаретой или с бутылкой пива. Не принято было и ругаться. Я тридцать лет прожила с мужем и ни разу от него скверного слова не слышала! А сегодня мат звучит на каждом шагу, и особенно преуспевают в этом, как ни странно, именно девушки. Молодежь думает о модной одежде, вещах каких-то. У меня же в молодости было одно платье и я нисколько не переживала по этому поводу! Все жили примерно одинаково и не стремились перещегоолять своего соседа.

Однако наша героиня обобщать не стремится. Сегодня в храмах немало молодежи, и эта церковная молодежь Галине Павловне очень симпатична. Впрочем, верующие молодые люди остаются среди своих сверстников белыми воронами, ведь их пока что очень и очень мало.

— Если юноша или девушка приходят в храм, их нельзя выгонять, — считает просфорница. — Если, к примеру, девушка впервые пришла в Церковь, ей можно позволить прийти в брюках и в косметике. А в следующий раз она оденется в храм

более пристойно. Человек должен осознать, что он пришел не в кино-театр, а в Дом Божий, и вести себя здесь надо подобающе. А понимание такое приходит не сразу.

Кстати, для впервые приходящих в храм девушек в Спасе на Городу также предусмотрены платки и длинные юбки, которые выдают при входе. Они пользуются особой популярностью у тех, кто заходит в храм лишь изредка.

А есть ли в храме «злые старушки», которые выгоняют из храма молодежь и шипят на тех, кто по какой-либо причине не знает церковных правил? Галина Ивановна таких старушек не видела. И убеждена, что выгонять молодых людей из храма ни в коем случае не надо. Выгоним одного, выгоним второго — и к нам никто больше не придет. Нужно относиться к людям и их ошибкам с терпением и любовью.

«Полезная» кнопка

Благочинный Любимского округа Ярославской епархии **иеромонах Вениамин (Райников)** вырос и учился в Санкт-Петербурге. Последние несколько лет своего служения он общается в основном с пожилыми прихожанами. Почему? Да потому, что молодые люди все чаще уезжают

Эти печати для просфор привезены в Ярославль из Сергиева Посада.

Прихожанка храма Параскевы Пятницы на Туговой горе Клавдия Евстафьевна Иванова имеет как фронтовые, так и церковные награды.

из сельской местности и в деревнях остаются только бабушки. И если в мегаполисах можно встретить немало «молодежных» приходо-в, и их число даже растет, то в провинции подавляющее большинство прихожан — люди преклонного возраста. В свою очередь, такое обилие пожилых людей в наших храмах становится одним из аргументов для молодежи, чтобы не идти в Церковь. Дескать, кому интересно со старухами-то...

Как бороться с этим стереотипом, я до конца не знаю, — говорит отец Вениамин, — но стараюсь больше общаться с молодежью, чтобы развеять миф о «дремучести» Церкви.

Впрочем, и сами бабушки, как свидетельствуют ярославские священники, не всегда гостеприимно относятся

к приходящим в храм молодым людям, например, выгоняя из храма одетых «не по форме». Отсюда и рождается распространенный стереотип о негостеприимности пожилых прихожанок.

— Проблема «злых» старушек кроется в советском прошлом нынешних бабушек, — считает протоиерей **Димитрий Денисов**. — Нынешние пожилые прихожанки в большинстве своем пришли в Церковь уже в пенсионном возрасте, это «советские» бабушки, бывшие активисты партии и комсомола. Вот и получается, что они, как старшие по возрасту, пытаются привить молодежи какой-то опыт, а опыта-то нет еще, только первые шаги в Церкви делают! Таких бабушек нужно аккуратно направлять, чтобы учились со всеми разговаривать ласково.

Главная проблема человека пенсионного возраста — проблема занятости. Людям, десятилетиями привыкшим трудиться, как воздух, нужно какое-то занятие, чтобы ощутить свою нужность, чтобы продолжать приносить пользу людям. В Ярославле нам рассказали историю о пожилой прихожанке, которая по старости и по слабому здоровью просто неспособна была выполнять какие-то обязанности по храму, но очень хотела помогать настоятелю. Сначала священник пытался заставить ее просто ходить в храм и молиться, но бабуля, выстаивая долгие службы, постоянно требовала для себя какой-нибудь работы. И батюшка нашел неожиданный выход. Устанавливая в храме сигнализацию, он провел в ее дом тревожную кнопку вызова милиции. Жизнь старушки буквально преобразилась. Она поставила возле кнопки кровать, стала внимательно следить за поведением сигнализации и... вновь ощутила себя *нужным человеком*.

***

Среди десяти заповедей Моисея есть одна, призывающая почитать отца и мать. И исполнение этой заповеди не ограничивается естественной любовью к родным маме и папе. Наравне с родителями мы почитаем бабушек, прадедушек и всех людей, которые старше нас. Недаром на Руси бытовало обращение «мать» и «отец» по отношению к пожилым людям. Давно замечено, что многие наши поступки, плохие и хорошие, обладают эффектом бумеранга. Забросишь куда-нибудь свой гнев или зависть — и они к тебе обязательно вернуться, неожиданно ударив прямо по голове. Сделаешь милость — и она к тебе возвратится. В обмен на почтительное отношение к отцу и матери Господь обещает нам... безмятежную старость.

Любить стариков мы должны вне зависимости от того, ворчат они на нас или мило улыбаются. Любить просто за то, что они — наши предки, они старше нас. А еще потому, что отбросив рано или поздно молодецкую прыть и богатырское здоровье, все мы станем требующими к себе внимания, зачастую ворчащими и поучающими юных да неопытных стариками. Только понять это надо прямо сейчас, когда у нас еще есть возможность научиться любить и прощать наших стариков. Пока они еще с нами... ■

Денис МАХАНЬКО
Фото Владимира ЕШТОКИНА

Пространство культуры

Иосифляне, нестяжатели и ИНН

Нередко, стремясь обличить Церковь в грехе корыстолюбия, в качестве исторического аргумента вспоминают конфликт между так называемыми «иосифлянами» и «нестяжателями». В его основе — вопрос, могут ли, имеют ли право монастыри владеть имуществом (в том числе и крепостными крестьянами). Что же, однако, реально стояло за богословскими коллизиями далекого XVI века? И какое все это имеет отношение к современной церковной жизни? Об этом мы беседуем с историком Николаем ЛИСОВОЙМ.

Мифология борьбы

— Николай Николаевич, всякий образованный человек слышал про конфликт нестяжателей и иосифлян. Первые, мол, хорошие, вторые — плохие. Как Вы думаете, почему популярна такая позиция?

— Причина тут очевидна — обосновать «историческими аргументами» свое неприязненное отношение к Православной Церкви и желание всячески ограничить ее влияние.

К сожалению, современный человек не любит докапываться до истины, зато с легкостью доверяет мифам.

— По-вашему, конфликт нестяжателей с иосифлянами — тоже миф?

— Да, и «мифология» эта начала складываться очень давно, едва ли не с того же самого XVI века. Вот где жил преподобный Нил Сорский, учил, что монахи не должны владеть никаким имуществом, а кормиться лишь трудами рук своих да подавать. И был такой Иосиф Волоцкий, который хотел (искажая тем самым суть христианства), чтобы монастыри владели богатствами, чтобы они угнетали крестьян... И была между ними борьба, в которой злые и жадные иосифляне победили добрых и бескорыстных нестяжателей.

— А что здесь неправда?

— Да буквально всё. При жизни преподобных Нила и Иосифа внутри Церкви, внутри русского монашества не было таких противоборствующих группировок — иосифлян и нестяжателей. Как не было и никакой борьбы между ними.

Это в немецкой исторической школе, гегельянской и постгегельянской (в том числе марксистской) возникло «диалектическое» представление, что всегда и всюду непременно

должна быть «идейная борьба». Германские историки раннего христианства и жизнь Церкви моделировали по этим светским образцам. Вспомним хотя бы тюрингенскую школу, противопоставлявшую христианство апостола Петра христианству апостола Павла — как якобы совершенно разные, несовместимые друг с другом учения. Но в церковной жизни все устроено гораздо сложнее.

Нил и Иосиф: что они думали на самом деле?

Преподобные Нил и Иосиф действительно по-разному представляли себе, как должно быть устроено монашество. Но сразу подчеркну — между ними не было никакого *непримиримого* противоречия.

Преподобный Нил Сорский считал, что для монаха лучше спастись не в монастыре, а в скиту, наподобие тех, которые он видел на Афоне, где прожил несколько лет. Поясню, что такое скит. Представьте в центре храм, а по периметру, «на расстоянии голоса» друг от друга, несколько изб — монашеских келий. На древнейших

миниатюрах их обычно изображалось двенадцать. Монахи живут уединенно, собираясь лишь в храме на богослужение. Каждый сам молится, сам зарабатывает на пропитание каким-нибудь ремеслом. Если нужна, например, ряса — сам покупает материал, сам шьет или на свои деньги заказывает.

Совершенно иначе устроена жизнь в общежительных монастырях, активным сторонником которых был преподобный Иосиф Волоцкий. Монастырь ведет общее хозяйство, монахи вместе трудятся, вместе питаются. Все необходимое каждый получает из общего имущества. Нужна тебе ряса — идешь к игумену за благословением, тот благословляет эконома выдать тебе рясу. Нужна тебе книга — берешь у игумена благословение взять из библиотеки в келью книгу. Она не становится твоей собственностью, ее придется вернуть. Очевидно, что гораздо ближе к идеалу евангельского нестяжания («отдай последнюю рубашку») оказываются иноки не скитские, но живущие по общежительному, «коммунистическому» уставу Сергия Радонежского и Иосифа Волоцкого. Это у них лично совсем ничего своего, полное нестяжательство.

■ Николай Николаевич ЛИСОВОЙ родился в 1946 году в городе Станиславе (ныне — Ивано-Франковск). Окончил в 1967 году Московский государственный заочный педагогический институт, в 1972 году — аспирантуру Института философии. Ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, заместитель председателя Императорского Православного Палестинского Общества, доктор исторических наук.

фото Владимира Ештокина

У монастыря же как хозяйствующего и правового субъекта собственности есть. А скит? Он ведь тоже не может без монастыря. Потому что он, в церковном отношении, просто не является субъектом правовым. Ответственность за него несет монастырь, при котором этот скит создан, на земле которого он располагается. Обратите внимание, без монастыря скит существовать не может.

Ничего плохого в скитском устройении иноческой жизни нет, но это путь немногих. Перестроить жизнь всего православного монашества по скитскому образцу — как мечтали, может быть, некоторые последователи преподобного Нила Сорского, — несбы-

точная фантазия. Сам преподобный, между прочим, необходимость монастырей вовсе не отрицал. И скит, в котором он подвизался, был приписан к богатейшему, многовотчинному Кирилло-Белозерскому монастырю.

— А что, из разницы в бытовом устройении монашеской жизни следуют и более серьезные различия?

— Да, именно так. Нил Сорский, по сути, говорит: мы должны больше внимания уделять молитве, умному деланию, созерцанию, размышлению над Словом Божиим и трудами святых отцов... Если мы будем заниматься экономикой, освоением земли, возведением здания культуры — времени на

непрестанную молитву у нас не хватит. Поэтому мы можем лишь питаться от рук своих, занимаясь только тем, что, по словам апостола Павла, не отвлекает от богомыслия: плетением корзин или иным каким рукоделием... А когда Нила Сорского спрашивали, надо ли помогать ближнему, надо ли подавать милостыню — да, говорил он, надо, если у тебя что-то есть. А если ничего нет — значит, можно этого не делать.

Подход Иосифа Волоцкого иной: нужно, чтобы было чем подавать милостыню и чем в голодные годы питать целую округу. В этом случае монастырь становится мощным очагом хозяйствования, независимым от государственных или боярских, вооб-

Дмитрий ВОЛОДИХИН,

к. и. н., доцент исторического факультета МГУ, главный редактор журнала «Русское средневековье»

Иосифлянство как путь выживания Церкви

■ Николай Николаевич Лисовой прав в главном: святые Нил Сорский и Иосиф Волоцкий сформулировали принципиально совместимые идеалы монашеской жизни, не отрицавшие, а, скорее, дополнявшие друг друга. Справедливо и то, что российская интеллигенция создала миф о «садистической жестокости» и «бездуховности» иосифлян, рядом с которыми расцветал «тонкий интеллектуализм» и «подлинная духовная свобода» учеников Нила Сорского. Между тем иосифлянство во многом представляло собой естественную реакцию церковного организма на давление со стороны государства. Во второй половине XV — первой половине XVI столетия наша Церковь постепенно теряла былую общественную самостоятельность, все больше и больше подчиняясь воле московских государей. Залогом сохранения последних остатков прежней ее свободы явилась самостоятельность экономической. Пока Церковь располагает собственными экономическими ресурсами (в частности, землей), она не становится в положение нищего, который бредет к высокому крыльцу государственной машины с мольбой и протянутой рукой. И, соответственно, Церковь не превращается в одно из административных подразделений государства, что само по себе наложило бы на нее стеснительные обязательства, жесткие официальные ограничения, — как это и произойдет в Синодальный период.

Однако есть несколько фактических моментов, нуждающихся в уточнении. Так, например, отношения «старшего

поколения» иосифлян и нестяжателей не были столь уж мирными и безоблачными. На церковном соборе 1504 года сталкивались их мнения по поводу отношения к еретикам: позиция преподобного Иосифа Волоцкого была жестче, она и возобладавала в конечном итоге, а позиция преподобного Нила Сорского отличалась большей мягкостью.

Кроме того, в строгом смысле слова крепостных крестьян в конце XV и начале XVI столетия на Руси еще не было. Все крестьяне тогда имели право покинуть землю, которую они обрабатывали, заплатив за пользование ею «пожилое» — не столь уж фантастическую сумму... Закрепощение обрушится на них в конце XVI века, а юридически закреплено будет лишь в 1649 году.

Наконец, старая позиция исторической науки относительно того, что в начале XVI века свободных земель на территории Московского государства не осталось, в настоящее время поставлена под сомнение.

Однако эти детали не меняют общего вывода: путь иосифлянства оказался для Церкви маршрутом выживания, никоим образом не исключавшим ни духовной свободы, ни «тонкого интеллектуализма», ни высокого благочестия, ни святости. Например, строгий «иосифлянин» митрополит Московский Филипп (1507–1569), долгие годы руководивший Соловецким монастырем как «крепкий хозяйственник», оказался готов к величайшему самопожертвованию, когда этого потребовало его пастырское звание. ■

фото Владимира Ештокина

ще чьих-либо частнособственнических ресурсов. Более того, в трудную минуту он сам может оказать помощь и государству, и ближнему. Нужен царю займ для войны — он просит у монастыря, нужно в голодные годы округу кормить — монастырь кормит, нужно просвещение в народ нести — создаются школы, нужно больных лечить — устраиваются монастырские лечебницы.

Нил Сорский не создает школ, да и не ставит такой задачи. Он

говорит: нет, ты должен у себя в келье очистить храмину собственной души и заниматься богомыслием и молитвой. Разумеется, это необходимо, это и называется «умным деланием», «монашеским деланием». Но роль монашества в Церкви одним только исихазмом* не исчерпывается. «Умное делание» и забота о людях, социальное служение — два полюса единой системы. Они друг друга не отрицают, но дополняют.

— А каковы были личные отношения между Нилом Сорским и Иосифом Волоцким?

— Да, прекраснейшие были отношения! Иосиф Волоцкий посылал к Нилу Сорскому своих учеников. А руке Нила Сорского — и это потрясающий факт! — принадлежит древнейший список «Просветителя» Иосифа Волоцкого — книги, которую до сих пор кое-кто обличает как мракобесную. Кстати, делают это те же самые люди, которые противопоставляют

*Мистическая традиция богосозерцания в Православной Церкви. — Ред.

«жестокому» Иосифу Волоцкому «либерального» Нила Сорского.

Между прочим, некоторые исследователи готовы даже приписать не Иосифу, а Нилу авторство краткой, первоначальной редакции «Просветителя», раз, мол, его рукой написан древнейший список. Ясно одно — вопреки расхожим представлениям, оба преподобных были настолько близки друг другу в своем учении и иноческом делании, что Нил Сорский воспринимал Иосифова «Просветителя» как собственную книгу, переписывал, давал читать другим.

Подоплека событий: взять и поделить

— Но когда же и откуда возник миф о добрых нестяжателях и злых иосифлянах?

— Причина его возникновения проста — стремление тогдашней (тем более — позднейшей) государственной власти и правящей элиты наложить лапу на церковное имущество. И это вполне закономерно. Основа феодального государства — дворяне. То есть те, кто верой и правдой служат при дворе Великого князя. Но ведь их надо содержать. А как? Да сделать помещиками — поместить на землю, выделить им села, дать крепостных крестьян. «Бесхозных» земель к началу XVI века почти не осталось. И тут взор государства обратился к землям церковным. Оказалось, что их у Церкви немало. Взять бы все это — и поделить.

Стремление государства национализировать церковное и монастырское достояние прослеживается от времен Ивана III до Екатерины II (а по сути — вплоть до большевистского «изъятия ценностей» в 1922 году). Разумеется, нужен был благовидный предлог.

«А вам ничего не надо — вы же монахи! Вы отреклись от мира, вы от всего отказались. Зачем вам собственность, зачем земли, деревни, богатства? Вы все должны отдать государству — государство уж позаботится о своих подданных. А вы должны Духом Святым питаться, молиться на голодном пайке. Так что мы всё заберем...»

Важно понимать: спор о монастырском землевладении, возникший на Соборе 1503 года, — это не результат каких-то глубинных процессов, происходящих в Церкви, а реакция на поползновения государственной элиты прибрать к рукам церковное достояние. Именно против этого выступил Иосиф Волоцкий. Под его влиянием Собор принял историческое решение, что «церковное стяжание — Божие стяжание есть». И это не было новшеством — напротив, это полностью соответствует всем канонам и обычаям Церкви: церковное имущество не подлежит ни национализации, ни приватизации, ни использованию в неподобающих целях.

Но пока живы были великие основатели монастырей, Нил Сорский и Иосиф Волоцкий, которые дружили между собой, одни и те же книги читали, учениками обменивались — все было хорошо, национализировать монастырские земли под флагом «нестяжания» государство не пыталось.

Однако потом наступила эпоха учеников. А ученики бывают разные. И вот среди «учеников» (именно так, в кавычках!) преподобного Нила Сорского появляется идеолог антииосифлянства и национализации церковных стяжаний — Вассиан Патрикеев. Кто он такой? Это опальный боярин, крупный государственный деятель, который обижен на весь

мир за то, что попал в опалу, его насильственно постригли в монахи. И потому он пытается самоутвердиться. По-человечески вполне понятно.

И как же он самоутверждается? Он говорит: вы, монахи, плохие, вы неправильно живете. На Афоне иноки не так живут — вот, старец Максим Грек подтвердит. А тот приехал в Москву с Афона в 1518 году, через два года после смерти преподобного Иосифа Волоцкого, не зная русского языка, не разобравшись в духовной и политической ситуации, не понимая, что его используют в политической интриге. Он просто засвидетельствовал, что на Афоне у монастырей нет сел. А там действительно села монастырям не принадлежали. Нет на Афоне сел. Зато полностью принадлежали земли и прочее имущество — ведь Афон передан в собственность монахам еще византийскими императорами, и этого не оспаривали потом даже турецкие султаны. Афон донине напрямую подчиняется Константинопольскому Патриарху.

Так вот. Ни у одного из афонских монастырей (территория полуострова поделена между двадцатью старшими или «владельческими» обителями) даже купить земли для основания нового, например, скита нельзя — она настолько «их», навеки их, что никаким формам отчуждения не подлежит. Но можно купить землю в аренду и построить на ней, оставшейся собственностью монастыря-хозяина, свой скит или келию. Зато вне Афона собственность, в том числе имения, подворья, доходные дома, те же самые монастыри (и даже скиты-арендаторы) вполне могут иметь. Такая вот иерархия монастырской собственности...

В общем, благодаря Вассиану Патрикееву и его сторонникам и

родился тот самый миф о добрых нестяжателях и злых иосифлянах. Он поддерживался, с одной стороны, духом боярской фронды (ведь иосифляне поддержали и венчали на царство Грозного), с другой стороны, при Петре и Екатерине II — официальной позицией «просвещенных» дворян и их учителей-иностранцев и масонов. Позднее, уже в XIX веке, его подхватила либеральная критика, которой он был на руку, ибо способствовал идейной борьбе с Церковью.

Без Салтычих

— А почему же все-таки русским монастырям принадлежали не просто земельные угодья, а именно села с крепостными крестьянами? Многие наши современники уверены, что Церковь сознательно закрепощала крестьян...

— Исторически сложилось так, что монастыри не приватизировали недвижимость — бояре и князья, умирая или постригаясь в монашество, зачастую отписывали им свои земли со всем, что на них было — селами, деревнями, крестьянами. Так происходило вплоть до XVIII века.

Но у этой медали есть и другая сторона. Дело в том, что монастырским крестьянам жилось гораздо лучше, чем помещичьим. Справедливости ради замечу, что государственным крестьянам жилось еще лучше — скажем, на русском Севере, где крепостного права фактически и не было. Но давайте сравним крестьянина, принадлежащего монастырю, с крестьянином помещичьим.

Монастырские крестьяне были в духовной опеке у соответствующего монастыря, который заботился об их «окормлении» как духовном, так и физическом (пропитании в голодные годы), следил, чтобы не было пороков, ведущих к разорению крестьянского хозяйства — пьянства, азартных игр и тому подобного. В монастырских вотчинах невозможны были ужасы крепостного права, которые знакомы нам из истории и литературы. Не было извергов вроде Салтычихи, не было помещичьего самоуправства, не было насилия над женщинами, которое процветало в дворянских усадьбах вплоть до отмены крепостного права в 1861 году, не было «права первой ночи» и помещичьих гаремов. Крестьян не продавали, не проигрывали в карты, не выменивали... Вот для примера. Лермонтов в 1841 году, в одном из последних писем просит бабушку: мне

нужно новый мундир справить, ты продай пару-тройку крепостных и пришли денег. В монастыре такого просто не могло быть. Да, крестьяне работали на монастырь, но и монастырь работал — и не на «монаха-эксплуататора», будь то настоятель или, тем более, простой инок. Монахи работали тоже — в том числе и на крестьян своей округи.

Я не хочу сказать, что иметь села с крепостными крестьянами — нормально для монастыря вообще, в любую эпоху. Но в тех исторических обстоятельствах, в условиях феодальной Руси это было естественно и неизбежно. И это было не худшим вариантом, прежде всего для самих крестьян.

К сожалению, большей части нашей интеллигенции присуще стремление выносить моральный приговор тем или иным историческим реалиям, исходя из современных этических представлений. Куда как приятно думать, что мы, люди XXI века, лучше, умнее и добрее тех, кто жил «в темном средневековье».

Но ведь наши современные пред-

ставления, между прочим, полностью основаны на европейской либеральной модели, то есть, в сущности, на протестантской этике, которая не признает ни Церкви как института, ни святости. Не признает не только монастырского землевладения, но и монастыря вообще. Со времен Лютера в европейской культуре угнездился стереотип, будто монах — это толстопузый тунеядец. Это же не Ленин первым сказал, не Емельян Ярославский — а Лютер. Вы поезжайте в Англию и посмотрите на знаменитые развалины средневековых аббатств, которые мы помним по романам Вальтера Скотта. Откуда они там взялись? Туда что, варвары вторглись? Нет, это благочестивые протестанты в XVI веке разрушили все монастыри в Англии, уничтожили все хранившиеся там святые мощи, надругались над святынями.

Да, подлинный ужас в том, что очень многие наши представления выросли из протестантского антицерковного мировоззрения. При слове «Церковь» мы автоматически пред-

ставляем себе пытки инквизиции — и противостоящие ей свободные умы Коперников и Галилеев, нищету и голод угнетаемого крестьянства — и поддерживающее и благословляющее угнетателей великолепие риз, храмов, золотых окладов...

Но давайте задумаемся, а могла ли тогда (и должна ли сегодня) Церковь быть иной? Без церковной и монастырской собственности, без монашества, без теснейшего взаимодействия с государственной властью и с культурой? Эта «иная Церковь» оказалась бы просто досужей выдумкой, фантазией — или какой-нибудь сектой. В православном мире такое невозможно. Православие не витает в облаках. Интересно, кстати, сравнить икону Преображения Господня в православной иконографии и в католической. Там Господь и Илия с Моисеем левитируют над скалой. У нас они всегда прочно стоят на скале. И это ничуть не мешает Фаворскому свету.

Именно поэтому совершенно неправильно думать, будто молитвенное делание нестяжателей, исихастов типа Нила Сорского в чем-то противоречит монастырскому хозяйствова-

нию и социальному служению Иосифа Волоцкого. Нет такого противоречия.

«Нестяжательство» и проблема ИНН

— Можно ли сказать, что спор иосифлян с нестяжателями — это далекое прошлое, представляющее лишь исторический интерес, или проблема актуальна до сих пор?

— Тут прежде всего надо понять, что противопоставление «стяжательства» и «нестяжательства» — это лишь одно из проявлений гораздо более глубокой проблемы, а точнее говоря, антимии, присущей церковной жизни. С одной стороны, Царствие Божие не от мира сего, по словам апостола Павла, не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего (Евр 13:14). И люди, взыскивающие духовных высот, уходили от мирской суеты в пустыню — так и родилось монашество. С другой стороны, Церковь призвана спасать людей, живущих в миру, — и потому должна христианизировать мир, воцерковлять культуру, воцерковлять государственное управление. Все это — условия

спасения большинства христиан. Да, подвижник-исихаст может жить в пустыне и созерцать Фаворский свет, и не нужны ему для этого ни книги, ни иконы, ни даже богослужение. Но как с остальными-то быть, на такие подвиги неспособными?

И потому Церковь существует между этими двумя полюсами, в каждом из которых есть своя правда, но которые уравнивают и дополняют друг друга.

Так вот, «нестяжательство» — в том смысле, в каком его уже начали понимать после Вассиана Патрикеева, — это выбор одного из полюсов в ущерб другому. Это бегство из мира, это отказ от ответственности за души подавляющего большинства христиан.

Если же смотреть исторически — вставал ли и в дальнейшей жизни нашей Церкви вопрос о нестяжательстве — то нужно говорить о двух периодах. С 1516 по 1916 годы никакой проблемы «нестяжания» не существовало. В Церкви победили здоровые силы — те, которые были за воцерковление культуры и государственности, а не за уход из истории. Но в XX веке — как это всегда бывает в эпоху крушения, в эпоху страшных катаклизмов — спор разгорелся с новой силой. В 1920-е годы органами ОГПУ был спровоцирован обновленческий раскол в нашей Церкви. А что такое обновленчество? По сути, это уродливая, вырожденная форма нестяжательства. Что это вы, толстопузые монахи, золото на себя нацепили? Вы его отдайте голодающим Поволжья! Вы священные сосуды отдайте, вы храмы отдайте, вы в рубище оденьтесь, опроститесь (сейчас-то мы знаем — ничего из изъятых церковных ценностей голодающим не досталось)!

«Нестяжательство» обновленцев вообще отменяло институт монашества и в конце концов скатилось к самому радикальному протестантизму. Причем ведь очень многие из духовенства за ними пошли... Был соблазн, был.

— Но обновленчество — это тоже история. А вот сейчас, в наши дни?

— А вот вам, пожалуйста, движение против ИНН, которым увлеклись даже некоторые очень уважаемые наши батюшки, аскеты и молитвенники. Они готовы на костер пойти, лишь бы ИНН не допустить. Патриарх сказал, что нет в ИНН никакой проблемы, Священный Синод постановление принял, Богословская комиссия

Защитить самое дорогое

Никто лучше любящих родителей не чувствует хрупкость и беззащитность своего чада. Голос вашего сердца может быть не только выражен в словах, но и запечатлен в образе чудотворной силы, способной предохранить малыша от невзгод. Образ этот — Мерная икона. Целительницей и защитницей называли эту икону наши предки и дарили на Крестины или в День Рождения. Мерную икону заказывают в честь Святого, именем которого назван малыш, и изготавливается она специально по мерке ребенка: высота доски иконы, на которой в полный рост написан образ небесного Покровителя, в точности соответствует росту ребенка при рождении. Заказать Мерную икону вы можете на сайте micon.ru, а также приехать в саму иконописную мастерскую «Мерная икона».

Мастерская Мерная Икона

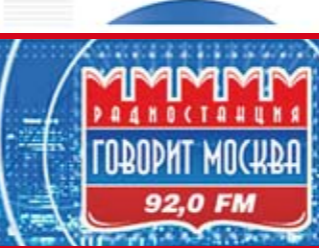
г. Москва, ул. Б. Серпуховская, д.24, стр.2; м. Серпуховская (2 млн. пеш.)
 Будни: с 10.00 до 20.00; Вык.: с 12.00 до 18.00
 Тел: 514-83-84, 514-81-21; Факс: 236-75-83; Сайт: www.micon.ru; E-mail: info@micon.ru

КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗАВОД НИКОЛАЯ ШУВАЛОВА ООО «ИТАЛМАС»

- Литье колоколов любого веса с 1990 года
- Подбор колокольных звукорадов
- Оборудование колоколен
- Обучение звонарей в Ярославской школе колокольного искусства

Тел.: (48533) 78-278, 78-272
www.italmas.com

телефоны прямого эфира:

729-33-57

729-33-78

ФОМА

программа для тех, кто хочет верить

Слушайте нашу передачу на радио «Говорит Москва» каждую среду, после 21.00

третья кнопка радиотрансляционной сети или

92,0 FM

передача «Фомы» каждую неделю

по средам, в 21-00

вопрос всесторонне изучила — но борцам против ИНН все это не указ. А что такое типологически эта борьба с ИНН? Да то же самое нестяжательство! Ведь ИНН — это признак встроенности — социальной, хозяйственной, государственной. А мы, говорят они, против, мы в леса уйдем, в катакомбы спрячемся, мы ждем пришествия антихриста. Заметьте, первые христиане ждали пришествия Христа, а эти — антихриста. Они не хотят признать, что вплоть до второго славного Пришествия Спасителя нам на земле даны формы государственного и культурного устройства православной жизни. Их тянет из культуры — в катакомбы.

Или другой пример — мне знакомы и воцерковленные, и околоцерковные люди, которые были категорически против восстановления храма Христа Спасителя. Мол, лучше эти деньги раздать нищим, ни к чему Церкви богатства, ни к чему роскошные храмы. Ну не понимают эти люди, что только так — через культуру и государственность — Церковь и может создавать на земле пространство спасения, ради чего ее Господь и основал.

И, наконец, давайте назовем вещи своими именами: есть люди, которым ненавистна Церковь и которые с Церковью борются — когда явно, а когда маскируясь,

прикрываясь именами великих подвижников. В том числе и именем преподобного Нила Сорского. Так было в эпоху обновленчества начала XX века, так происходит сейчас, в эпоху неообновленчества начала XXI века. Общий знаменатель этих течений — борьба с традицией вообще. Поэтому, когда Христос сказал, что *кто не со Мною, тот против Меня* (Мф 12:30), — Он раз и навсегда задал оценку всем этим деятелям, от Вассиана Патрикеева до «Московского Комсомольца». ■

Беседовал **Виталий КАПЛАН**
Иллюстрации
Артема БЕЗМЕНОВА

Блез ПАСКАЛЬ
(1623 — 1662)

Самая хрупкая вещь на свете*

Между нами и адом или небом — только жизнь, самая хрупкая вещь на свете.

***

Узник в темнице не знает, вынесен ли ему приговор; у него есть только час на то, чтобы это узнать; но если он узнает, что приговор вынесен, этого часа достаточно, чтобы добиться его отмены. Было бы естественным, если бы он употребил этот час не на выяснение того, вынесен ли приговор, а на игру в пикет...

Не только рвение тех, кто ищут Бога, доказывает Его существование, но и ослепление тех, кто Его не ищут.

***

Высшее проявление разума — признать, что есть бесконечное множество вещей, его превосходящих. Без такого признания он просто слаб.

***

Иисус Христос — тот Бог, к Которому приближаются без гордыни и перед Кем унижаются без отчаяния.

***

... наша религия божественна в Евангелии, у апостолов и в предании, но смешна у тех, кто плохо ее понимает.

***

Удивительная вещь христианство: оно требует от человека признать свою низость и даже мерзость — и требует от него желания уподобиться Богу. Без такого противовеса это вознесение духа делало бы его нестерпимо тщеславным, а это унижение внушало бы нестерпимое презрение к себе.

***

Есть только два вида людей: одни — праведники, которые считают себя грешниками, другие — грешники, которые считают себя праведниками.

***

...истина вне любви — не Бог...

«Мысли», 1659-1662

*Заголовки текстов этой рубрики даны редакцией журнала «Фома».

Алексей Львович БЕГЛОВ,

к. и. н., научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

«Нестяжательство» как технология власти

Фото Владимира Ештокина

■ Современная историческая наука давно уже отказалась от представления о непримиримом конфликте между заволжскими старцами-нестяжателями и сторонниками «стяжания», то есть монастырского землевладения. Но этот исторический миф вырос не на пустом месте, причиной ему — взаимоотношения русской государственной власти и Русской Церкви.

В начале XVI века русское государство обрело уже силу, самостоятельность, структурно оформилось — и это не могло не сказаться на отношениях с Церковью. Если раньше, в период татарского ига, Церковь была воспитателем русской государственности, то после того как воспитанник возмужал, появилось уже и соперничество. Причем соперничество не столько в духовной сфере, сколько на «внешнем» плане — в правовой и хозяйственной сферах. Острота этого соперничества шла по нарастающей и достигла своего максимума в XVII веке. Конечно, одним из главных поводов для этого соперничества были земельные владения. На Соборе 1503 года великокняжеская власть попыталась рекрутировать идеи нестяжателей на службу своим интересам, попыталась столкнуть Иосифа Волоцкого и Нила Сорского. Так, именно с подачи власти родилось то, что я бы назвал «политическим нестяжательством», которое особенно ярко выразилось в публицистике князя-инока Вассиана Патрикеева.

Собор 1503 года был первой попыткой поставить вопрос о секуляризации (отобрании в пользу государства) церковных земель. Тогда власть потерпела неудачу, но возвращалась к этому вопросу

примерно раз в пятьдесят лет. Начало было положено в 1503 году, затем те же тенденции проявились в 1551 году на Стоглавом соборе, в самом конце XVI века — у Бориса Годунова, в середине XVII века — противостояние царя Алексея Михайловича и Патриарха Никона, еще примерно полвека спустя — при Петре I. Наконец, в царствование Елизаветы Петровны началась подготовка к окончательной секуляризации, которая и произошла при Екатерине II.

Н. Н. Лисовой совершенно точно подметил типологическое сходство между «политическим нестяжательством» и обновленческим движением 20-х годов прошлого столетия. И то, и другое было во многом навязано Церкви государственной властью, и в том, и в другом случае власть пыталась использовать в своих интересах действительно имевшие место в церковной среде разногласия. В XVI веке — это были идеи о разных путях монашеской жизни. В начале XX-го — застарелые разногласия между белым (женатым) духовенством и монашествующей иерархией. На эти-то разногласия и опирались органы ОГПУ в своей попытке уничтожить Церковь изнутри, умело разжигая их, манипулируя людьми, создавая видимость свободной дискуссии. Надо подчеркнуть, что сами по себе разномыслия для жизни Церкви — это нормально, разномыслия были всегда, и Церковь всегда умела обращать их себе на пользу. Но когда на этих разномыслиях начинают играть силы, озабоченные исключительно земными, посюсторонними интересами, для Церкви это может представлять опасность. ■

Любовь ЕВСТРАТОВА

Картины Любви

Они как русские зори. Как вернувшееся прощание. Не кричат, не превозносятся, не настаивают на бесспорном. Просто смотрят все простившими наперед глазами-оконцами с калужских, рязанских холмов и равнин, с хранящей святую древнюю тишь Коломны, с родных неизбывных, ни с чем не сравнимых окраин: зимой ли, ворожа дыханьем морозца, или в поволоке беспечно-го летнего полдня, когда слова и звуки охотно растворяются в приглушенной задумчивой гамме цвета и света... Так откровение проявляет себя в молчании. Так являет себя душа, наделенная даром художества. Душа, живущая в облике человека. Человека по имени Любовь. Любовь Евстратова.

Всякий художник начинается с детства. Ставропольский край, село Большая Джелда. Мама водила их в храм. И каждый выходной вос-

кресный день был праздником — мама разрешала ничего не делать по дому: читайте книжки, рисуйте. Они садились с сестренкой за стол, раскладывали свои карандаши и рисовали... Несомненно, гены художества передались ей от отца: рожденный художник, он лепил глиняные игрушки, и не просто лепил всех этих барышень и казаков, но, преображаясь, играл в эти образы, разговаривал с ними...

«Мама рассказывала, что в детстве заборов не было и я все время убегала. Убегу на улицу, она догоняет, я опять бегу к чужим людям. Она думает: ну всё, дома жить не будет, «возьмите, чужие люди». Наверное, по своему складу мне и далось то, что я заслужила, к чему стремилась...»

Действительно, жизнь будет складываться из переездов, бесчисленных творческих дорог и поездов, из многих и многих встреч с людьми,

помогавшими стать художником и человеком, сопровождающими ее по жизни, как во все дни сопровождала её на расстоянии помогающая, оберегающая молитва мамы.

После окончания Ставропольского художественного училища будет и заветная Строгановка, будет замужество и рождение дочери. Но случится и новая, уже осознанная встреча с Богом: «Я испытала такую радость, притом эта радость была какая-то длительная, как-то хотелось и хочется эту радость не утратить. Соприкосновение с чем-то таким удивительно чистым, белым, и оно ни с чем не сравнимо». Появятся первые по-настоящему значительные работы, первые выставки, обретение собственного языка — своей живописи, а вместе с тем и осознание самой жизни, ее смысла, ее загадки... «Я поняла, что без Бога невозможна русская живопись, ты будешь всю дорогу путаться по каким-то дорожкам, тропинкам, уходить куда-то, а самого главного ты не встретишь, не столкнешься, все время ты будешь в заблуждениях в этих... К нам приезжают художники с Урала и удивляются, что у нас в Коломне все ходят в храм, все художники обязательно причащаются, исповедуются. „Что это у вас тут происходит такое?!“»

А происходит жизнь и любовь, без которой немислимо никакое художество. Как-то ее спросили: что вдохновляет вас в написании этих картин, пейзажей? «И сразу первая фраза у меня — окружающие люди. Для чего мы еще живем? Мы и живем для этого, чтобы как-то помочь друг другу, принести какое-то тепло. Если я могу только это делать, значит, я должна делать это».

Все-таки есть какая-то божественная закономерность в этом: женщине, как идеалу всего прекрасного в человеке, естественнее быть художником, естественнее рожать — из тайны предбытия и творческих мук — своих деток прекрасного: в красках ли, в слове ли, в музыке... Эти детки Любви Евстратовой, тихие, ясные, русские, будут смотреть на нас, будут взрослеть вместе с нами, светить нам. ■

Максим ЯКОВЛЕВ
Александра ЯКОВЛЕВА

Ферапонтово. Холст, масло. 1999 г.

Летний вечер. Холст, масло. 2005 г.

фото из архива Любви Евстратовой

Коломна. Холст, масло. 2005 г.

Ночью. Холст, масло. 2005 г.

Этюд. Холст, масло. 2000 г.

Февраль. Холст, масло. 1994 г.

Весна. Холст, масло. 2001 г.

Зимняя ночь. Холст, масло. 2006 г.

Протоиерей Николай АГАФОНОВ

История одного колокола

(правдивая сказка)

На одной очень высокой колокольне, которая вместе с храмом стояла на живописном берегу реки Волги, жила была дружная семья колоколов. Папа — солидный сорокапудовый колокол, а звали его Бум-бум. Мама-колокол, хотя и поменьше, но тоже весила немало, целых двадцать пять пудов. Маму звали Бам-бам. Старшего сына звали Бом-бом, он весил семь с половиной пудов. Старшую дочь звали Бем-бем, она весила целых три пуда. А ее младшего брата — Бим-бим, и он весил один пуд, то есть шестнадцать килограммов. А были и совсем малыши, по несколько килограммов веса: Динь и Дилинь. Надо заметить, что для праздничного звона и эти малыши не были лишними. Да разве может кто-то в дружной семье быть лишним? Папа-колокол, конечно, трудился больше всех. Начинать он всегда первым, и долго его могучий бас разносился над волжскими просторами: «БУМ-БУМ». Затем, как бы робко, ему начинала вторить мама-колокол: «БАМ-БАМ». Подхватывали звон старшие братья и сестры. И сразу же начинали веселый перезвон малыши, которые просто заливались неудержимым звонким и веселым смехом: «Динь-дилинь, динь-дилинь! Бум-бум, бам-бам, бом-бом, бем-бем, бим-бим и неумолкаемое динь-дилинь, динь-дилинь». Так было здорово и радостно, и вся семья была счастлива.

Бим-бим был самым мечтательным ребенком в семье. По целым дням с высокой колокольни он наблюдал, как по Волге шли пассажирские пароходы и буксиры, которые тянули за собой огромные баржи, груженные углем, или

Фото Вигалия Каплина

хлебом, или лесом. На носу пароходов и буксиров висели сверкавшие начищенной медью колокола.

— Что это за колокола? — спрашивал он у отца.

— Это корабельные рынды, сынок. Почти что наши родственники.

— Как бы я хотел быть рындой, — вздыхал грустно Бим-бим, — тогда бы я плавал по разным странам и много бы всего навиделся.

— Быть церковным колоколом очень почетно, — говорила мама-колокол. — Ведь мы зовем людей на молитву, значит, мы служим Богу. А выше этого служения ничего нет на земле.

— Мне уже наскучило это служение, — бурчал Бем-бем, — каждый раз одно и то же. А там, на кораблях, люди танцуют и веселятся. Там жизнь интересней, чем здесь, на колокольне.

— Как это — одно и то же? — возмущался отец. — Звон у нас все время разный, для каждого случая особый. На большой праздник — малиновый перезвон. Великим постом — другой звон. На свадьбу — тоже особый звон. Встречаем архиерея — и тут своя премудрость. А на похороны — там заубойный перебор идет. Звон — это наша молитва Богу. Если ее исполнять с душой и сердцем, то она никогда наскучить не может.

Но Бим-бим слушал отца в пол-уха и продолжал мечтать о том, чтобы стать корабельною рындой.

Недалеко от храма был причал, и Бим-бим сумел познакомиться с одним корабельным колоколом. Рында хвастал, что спускается по Волге до самой Астрахани, и даже бывал в Каспийском море. А вверх по Волге он доходил даже до Твери.

— Что ты там видел? — с завистью спрашивал Бим-бим.

— Чего я только не видал на своем веку, — хвастливо говорил Рында, — всего и не перескажешь.

На самом же деле он был еще очень молод и служил на пароходе первый год, но воображал себя заправским «морским волком».

Как-то раз, проплывая мимо храма, Рында прокричал Бим-биму:

— Послушай, Бим, новости. В стране произошла революция. Наступила свобода. Храмы закрываются и религия отменяется.

Бим-бим очень обрадовался этому известию и даже закричал:

— Ура! Теперь я смогу стать рындой!

— Конечно, ты теперь можешь стать кем угодно. Теперь каждый честный колокол должен стать рындой.

— Сын мой, — сказал колокол-отец, — мне больно слышать от тебя такие слова. Какая свобода тебе нужна? Разве ты сейчас не свободен?

— Какая же это свобода, когда я не могу звонить в то время, когда я сам хочу и как хочу, — негодовал Бим-бим.

— Это, сын мой, не свобода, а произвол. Если все колокола будут звонить когда захотят и как захотят, такой звон будет никому не нужен. Это будет уже не молитва, а беснование безумцев.

— Не слушай отца, — кричал Рында, — он отсталый и невежественный колокол и ничего не понимает в свободе.

Вскоре на церковь повесили замок, и в колокола звонить перестали.

— Вот тебе, сынок, и свобода, — ворчал отец, — виси себе на свободе никому не нужный.

Бим-биму такая свобода тоже не понравилась, но он с затаенной надеждою ждал, что вскоре придут за ним и отнесут его на корабль.

Прошло несколько лет, и вдруг колокола услышали скрип ступенек на колокольне. Они очень обрадовались, думая, что идут звонить.

— Наконец-то вспомнили о Боге, — вздохнула облегченно мама-колокол. — Да и не могло быть по-другому, без Бога жить нельзя.

На колокольню поднялось сразу несколько человек. Колокола увидели, что это не церковные люди. Они не осеяли себя крестным знаменем. Двое из них даже курили папиросы, чего никогда бы не позволили себе верующие. Люди стали обмерять колокола. Один сказал:

— Эти самые большие колокола будем сбрасывать прямо с колокольни.

— Они так разобьются, — сказал второй человек.

— Ну и пусть себе бьются, — сказал первый, — все равно их отправлять на переплавку.

И тут колокола поняли, какая ужасная участь их ждет, и заплакали. Люди соорудили деревянный настил, спустили на него колокол-папу. Папа-колокол молча упирался, но его все равно постепенно продвигали к краю колокольни. Когда колокол-отец почувствовал, что ему больше не удержаться, он успел крикнуть:

— Прощайте, мои родные, сейчас вы в последний раз услышите мой звон...

Договорить он не успел и полетел вниз с колокольни. «БУМ» — раздалось внизу от удара огромного колокола об землю. И земля, и колокольня содрогнулись от этого могучего удара.

— Прощайте, дети, — сказала, заливаясь слезами, колокол-мать. — Вы знаете, как я вас всех любила. Может быть, эти изверги пощадят хотя бы вас, деток моих. Самой же мне хочется быть рядом с поверженным супругом. Потому смерти я не страшусь.

Через несколько мгновений внизу раздалось глухое «БАМ», и все смолкло. Дети беззвучно оплакивали своих родителей, готовясь разделить их участь. На колокольне был матрос. Он подошел к Бим-биму и слегка дернул за веревку его язык. Раздалось печальное и звучное — «БИМ».

— Звук этого колокола очень похож на рынду, — сказал матрос, — пожалуй, возьму я этот колокол на корабль, наша старая рында недавно треснула.

Он снял колокол и понес его вниз. Сбылась мечта Бим-бима, но он нисколько этому не обрадовался. Подавленный гибелью своих близких, он даже не понимал, что с ним происходит. Когда матрос спустился вниз, ➤

Бим-бим увидел на земле умирающего отца. Огромная трещина прошла через все его тело, а отвалившийся от него увесистый осколок лежал рядом.

— Куда тебя, сынок, несут? — каким-то неузнаваемым, осипшим голосом спросил отец.

— Меня несут на корабль, папа.

— Значит, так суждено Богом, сынок. Вспоминай нас с матерью и не забывай, что ты из церковной семьи. Будешь служить на корабле, служи честно, чтобы не посрамить наш благородный род церковных колоколов.

— Прости меня, отец, и ты, мама, прости. Я был не очень-то послушным сыном, и теперь я об этом горько сожалею.

— Мы тебя прощаем, сынок, — сказала мать надтреснутым голосом. — Только умоляю тебя, сохрани веру в Бога. Где бы ты ни был, всегда помни свою родную колокольню, тогда и сохранишь свою веру.

С тех пор Бим-бим плавал на корабле по Волге. Он повидал много красивых городов и сел. Но вскоре все это стало привычным, и ничто не волновало его сердце, кроме одного: каждый раз, когда он проплывал мимо своей родной колокольни, все в нем сжималось в тоске и печали. Ему казалось, что корабль слишком быстро проплывает это место. И он вновь с трепетным волнением ждал встречи со своей колокольней. Задолго до приближения к храму он узнавал родные берега, и его сердце начинало отчаянно биться. Еще один изгиб русла реки — и уже виднеются кресты и маковки куполов. Порою Бим-биму начинало казаться, что вот прямо сейчас на колокольне раздастся отцовское «бум-бум». И оно понесется сладостным, родным звуком над Волгой, и отцовскому голосу начнет вторить материнское «бам-бам». Но колокольня молчала, и это молчание низводило в душу Бим-бима такую грусть, что предложи ему кто-нибудь хоть еще один раз услышать голоса его близких, он готов был за это счастье навеки сгнить в глубинах волжской воды.

Как-то раз, проплывая близ одного села, Бим-бим заметил пожар, и тут ему показалось, что он слышит голос старшего брата: «Бом-бом». А один раз, когда он проплывал мимо школы, то ему послышался голосок его младшей сестренки: «Дилинь, дилинь, дилинь».

Вскоре началась тяжелая война. И он вместе со своим матросом воевал на боевом корабле под Сталинградом. В самый разгар боя, когда кругом рвались снаряды и свистели пули, Бим-бим услышал, что его матрос молится Богу. Это очень обрадовало колокол. Корабль сильно качало, и Бим-бим качался вместе с ним, но с упоением продолжал слушать молитву. И тут он заметил пулю, которая летела прямо в его матроса. Бим-бим решительно качнулся в ее сторону, жалобно звякнув от удара. Матрос понял, что колокол защитил его от смерти и, перекрестившись, поцеловал своего спасителя.

Прошли годы. Война закончилась. Матрос уже был капитаном большого пассажирского теплохода, но не покинул свой колокол. Бим-бим, проплывая теперь мимо своей колокольни, с огорчением видел, что храм потихонечку разрушается: прогнили купола, покосились кресты, провалилась кровля и осыпалась штукатурка. Вскоре капитан ушел на пенсию, а заботу о колоколе передал своему сыну — молодому капитану. Но и молодой капитан вскоре состарился. И как-то раз, подойдя к колоколу, сказал:

— Ну все, старина, теплоход наш списывают на металлолом, а меня списывают на берег. Но ты не бойся: я возьму тебя с собой.

Бим-биму было грустно оттого, что он больше никогда не увидит своей колокольни. В этом последнем рейсе

он с особым волнением ждал встречи со своим храмом, чтобы попрощаться с ним навсегда. Но то, что он увидел, подплывая к своему храму, его взволновало еще сильнее. Бим-бим увидел, что храм начали ремонтировать. «Раз храм восстанавливают, значит, там будут служить. Интересно, а кто там будет звонить к службе?» Бим-бим взмолился:

— О! Если только один раз мне дали бы позвонить к Божественной службе, то я готов принять мучительную смерть в плавильной печи. Только один раз, — и Бим-бим горестно зарыдал.

Капитан тоже заметил, что храм восстанавливают. По прибытии в порт он взял колокол, погрузил его в багажник своего автомобиля и поехал к тому храму.

Когда Бим-бима несли по свежевыструганным ступенькам на колокольню, он плакал, но уже от счастья. А когда его стали укреплять на звоннице, то он заметил, что тут уже висят колокола. Бим-бим пригляделся и ахнул, едва не лишившись чувств. Рядом с ним — его братья и сестры! Они радостно приветствовали Бим-бима.

— Ну что, бродяга-романтик, наскитался на воле?

— Братья, сестры! Да как же вы тут, я уже и не надеялся вас увидеть!

— Меня забрали к себе пожарники, — сказал старший брат Бом-бом, — и я все эти годы возвещал набатом о пожарах.

— Так это значит, что твой голос во время пожара мне не почудился! — воскликнул Бим-бим.

— А меня ты, братик, не мог слышать, — сказала старшая сестра Бем-бем, — я проводила время в тишине музейных залов.

— Меня ты тоже не мог слышать, — сказал младший братишка Динь, — меня спрятала на чердаке одна верующая старушка. Так я и валялся там в пыли все эти годы. Пока меня не разыскала ее внучка и не снесла сюда, в храм.

— А вот меня ты мог слышать, — похвасталась малышка Дилинь, — я работала в школе и возвещала своим звонком начало уроков и перемен.

— Да, сестренка, — воскликнул Бим-бим, — я действительно один раз, случайно, слышал тебя и был очень удивлен.

— А теперь, братец, ты расскажешь нам свою историю. Мы уверены, что у тебя есть что рассказать.

— О да, мои дорогие братишки и сестренки, моих рассказов хватит вам на долгие годы. Но я слышу, как поднимается звонарь, служба Богу прежде всего, а наговориться с вами мы еще успеем. В своих скитаниях я понял твердо одно: нет ничего лучше и краше на всей земле, чем служение Богу.

К сожалению, не было колокола-отца и колокола-матери. Но вместо отца звон начал его старший сын и над волжскими просторами понеслось: «БОМ-БОМ». И вот уже его сестра начала ему вторить: «Бем-бем». Она старалась свой звук сделать как можно насыщеннее. Поэтому у нее почти по-матерински выходило: «Бам-бам». Вскоре в общий семейный хор радостно и звонко ворвался голос Бим-бима. И на всем этом фоне голосов старших братьев и сестер, залились мелодичным перезвоном повзрослевшие малыши: «Динь-дилинь, динь-дилинь, динь-дилинь».

Думаю, не надо говорить, как самозабвенно и с упоением звонили после долгой разлуки колокола. Ведь они себя вновь ощущали дружной колокольной семьей. ■

Рисунки Александры СИНИЛЬНИКОВОЙ

Сергей Щербаков
Константин Васильев
У одной реки

М.: Российский писатель, 2007. — 104 с.

«Эта книжечка — о мужской дружбе, о жизни и смерти, о том, как рождается художественное слово...» Так пишет Сергей Щербаков в предисловии к книге памяти, посвященной его другу, безвременно ушедшему поэту из Борисоглеба Константину Васильеву.

Издание разделено на две смысловые части. Первая — воспоминания о днях, проведенных Щербаковым вместе с Васильевым; диалоги и споры о вере в Бога — такой трудной, мучительной для мятущейся души поэта; о радостях и печалях простой дружбы двух творческих людей. Так верный друг говорит о заблудившемся, но любимом друге: искренне, жестко и ласково одновременно, с невыразимой болью за него. Вторая — собственно стихи Васильева, написанные им в разные периоды его жизни.

У Константина Васильева была сложная судьба — одаренный талантом, он не сумел бросить пить и повторил судьбу многих тысяч деревенских людей — сгорел от алкоголизма. С одним только отличием — после себя он оставил удивительные стихотворения, простые, но чистые, как вода в звонком весеннем ручье.

*Зачем гуляю по лугам?
Вон пчелы — носят мед...
Дурная голова ногам
Покою не дает?
Но лето, утро, пенья птиц,
Тяжелый звон шмеля...
Здесь вместо тьмы усталых лиц
Одно лицо: земля.*

За живой водой

Оптинские встречи

М., 2005. — 352 с.

«За живой водой» — издание, целиком посвященное современной жизни Оптиной Пустыни. Сделано оно в форме бесед и монологов, «с одной целью: сохранить достоверность, поведать читателю о духовной жизни монашеской обители из уст в уста».

Это богато изданная книга — на мелованной бумаге, с обилием красочных фотографий, иллюстрирующих повседневную жизнь монастыря: лица, природа разных времен года в Оптиной, монахи в труде и молитве.

«Поет иеродиакон Рафаил» — о «самом маленьком в монастыре человечке в очках с толстыми линзами» — монахе «с детской душой», пасечнике и гитаристе (к очерку прилагаются тексты и ноты). «Осиротевшие дети» — о сиротском приюте в Калужской области, о жестокой правде жизни и о детской молитве. «За живой водой» — развернутый портрет и беседа с иеросхимонахом Селафиилом о судьбе Оптиной Пустыни, о ее влиянии на русскую культуру и историю, о старчестве и духовном подвиге.

Особняком в книге стоят небольшие, но емкие истории-исповеди — «Новые свидетельства молитвенной помощи Оптинских старцев». Это рассказы об опыте веры современных людей из разных городов: Санкт-Петербурга, Киева, Москвы, Калуги. Рассказы монахов и мирян, обстоятельные, подробные, длинные и в несколько строк... Такие простые заголовки: «Операция прошла успешно», «Долгожданный первенец», «Как

я стала другим человеком», «Искушения послушника»... но такой глубокий смысл, заключенный в каждом из этих свидетельств!

Клайв Стейплс Льюис
Размышления о псалмах

М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2007. — 128 с.

«Это не ученый труд. Я не гебраист, не экзегет, не археолог, не историк Древнего мира. Я пишу для неученых о том, о чем и сам не много знаю. Если мне надо просить за это прощения, я прошу его примерно так: очень часто два школьника могут помочь друг другу лучше, чем учитель. Соученик поможет лучше, потому что он знает меньше. Он сам недавно думал о том же, что и его друг. Учитель думал об этом так давно, что все позабыл» — так Льюис начинает свои «Размышления о псалмах».

Книга знаменитого христианского апологета XX века, написанная в 1958 году, заставляет нас по-новому взглянуть на содержание привычных и, казалось бы, известных наизусть текстов псалмов, задать себе честные и зачастую нелегкие вопросы, поразмышлять о путях познания Священного Писания.

Книга разделена на главы по ключевым мотивам псалмов: «Суд», «Смерть», «Слаще меда», «Природа», «Хвала»; отдельно идут главы: «Иносказания в Ветхом Завете» и «Иносказания в псалмах». Автор рассказывает о своем понимании псалмов как литературных произведений, о духовных источниках слова, о библейских авторах и современных толкователях.

«Размышления о псалмах», которые имели все шансы стать чрезвычайно умным, но несколько скучным научно-богословским изданием, получились, благодаря таланту автора, увлекательными и яркими. Конечно, особенная ценность книги — в том, как она написана: все-таки Льюис в первую очередь писатель, а не ученый. Библейские тексты он исследует со всей трепетностью и искусностью мастера слова.

Елизавета КИКТЕНКО

Надежда Дробышевская
Детская правда

Минск: Изд-во Белорусского экзархата, 2003. — 191 с.

«Однажды я спросила:
— Костя, ты бы мог убить человека?
— Да.
— Кого?
— Папу. Хотел зарезать. Я уже все приготовил, но не смог.
— За что?
— За маму, за нашу жизнь (мама у Кости в тюрьме. — Л. К.).
Но сразу же продолжил:
— Я все равно хочу домой. Вдруг там папу встречу! Поэтому я убежал из интерната. Я не мог поверить, что дома нет ни папы, ни мамы».

Эти бесхитростно-пронзительные строчки — из книги «Детская правда». Автор ее, Надежда Дробышевская, православный врач-психотерапевт, в течение шести лет проработавшая в детском отделении минской психиатрической больницы, написала эту книгу на материале работы со своими маленькими пациентами, имеющими, как правило, стандартный диагноз: «патологическое формирование личности». Диагноз этот не означает психических отклонений, и все же психиа-

тры ставят его сегодня все большому количеству детей.

Попадая в это отделение, дети спрашивают друг у друга не «что у тебя болит?», как в обычной больнице, а «ты здесь за что?». А они здесь за многое. Прожив на свете всего-то десяток с небольшим (а то и чуть меньше) лет, они уже стали бродягами, преступниками, токсикоманами, сексуальными извращенцами, иногда убийцами.

Название книги подсказал один из ее героев, разговор с которым приведен в начале статьи, — тот самый Костя, который мечется между любовью и ненавистью к отцу, между жадной нормальной семьей и желанием отомстить за несбывшееся.

«Это Костя дал название данной книги. Однажды во время нашей беседы в моем кабинете Костя глянул на магнитофон и спросил, что там записывается. А я как бы отвлеченно сказала: «Про вас буду писать». И через два дня Костя спрашивает: «Как будет называться ваша книга?» Я даже растерялась и спросила: «А как бы ты назвал?» Он ответил: «Наверное, „Детская правда“».

Описывая несколько десятков историй детей с искореженными судьбами и искаженным сознанием, Надежда Дробышевская делает грустный и трезвый вывод: такими детей делаем мы сами, взрослые, и, прежде всего, самые любимые и близкие — мамы и папы. За тяжелой формулировкой «Патохарактерологическое формирование личности» скрывается беспомощность и бессилие взрослых. Ведь не болезнь стала причиной асоциального поведения детей; наоборот, болезнь — лишь печальное следствие серьезных ошибок, допущенных когда-то взрослыми. Надежда Афанасьевна видит причину этих ошибок в отсутствии веры, христианского взгляда на жизнь. Не имея элементарных представлений о Боге, о добре и зле, о

грехе и покаянии, люди разучились выстраивать взаимоотношения друг с другом, разучились любить. Результат — разбитые семьи, сломанные судьбы детей, их искаленная психика.

Добрый человек в белом халате — не волшебник. У Надежды Дробышевской нет готовых рецептов превращения детей из «плохих» в «хорошие». Она просто пытается отогреть их не знающие тепла холодные сердечки и, как человек верующий, надеется на Благодать Божию. А еще Надежда Афанасьевна уверена, что доброе слово может многое изменить в душе ребенка, поэтому она читает своим пациентам добрые книги, рассказывает о Боге, о вере, о святых.

Даст ли это плоды? Бог весть... Думается, что даже если мимолетно коснется судьбы ребенка неравнодушный, имеющий дар любви человек — где-то глубоко в сердце он будет жить всегда, и память о нем, слова его в нужную минуту смогут сотворить чудо. ■

Любовь КАНТАРЖИ

LEMek travel agency

РЕЛИГИОЗНЫЕ ТУРЫ НА СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ

101-22-65 многоканальный

- Ежедневные экскурсии по Святым местам
- Праздничные богослужения:
в Храме Рождества Христова в Вифлееме
в Храме Гроба Господнего в Иерусалиме
- Завезды приурочены к православным праздникам
- Сопровождение групп православным священником
- Организация обрядов Крещения и Венчания в Русской Духовной Миссии в Иерусалиме
- Другие туры по Израилю

www.lemek.ru

Скимен — это молодой лев

Военно-патриотическая школа «Скимен» при храме Благовещения Пресвятой Богородицы в Петровском парке проводит набор юношей и девушек школьного возраста.

Скимен по-гречески — молодой лев. Он царственно благороден и силен, мужествен и отважен, не сдается перед трудностями, верен долгу и дружбе. Для формирования этих качеств в школе проходят занятия по:

- основам православной культуры,
- строевой, боевой и общефизической подготовке,
- рукопашному бою и историческому фехтованию,
- ориентированию на местности и основам выживания.

Уроки проводят опытные преподаватели, тренеры, действующие офицеры армии и спецслужб.

С ребятами регулярно проводятся беседы священник и духовник школы. Для учащихся организуются паломничества к святыням России, а во время каникул — походы и полевые занятия.

Успешно закончившим школу юношам дается рекомендация и оказывается содействие в поступлении в высшие военные учебные заведения.

Занятия бесплатные, проводятся ежедневно с 16.00 до 19.00.

Адрес: Москва, ул. Красноармейская, д. 2. **Проезд** до ст. м. Динамо, далее 7 минут пешком через Петровский парк.

Тел.: 8(916) 903-93-23 (Софья Борисовна).

Храм в Бакировке

Церковь великомученицы Параскевы Пятницы в Бакировке, основанная в 1685 году, пережила за свою долгую историю не одно разрушение

и воссоздание. В 1989 году церковь закрыли из-за аварийного состояния: обваленный купол, отсутствие стекол и многочисленных деталей, прогнивший и рухнувший в подвал пол... Прихожане храма просят помощи!

Адрес: 42742, Украина, Сумская область, Ахтырский район, с. Бакировка, ул. Набережная, 99.

Тел.: +38 050 166-25-27 (настоятель — священник Вадим Батюк); **e-mail:** akhtyrka@yandex.ru, pantelimon.zrb@mail.ru.

Реквизиты:

Получатель: Батюк Вадим Ильич (batyuk vadim illich)

Счет: 26201601143414, (sumy, ukraine, ma 134905)

Банкполучателя: ПРИВАТБАНК Днепрпетровск, Украина
Счет банка получателя: 3023181000000158100

Банк-корреспондент: МОСКОМ-ПРИВАТБАНК, Москва, Россия
БИК 044585342, ИНН 7713003871
К/с: 3010181040000000342

Волонтеры из Калуги

По благословию митрополита Калужского и Боровского Климента благотворительный фонд «Волонтеры в помощь детям-сиротам» и Калужское православное молодежное движение начали ряд совместных благотворительных акций.

— Мы объединились два года назад, чтобы защитить Крестовоздвиженский монастырь Калуги, которому грозило разрушение, — рассказала «Фоме» руководитель Калужского православного молодежного движения Елизавета Шведова. — Но со временем нас увлекли и другие проекты.

Фонд постоянно помогает работникам Детской городской больницы областного центра в занятиях с детьми-отказниками. Обязанности волонтеров: играть и гулять с детьми, помогать медицинскому персоналу.

Ближайшая акция — сбор детского питания и средств гигиены для «отказников» — пройдет 8, 9, 11, 12 февраля в сети магазинов «Мишутка» в Калуге.

Тел.: 8(910) 865-29-65, (4842) 56-09-89 (Елизавета Шведова); 8(910) 604-77-89 (отец Георгий).

Помогите Лизе!

Лизе Селиверстовой — два с половиной года. У нее — злокачественная опухоль мозга, вот уже больше года девочка борется за жизнь. В России Лизе были сделаны три операции на мозге, но состояние ее лишь ухудшилось: в 2007 году Лиза ослепла. Теперь девочку лечат в Германии, но у родителей кончились средства на продолжение лечения... Помогите Лизе!

Тел. в Германии:

8-10-4917668410377 (мама Лизы — Селиверстова Татьяна Николаевна).

Московские телефоны волонтеров: 656-68-27, 8(906) 051-60-17 (Алексей Рычков); 8(916) 116-47-22 (Лера Дмитриева).

E-mail: avr1969@rambler.ru.

Реквизиты:

Сбербанк России:
БИК 044525225,

к/с 30101810400000000225
ИНН 7707083893 ОКПО 00032537
Дополнительный офис 7982/01727
Тверского отделения 7982
Сбербанка России г. Москва
р/с 30301810338000603804

Селиверстова Татьяна Николаевна.
Счет 42307.810.3.3804.9611797
(Пожертвование на лечение Селиверстовой Елизаветы Андреевны.)

Сайт «Преображение Господне»

Сайт www.preobrazhenie.paskha.ru, посвященный празднику Преображения Господня, будет интересен широкому кругу пользователей интернета: неопитам и воцерковленным людям, взрослым и детям.

На сайте представлено семь разделов различной тематики. В разделе «Обычаи» рассказывается о том, как празднуется Преображение Господне в

России и на Афоне. Евангельские тексты и толкования к ним можно найти в разделе «Богослужение». По краткому справочнику можно отыскать список Преображенских монастырей и храмов с телефонами и адресами.

Помимо этого на сайте помещены стихи и проза Александра Блока, Бориса Пастернака, Ивана Шмелева, посвященные Преображению; галерея живописных работ российских и зарубежных мастеров.

www.preobrazhenie.paskha.ru

Московский Международный Дом Музыки

Концерты в феврале:

15.02. Ave Maria. Хор Академии хорового искусства под руководством Виктора Попова; 19-00. Светлановский зал.

29.02. «Воскресения День». Пасхальные песнопения и гимны народов мира; 14-00. Камерный зал.

29.02. Джузеппе Верди. «Реквием». 19.00. Светлановский зал.

Адрес: Космодамианская наб., д. 52, стр. 8.

Тел.: 8(495) 730-10-11.

Собор русских патриархов

До 27 февраля 2008 года продлится выставка «Собор русских патриархов», посвященная предметам быта и религиозной культуры Русской Православной Церкви.

Адрес: Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль».

Тел.: 8(495) 202-37-76 (автоответчик), 203-03-49. ■

Спасибо!

«От всей души хотим поблагодарить весь коллектив православного журнала «Фома» и всех добрых людей, которые откликнулись на публикацию в №9 2007 года «Помогите Анатолию вернуть зрение!»

Анатолию успешно провели операцию, и зрение почти полностью восстановилось. Не знаем, что бы мы делали, если бы не ваша помощь... Низкий вам поклон, добрые люди! Мы будем за всех вас молиться!»

*Витязевы-Ожерельевы,
Саратовская область.*

*Подготовила
Елизавета КИКТЕНКО*

Фото ИТАР-ТАСС

«Подари жизнь» — в регионы!

Учредители фонда помощи детям с онкологическими заболеваниями «Подари жизнь» (www.podari-zhizn.ru) Чулпан Хаматова и Дина Корзун так говорят о самых главных целях своей работы: «Мы хотим, чтобы дети были предметом любования и восхищения, а не предметом скорби! Детский рак излечим. Это опасное, тяжелое, но излечимое заболевание. Каждый год в России около пяти тысяч детей заболевают раком. Но мы больше не боимся думать об этих детях. Мы знаем, что им можно помочь. Мы знаем, как им помочь. Мы обязательно им поможем».

Фонд «Подари жизнь» и дружественная ему группа «Доноры — детям» (www.donors.ru) активно сотрудничают с Храмом Христа Спасителя, совместно помогают отделению нейроонкологии Научно-практического центра в Солнцево, где также создана волонтерская группа (www.deti-npc.ru).

Сейчас фонд «Подари жизнь» планирует начать работу в регионах. Цель — создание волонтерских групп при детских онкологических отделениях по всей стране. Это крайне важно, ведь состояние медицины в регионах действительно катастрофическое: сказываются отсутствие оборудования и дефицит кадров. В частности, более половины детей получают неверные первичные диагнозы, что впоследствии либо приводит к смерти, либо существенно затрудняет лечение. Кроме того, родители и дети почти бесправны, не знают, что им положено по закону и не умеют отстаивать свои интересы перед врачами и администрациями. Семьи в регионах, как правило, малообеспеченные, а болезнь ребенка приводит их к нищете. Из-за этого родители часто отказываются от лечения... и дети умирают.

Такова страшная реальность, но фонд «Подари жизнь» и группа «Доноры — детям» очень хотят и стараются ее изменить. У них накопился очень успешный опыт создания волонтерских групп при онкологических больницах и поддержки семей больных детей по всем направлениям: материальному, организационному, психологическому, бытовому. Теперь их цель — начать подобную работу и в регионах!

Организаторы собираются создавать при региональных онкологических отделениях группы добровольцев, которым будут передавать опыт.

Кроме того, одна из задач этой масштабной акции — максимально привлечь к организации волонтерских групп активных прихожан местных общин и приходов.

Присоединяйтесь — этим вы сможете спасти жизнь детям!

Контакты:

Фонд «Подари жизнь»:
Тел.: (495) 517-15-85, (495) 961-49-91, (495) 585-74-92.

Факс: (495) 936-03-97. **E-mail:** info@donors.ru

Группа «Доноры — детям»:

Координатор по донорам, тел.: 517-22-86. ■

ПАЛОМНИЧЕСКИЙ ЦЕНТР НИЖЕГОРОДСКОЙ ЕПАРХИИ

По благословению архиепископа Нижегородского и Арзамасского Георгия Паломнический центр Нижегородской епархии НИИ ПЦЦ «Глагол» призывает совершить паломничество по Нижегородскому краю, России, За рубежом

Организуем любые коллективные и индивидуальные паломнические поездки по святым местам земли Нижегородской. Для групп – экскурсии по Нижнему Новгороду «Нижегородские купола»

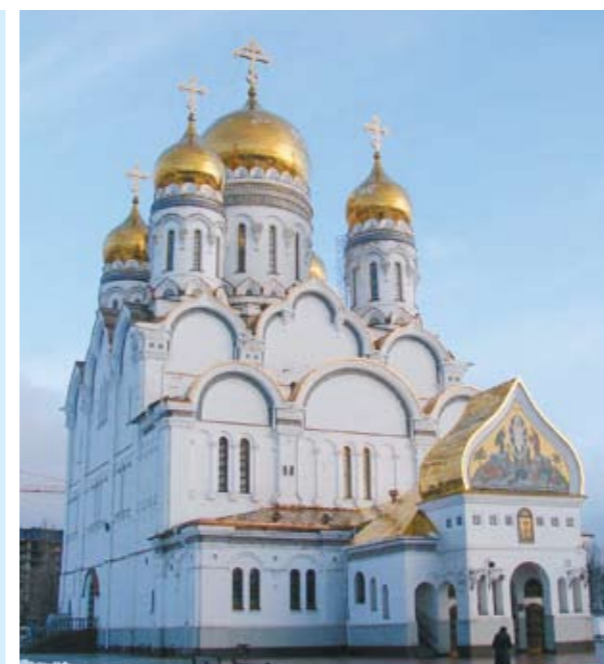
Н.Новгород, ул.Пискарева, 38
 факс (831) 211-49-70,
 тел. (831) 211-49-71
 e-mail: palomnikn@yandex.ru

МЕШАЮТ ЛИ ДЖИНСЫ СПАСЕНИЮ

Вышло в свет **третье, дополненное и исправленное издание** книги главного редактора журнала «Фома» Владимира Легойды. Эта книга адресована невоцерковленным и даже неверующим читателям, которые хотят разобраться, чем на самом деле является Православие. Это собрание статей, написанных в разные годы, часть из них уже печаталась в «Фоме», а другие впервые появились только в книжной публикации. Книга показывает, что Православие — это религия радости, любви и красоты, и не правы те, кто сводит его только к унылым запретам.

Заказать и купить книгу можно, написав по адресу: sales@foma.ru, либо позвонив по телефону: (495) 246-74-92, 246-87-34

Также звоните по многоканальному телефону издательства «дарь»: (495) 780-39-11 или пишите на адрес: dar@palamed.ru

КРЕСТЫ И КУПОЛА

УРАЛ АСПЕКТ

закрытое акционерное общество

Изготовление и монтаж:

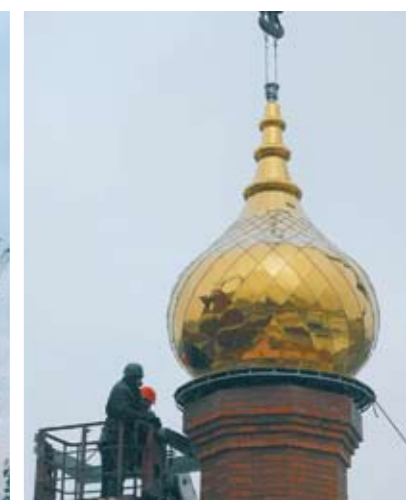
- Крестов различной сложности из нержавеющей стали.
- Куполов с облицовкой из нержавеющей стали толщиной 0,5 мм, с покрытием золотом, нитридом титана под цвет золота, под цвет меди, синего цвета.
- Облицовочного материала из нержавеющей стали толщиной 0,5 мм, с покрытием нитридом титана под цвет золота, цвет меди, синего цвета.
- Внутреннего убранства храмов.
- Гербов, эмблем, логотипов, надписей, мемориальных архитектурных сооружений из нержавеющей стали.
- Архитектурных изделий методомковки, формования, литья.

Процесс производства происходит на базе крупного оборонного завода, конверсионные технологии, научно-технический и производственный потенциал которого позволяют изготавливать уникальные изделия высокого качества.

Заречная ул., 13, а/я 448, г. Трехгорный, Челябинская обл., 456080

Тел.: (35191) 6-84-99, ф.: (35191) 4-02-45

E-mail: uralasp@atlint.ru; http://www.uralasp.ru

Исследовательский центр портала SuperJob.ru

Социологические опросы

Вопрос: Как изменилась наша жизнь?

Общий объем выборки: 1800 респондентов

Маркетинговые исследования

Вопрос: Кока-кола или Пепси?

Общий объем выборки: 5600 респондентов

Обзоры зарплат

Обзор зарплаты: Бизнес-аналитик

Единица измерения: российский рубль

	МИН.	МАКС.
Москва	40 000	120 000
С.Петербург	30 000	90 000
Н.Новгород	20 000	60 000

SuperJob.ru находится в постоянном развитии, предлагая своим клиентам новые возможности и услуги. Новое направление, которое успешно осваивает портал – это проведение маркетинговых исследований, социологических опросов и обзоров заработных плат, осуществляемых Исследовательским центром портала SuperJob.ru

Работа должна доставлять удовольствие!

Сомневающиеся и... сомневающиеся

по мотивам рубрики «Блогосфера»

Могу предложить несколько мыслей по поводу обсуждения облика «Фомы» и выбора героев. Буду писать отрывочно, связи, надеюсь, понятны:

1. Добиться единого, объективно воспринимаемого облика журнала довольно сложно, если не невозможно. В когнитивном, коммуникативном плане журнал — чрезвычайно сложная система. В него много что вложено. Что говорить, сами знаете. Каждый вычленяет из этого наиболее, как говорят, референтные либо резонансные для себя элементы. Даже когда произносишь прямые, простые вещи, например, слово «они» или «сидя» — многие в конкретных обстоятельствах будут воспринимать это как-нибудь по касательной или боком и думать: «ага, значит не мы». Или: «ага, значит не стоя». Так получается, что помимо главного месседжа, который пожелала вложить в номер редакция, он, этот номер, выражает также побочные. В числе побочных и при этом довольно устойчивых, часто срабатывающих — связанное с тем, что в психологии именуют фрустрацией. Фрустрация, если коротко, — это когда чей-нибудь сильный образ, будучи положен ко всему прочему на кальку общественных приоритетов, приводит человека к замешательству, подавлению. «Если он — так, то как же я?» Или: «...то что же со мною?» Некоторые примеры и образы из номеров «Фомы» наверняка могут и будут фрустрировать аудиторию. Но, конечно, это не столько вина редакции, сколько схематика современного массового сознания — вычислять самого себя из соответствия тому, о чем говорят и чем увлечены многие. Взгляд Володи Гурболикова, художественный, созерцательный, никуда не бегущий, не спешащий, любующийся собеседником как творением Божиим, — я считаю, сегодня есть редкость и исключение из правил.

2. В коммуникации «Фомы», кроме прямой, существует возвратная фаза. Спустя некоторый промежуток пламенно-догматического неопитства, человек, будучи уже верующим и церковным, опять возвращается к диалектическому мировосприятию и заново ощущает себя «сомневающимся». Хотя это уже, конечно, абсолютно не те сомнения, что были вначале.

Работать одновременно на обе аудитории чрезвычайно сложно. Это разные по существу аудитории, чисто условно объединенные понятием «сомневающих». Вот, мы же видим: одну часть глянец привлекает, а другую — как-то двояко, под сомнением. Первые четко прочтывают миссионерскую подкладку интервью с ВИПами (автор дневника, говоря о «разрушении мифа об атеистической и антицерковной позиции многих», очень удачно сформулировал общий принцип такой презентации). С позиции же других, одной «не антицерковности» мало, и в подтверждение авторитетности сказанного нужны аргументы, показывающие более глубокую и тесную приверженность Православию. То есть, по большому счету, нужны два «Фомы». Но поскольку надежно распараллелить каналы коммуникации и, в частности, системы распространения вряд ли получится, журнал остается под единой обложкой, а двоится и параллелится уже сам в себе, что, разумеется, не всегда удобно.

3. Журнал читают вообще все. Начальное позиционирование в качестве «журнала для сомневающихся» никого особо не отпугивает и не смущает. Кто-то, не будучи обуреваем сомнениями, читает «Фому» потому, что читал его раньше. Кто-то потому, что читать особо-то и нечего. Кто-то еще из-за чего-либо. В аудиторию, таким образом, попадают еще две группы. Одну я упоминал: неопиты. Другая — те, кого коротко определим как «обсучавшихся православ-

ных». Последними по факту, так или иначе являются все или почти «все, кому за -дцать» (стажа церковности). Я на самом деле еще не встречал, кто «Фому» не читает. За исключением людей старшего возраста (и то не всегда) и объективных обстоятельств (взять негде). Недавно вот побывал в одном «медвежьем углу»: сельцо вымершее, хорошенькая церковь, живут двое — священник-игумен и его мамочка, питерские — служат. Первый раз увидал, как батюшка буквально, не в переносном смысле, сам читает, сам поет, сам кадило подает. Плюс иконы еще пишет, плотничает, столярничает и прочее. Так что бы вы думали? Читает!

Ну что с этого? Вообще бы, хоть последнее время с «Фомы» было снято — уже легче бы стало. Это я про то, что, начиная с какого-то времени, если воцерковление у нас реально совершается, «журнал для сомневающихся» обязан как бы уступать место иным вещам. Но... Есмы, каковы есмы. А с другой стороны, каким образом работать на данную аудиторию и чем преодолевать ее «обсучивание»? Вопросец, как говорится, на засыпку...

С неопитами, казалось бы, проще, однако не без нюансов. С неопитом надо всего осторожней. Потому что его догматическая пламенность должна, обязана просто-таки взять своё и не оборваться раньше времени. Что например будет, если ребенку раньше времени начать раскрывать подноготную мира взрослых? Безверие. То же и здесь.

К неопитам у нас вообще крайне немилосердны. Взять вот хотя бы недавнюю полемику вокруг статьи И. Медведевой и Т. Шишовой «Критика чистой радости». Что там в итоге критики выделили в качестве главного? А что мамочка, пришедшая к вере, катастрофически неправда, ибо не тянет происходящего в доме: старики против постов, муж — за полноту сексуальной свободы, дети-подростки — за MTV и компьютер. Любви, стало быть, не хватает бедняжке. Для полной христианской радости.

Боже мой, да она же еще сама, как натянутая струна, вся теряется и трепещет! Неужто не ясно? Если ее сейчас вот заставить в сложную диалектику вдаваться и прежде освоения христианского «что такое хорошо, что такое плохо» понуждать находить сверх-педагогичный подход ко всему и к каждому... Она же в такой ситуации, извините, просто свихнется. Или, что более вероятно, отойдет от Церкви, смягчая таким образом остроту кризиса. И это, на самом деле, у нас происходит в подавляющем большинстве, может быть, в 90 процентах случаев. То есть человек там-сям прикасается к церковному: «да, — про себя думает, — хорошо бы!..» А потом возвращается к «реализму», где старики желтую прессу читают, муж требует новой остроты ощущений, а дети приходят из школы и, не глядя в глаза, — пряником за компьютер... «Вот те и да». Мигом отлеталась. «Куда мол, красотуля, с твоей харей да в калашный ряд?!» Потопталась, короче, свечку поставила и... потихонечку вышла. И всё миссионерство. Которое в данном случае, в отличие от молодежной миссии, заметим, ничего сочувствия как бы и не вызывает.

Вот какие требуются герои, сознавшие при этом? Поди гадай. Для неопитов у нас ведь нет специальных журналов, да и ко всему церковному новообращенный подходит с полной открытостью и доверием. А его, бедолагу, нарочно никто не бережет. Жизнь идет своим чередом, шуму много. Сбивает многое с толку, ой как сбивает. ■

Андрей РОГОЗЯНСКИЙ,
из обсуждений в блоге на сайте журнала «Фома»